

Творческая Мастерская «Альтернатива – Арт»

в рамках реализации проекта с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

«История. Люди. Память» – серия видеофильмов и репортажей об историческом наследии и об объектах, находящихся под угрозой исчезновения на территории Калининградской области»

№ 20-2-006713

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

туристический маршрут по муниципальному образованию «Город Мамоново»

**«Особая земля в середине Европы –
от Священной горы и секиры до города на границе».**

Фотография Константина Косенкова,
сотрудника Мамоновского городского музея,
сделана во время съёмок репортажа «Ромове Рикойто».

Сопроводительный материал к туристическому маршруту вокруг города Мамоново несколько отличается от представленных проектом «История. Люди. Память» маршрутов по муниципальным округам Калининградской области.

Вниманию туристического сообщества представлены материалы об отдельно взятых населённых пунктах, входивших в границы как исторического округа Хайлигенбайль, так и современного муниципального образования «Город Мамоново» — Хайлигенбайль, Бальга, Цинтен – соответственно, город Мамоново, посёлки Весёлое и Корнево.

Открывает подборку представляемого материала исследования историков о Древней Пруссии и Ромове — одного из главных языческих святилищ у средневековых пруссов. Посещение знакового места близ Мамоново предлагаем совершить вместе с сотрудниками Мамоновского городского музея, участвовавших в съёмках репортажа

проекта «История. Люди. Память» — **«Ромове Рикойто»**

<https://www.youtube.com/watch?v=Nf8ZWFQZ7Bg&t=2s>

Краткая история города дополнит посещение и самого музея в Мамоново, где силами всеми известными и любимыми в Калининградской области хранителями богатой коллекции, найденных предметов в округе, раскрывается история города Хайлигенбайля, о которых создан видеофильм **«Хайлигенбайль – Мамоново. Музей и люди»**

<https://www.youtube.com/watch?v=7Tqmr5fD86I&t=662s>

Не менее значима работа сотрудников музея Дмитрия Адольфовича Шилова и Константина Ксенкова ведётся по сохранению руин церкви Хайлигенбайль, тем самым создавая места туристического притяжения в самом западном городе Калининградской области. Увлекательный рассказ послужил сюжетом репортажа **«Кирха Хайлигенбайль»**

<https://www.youtube.com/watch?v=ZlGC2zz5suA&t=10s>

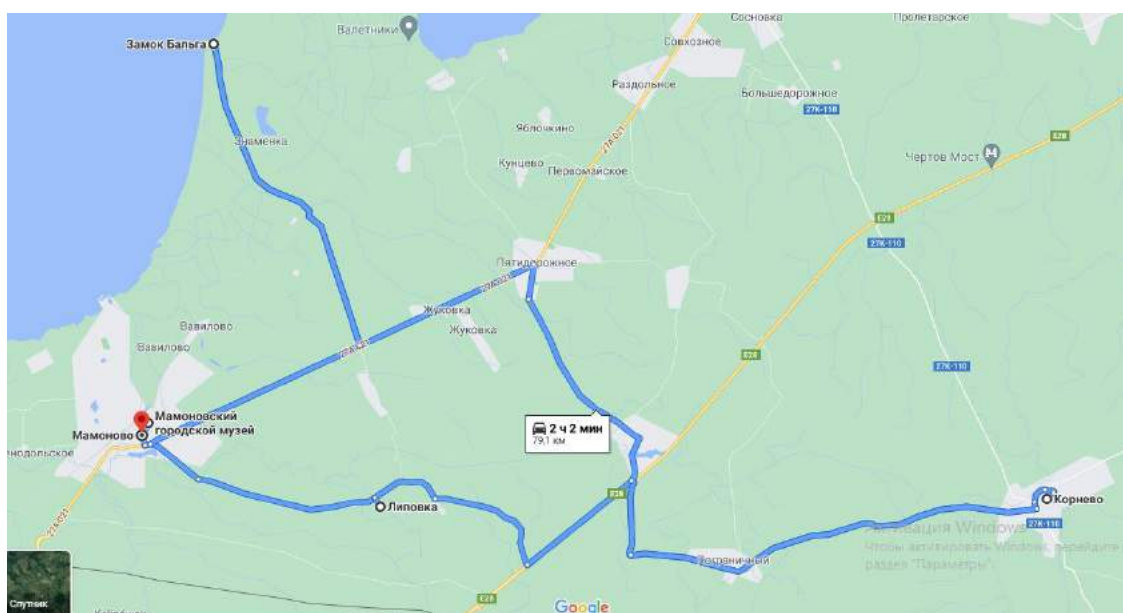
В музее города Мамоново бережно хранят и историю Бальги, с которой началось продвижение отрядов рыцарей Тевтонского ордена вглубь на восток языческой Пруссии. В данной работе представлен материал из монографии истории Бальги Эмиля Иоганна Гутцайта (*1898 Кёнигсберг – †1984 Бад Эмс), ученого-краеведа и историка.

Многих привлекает этот таинственный полуостров Калининградской области, поэтому в сопроводительном материале подробно составлен рассказ о жизни обитателей замка и близлежащих деревень Бальги. Большое значение историческому месту предавалось и хронистами Ордена, фрагменты из Хроник приводились на страницах проекта в социальных сетях и собраны в качестве письменных источников о культуре и традициях пруссов-язычников.

Небольшой очерк о посёлке Корнево, который относится к административному округу Багратионовского района, а когда-то второго города крайса Хайлигенбайль, познакомит с богатой историей живописных мест, который не оставляет исследователей из Мамоново – находки из Цинтена то и дело возникают с завидным постоянством.

Данная работа направлена на знакомство с небольшим муниципальным образованием «Город Мамоново» и приглашает совершить путешествие, маршрут которого рекомендуем планировать с посещением Мамоновского городского музея.

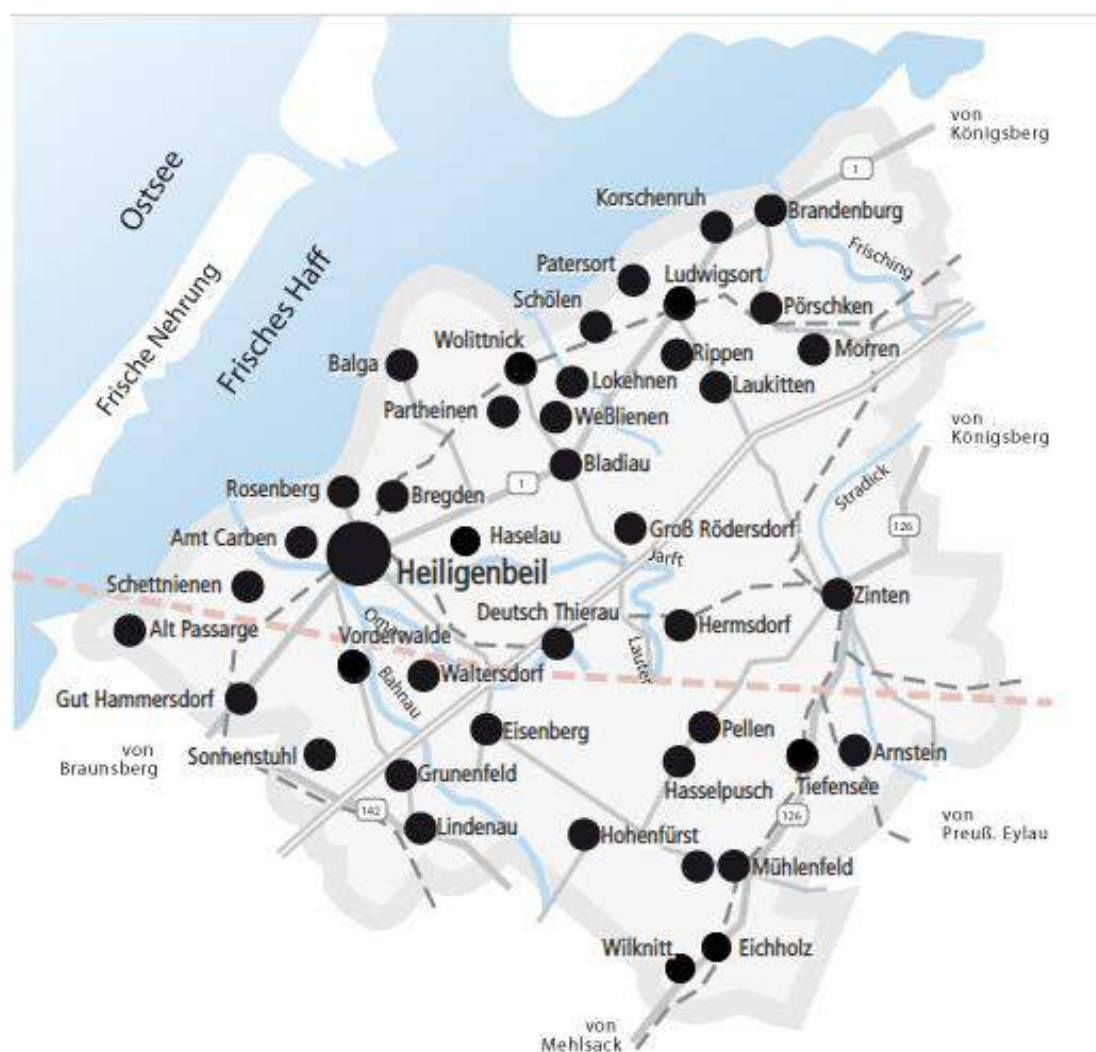

Итак, добро пожаловать в «Мамонию», – так с любовью называют свой «Особый край» хранители истории города Ха.

1. Муниципальное образование «Город Мамоново»

Ещё 1 января 1977 года Мамоново входил в Багратионовский район вместе с двумя другими городами этого округа: Багратионовск и Ладушкин, и несколько посёлков, объединявшиеся в 11 сельских советов. В 1996 году из состава Багратионовского района были выделены муниципальные образования «Город Ладушкин» и «Город Мамоново», а сельские советы переименованы в администрации сельских округов. Города теперь являются абсолютно самостоятельными со своей великолепной историей.

В сопроводительном материале к туристическому маршруту «Особая земля в середине Европы – от Священной горы и секиры до города на границе» с удовольствием поведаем об истории Мамоново. Однако к Багратионовскому району относятся довоенные знаковые Цинтен и Балга... Сейчас это посёлки Корнево и Весёлое – в своё время входившие в состав бывшего крайса Хайлигенбайль.

Город Мамоново является приграничным автомобильным переходом с Польской республикой. Расположен недалеко от побережья Калининградского залива и в 48 км от Калининграда в непосредственной близости от места, где река Витушка впадает в реку Мамоновка. Нам известно, что Багратионовский район расположен на территории древней земли Натангии, а вот поселения вокруг Города Топоров – аккурат на земле Вармии. Какие такие «топоры», вы спросите? И что значит – «Вармия»? Ну что ж, тогда обо всё по порядку...

Итак, Вармия – это историческая область, которую заселяло древне-прусское племя вармийцев, от реки Эльбинг (на западе река соединяется с восточным рукавом реки Вислы, Ногатом, посредством Kraffohl — канала длиной в 6 км) до Вислинского залива. Вармия занимала центральное положение среди территорий, на которых жили пруссы, поэтому крестоносцы стремились овладеть ею в первую очередь, это давало им плацдарм

для экспансии на сопредельные территории. В 1243 году на территории Вармии было образовано Эрмландское епископство, обладавшее особым статусом. Гордый Князь-епископ Вармии обладал широкой самостоятельностью, хотя и находился в подчинении великого магистра Тевтонского ордена.

В настоящее время небольшая северная часть Вармии входит в состав России и охватывает Ладушкинский и Мамоновский городские округа, и юго-западную часть Багратионовского района по левым берегам рек Майской, Корневки и Прохладной, включая замок Бальга, но не включая посёлок Славское (бывший Кройцбург), поскольку он относился уже к соседней исторической области – Натангия (об этом посёлке подробно изложено в сопроводительном материале к туристическому маршруту нашего проекта «Натангия – Прусский Эйлау – Багратионовский район в фамилиях и усадьбах»).

Основная же южная часть Вармии входит в состав Польши, где название данной исторической области стало частью названия Варминьско-Мазурского воеводства, учреждённого в 1999 году. К Вармии исторически относят польские города как Ольштын (бывший Алленштейн), Барчево (бывший Вартенбург), Бранёво (бывший Браунсберг), Пененжно (бывший Мельзак), Лидзбарк-Варминьски (бывший Гейльсберг), Фромборк (бывший Фрауенбург).

Хотелось бы обратить внимание на определение о центральном местоположении Вармии среди прусских территорий, но только с точки зрения не плацдарма для экспансии крестоносцев, а именно центра Древней Пруссии.

И мы рады тому обстоятельству, что город Мамоново самостоятельный округ со своим уникальным положением и невероятной собственной историей,

уходящей глубоко в древние времена.

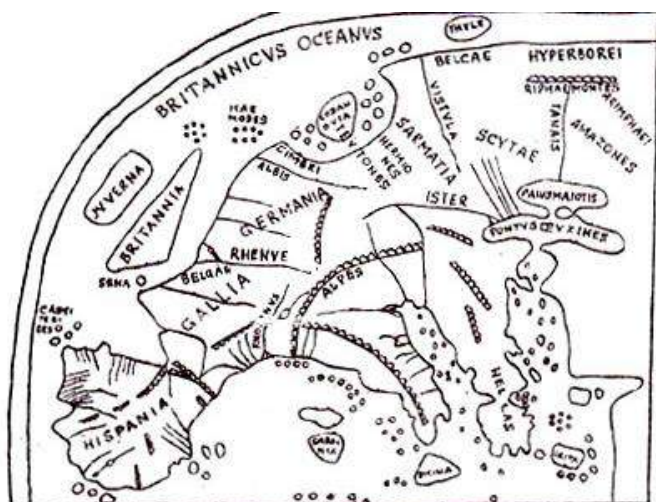
2. Древняя Пруссия

«...Остров, называемый Озеркита, где растёт род кедрового дерева и откуда стекает янтарь на утёсы...» Плиний Старший – о земле пруссов, I век.

Пруссы – один из западно-балтских народов, населявших в древности восточные и южные побережья Балтийского (Варяжского) моря.

Язык древних пруссов, близкий к архаическим балтским языкам литовцев и латышей, отчасти сохранившийся в средневековых и более поздних письменных источниках, отчасти реконструированный усилиями современных лингвистов, на настоящее время, увы мёртв.

Эта потеря, как и многие другие, – результат активной «просветительской» деятельности христианских Орденов Средневековья...

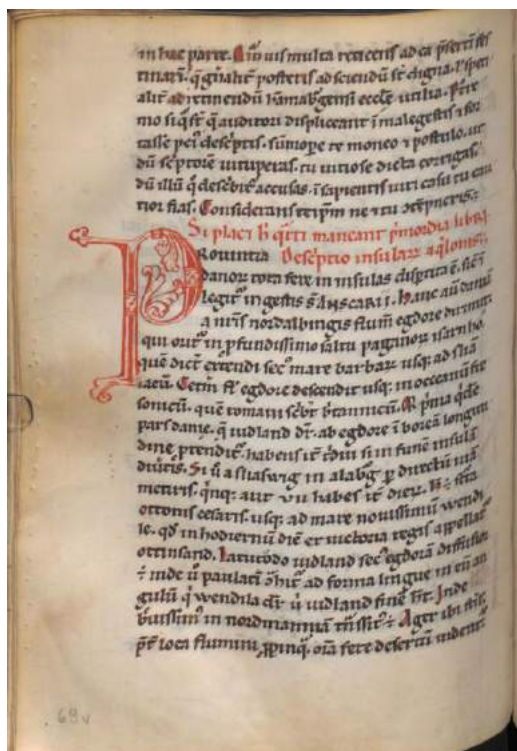
Классическим – и, возможно, одним из самых древних – упоминанием народа пруссов можно, вероятно, называть слова «Повести временных лет»: *«Ляхи же и пруссы сидят близ моря Варяжского»*. Сама же прусская земля упоминается в сохранившихся письменных источниках значительно раньше. Еще знаменитый Пифей (вторая половина IV века до н.э.) писал в своих «путевых записках» о волшебном острове Балтия (Балсия),

берега которого усыпаны янтарем. Позднее эту землю упоминали Эратосфен, Плиний Старший, Тацит. Последний, к слову, оставил нам замечательное свидетельство о том, что люди, живущие в этих местах, *«поклоняются Праматери богов и как отличительный знак этого культа носят на себе изображение вебрей»* (Germania, I век до н.э.).

И в Средние Века прусские земли посещались путешественниками достаточно часто. Один из самых ранних средневековых письменных рассказов об этих берегах принадлежит купцу Вульфстану, жившему в Германии.

Согласно его описанию (конец IX века), он видел страну, изобилующую медом, рыбой и янтарем, страну, в которой множество городов, управляемых самостоятельными королями, которые часто воюют между собой. Больше, чем полвека спустя (в 965 году) здесь побывал Ибрагим ибн Якуб, писавший о местных жителях, что «славятся они храбростью; когда приходит войско, никто не ждет, чтобы присоединился его товарищ, а рубит своим мечом, пока не умрет». В 997 году сюда добрался монах Адалберт, спешивший просветить местных язычников (за что и поплатился головой, поскольку, как можно предполагать по ряду косвенных данных, начал свою деятельность с поругания одного из прусских капищ). Вслед за Адалбертом, в самом начале XI века, явился сюда очередной «просветитель» – Бруно фон Керфут, не избежавший той же печальной участи...

Значительно позже, в 1075 году, о пруссах писал Адам из Бремена: «...остров называется Семланд и находится поблизости от русских и поляков. Он населен сембами, или пруссами, очень человеколюбивыми и самоотверженными, которые всегда стремились на помощь тем, то подвергался опасности на море или нападению пиратов».

Топоним, употребляемый Адамом в отношении земли пруссов, – Семланд (позднее превратившийся в Земландию) – происходит, очевидно, от названия одного из крупнейших прусских племен – сембов (или самбов, самоназвание – Semba). Это понятно. Для современного читателя может быть непонятно другое – почему Адам называет Семланд островом. По современным географическим понятиям страна пруссов-самбов, занимающая западную часть

Калининградской области России, находится на континенте. Однако островом эти земли называет не только Адам, но, как мы видели выше, и Пифей в IV веке до н.э., и Плиний Старший в I веке н.э. Дело здесь отнюдь не в изменении очертаний береговой линии Восточной Балтики, а в несколько ином отношении в древности к самому понятию «остров». Семланд, с запада и севера ограниченный Балтикой, а с востока и юга отделенный от европейского континента большими реками Преголя и Дейма, в представлении древних был именно островом – в символическом смысле, как некая земля, обособленная от континента. Особая земля.

3. Особая земля.

«Но вот что должен ты сделать. Вернувшись домой, прикажи измерить твоё королевство вдоль и поперек, и найди его середину...», – цикл валлийских повестей (жизнеописания) Мабиногион, XIV век (валлийский язык – разновидность кельтской группы языков, уэльский язык или кимрский язык, относящийся к бриттской группе кельтских языков).

оставил бы здесь своего следа...

Человеку, впервые знакомящемуся с археологией и историей прусской земли, прежде всего бросается в глаза своеобразная «этническая пестрота» этого очень небольшого, в общем-то, кусочка Европы. Здесь жили балты, бывали, торговали и жили германцы – готы и еще другие; здесь жили кельты, и именно из их языка, к слову, происходит одно из древнейших имен «острова» – Озерикта. Как кажется, нет ни одного нордического народа, который не

Что же привлекало сюда, на маленький болотисто-холмистый «остров» на востоке Балтики, людей со всех концов Европы? Богатейшие разработки янтаря и торговый Янтарный путь? Да, несомненно, но не только это. В самые разные эпохи самые разные властители с разных концов Европы пытались пробиться на этот остров и утвердиться на нем – именно утвердиться на этой земле, а не просто контролировать торговлю янтарем. В древности янтарь во всей Европе считался наделенным магическими свойствами и, соответственно, народ, владевший такими огромными янтарными богатствами, не мог не иметь в глазах соседей особого статуса. В чем же дело?

В древней традиции есть важнейший принцип, хорошо известный исследователям: принцип ассоциирования власти, как явления сакрального, с понятием центра. На уровне сакральной географии (и древней геополитики) это означает: *«землей правит тот, кто сидит в ее середине»*. Вспомните устремление Святослава Игоревича – «пойти и сесть» в Переславле Дунайском, *«ибо там есть середина моей земли»*. Или – другой пример – древняя Ирландия, сакральным образом разделенная на пять королевств, четыре из которых находились на западе, востоке, севере и юге острова, а пятое в центре: *Верховным Королем Ирландии был тот, кто, владея самым маленьким королевством (Миде), сидел в сакральном центре острова – в Уснехе, позднее – в Таре.*

Что же Семланд? Эта земля, которую древние называли «волшебным островом» (Пифей и др.) и нередко ассоциировали с мифологической Ultima Thule. На карте Европы римского географа Помплония Мелы (I век до н.э.) к северо-востоку от устья Вислы (Вистулы) изображен «волшебный остров» Туле, легко идентифицируемый как Семланд, и находится в географическом центре Европы. Следует отметить, что, как утверждают ученые, географический центр Европы находится несколько восточнее, но

в любом случае на древне-балтских землях, и удивительным образом связан с сакрализуемым Главным европейским водоразделом. Поэтому крайне западная часть Балтии, с которой соприкасались западноевропейцы и, которая, к тому же, имела редкое островное очертание), воплотила для них сакральные качества всей Балтии. Уже одного этого достаточно, чтобы понять, почему с древнейших времен так стремились сюда не только торговцы и путешественники. Именно здесь до начала XIII века находилось главное святилище прибалтийских балтов – знаменитая Ромува, или Ромува Рикойто, удержать под собой этот остров.

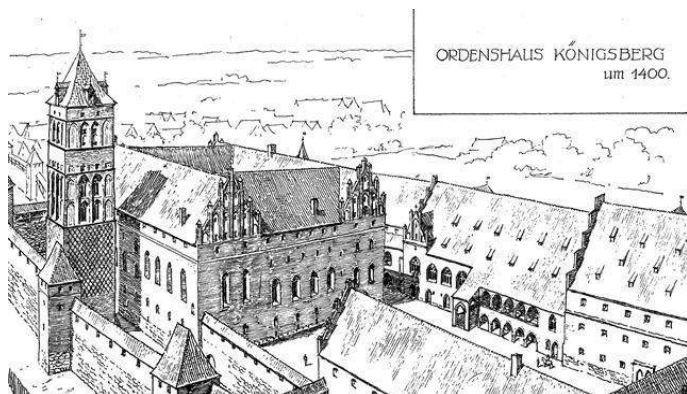
В конце VII – начале VIII вв. пруссы сумели одержать победу над полчищами авар, пробивавшихся к Балтике с юга при поддержке роксолан («светлый алан» — ираноязычное сармато-аланское племя, кочевавшее со II века до н. э. по 1 половину 1-го тысячелетия н. э. в землях Северного Причерноморья и Дунайского региона). В «Прусской Хронике» Симона Грунау говорится:

«Будучи упрошен воинами, король (пруссов) Видевут остановился со своими (приближенными) и стал держать совет, тогда приказал Брутен – (верховный жрец) криве-кривайто – собрать всех благородных на празднике их богов в Рикойто, и они пришли все. Тут случилось так, что произошла могучая буря с громами и молниями, в которой они увидели мощь Перкуна с небес. Брутен посчитал это знамением для них и сказал, что воля богов такова: все они, снарядившись, должны выступить против Антонеса (один из вождей аваров и роксолан) и его народа, и нарек священной кровь слугителей их богов, которые будут их сопровождать. И закончились возлияния меда, и выступил (вождь), и взял своих, и разбит был Антонес, и низвергнут с Чинбехом, королем из Роксолании. (...)

Сын Антонеса Чанвиг спасся и прибыл к Брутену и Видевуту, и поклонился их богам, и просил мира, и после своей просьбы пожелал принести богам жертвы, и они ему вняли. Тогда загнал он в чистом поле белую лошадь до смерти и сжег ее. Отсюда пошел обычай: никто в стране (пруссов) не мог ездить на белой лошади, и держали ее только для богов».

Симон Грунау – монах, по происхождению прусс; в конце первой четверти XVI века им была написана «Прусская хроника» – очень важный источник (хотя в деталях нередко подвергающийся сомнениям), содержащий важные сведения по прусской истории.

Итак, в XIII веке именно сюда, в Семланд, направляет свой главный «удар на восток» Тевтонский орден. Медленно, с боями, продвигается Орден от первого, выстроенного на крайнем западе Пруссии, замка (замок Бальга, 1239) в сердце Семланда, и в 1255 году на месте сожженного прусского города Твангесте на реке Преголя (на прусском Twanksta –

«запруда»; сравнивая с белорусским словом «твань» – «топь») закладывает будущую столицу здешних своих владений – замок Кёнигсберг (перевод с немецкого Koenigsberg – «королевская гора»). Вспомним значение «горы», как символа центра, которое к тому же подчеркнуто здесь через обозначение высшей (всегда сакральной) власти.

В 1309 году резиденция Великого Магистра Ордена переносится из Венеции в замок Мариенбург (ныне – Мальброк) на территории современной Польши – поближе к Семланду, тогда же Кёнигсберг становится резиденцией Великого Маршала Ордена, а в 1457 году – непосредственно центр Семланда, Кёнигсберг – уже становится резиденцией.

Вероятно, нет нужды лишний раз напоминать, что в процессе завоевания и «христианизации» Самбии местное прусское население «волшебного острова» было вырезано практически поголовно, либо было вынуждено мигрировать на восток, в Литву, или к родственным им ятвягам, на территорию современной Беларуси.

Калининградский областной историко-художественный музей. Фибула (застежка для плаща), с орнаментом в виде свастики из музейного собрания "Пруссия"
| Фото: Виктор Буладин / "Известия"

В первой половине XX века фашистская Германия, возрождающая древние языческие культы и магические практики, именно в Кёнигсберге размещает один из основных институтов знаменитой системы Ahnenerbe [нем. «наследие предков»], работавшей именно в этом направлении. Но интересен не сам этот факт, как таковой, а то, с каким упорством едва ли не до последних дней войны Германия пыталась удержаться на этом маленьком

клочке суши. Уже давно шли бои в предместьях Берлина; Кёнигсберг, не имеющий к этому моменту никакого военного и стратегического значения, был полностью изолирован советскими войсками, но... Известен личный приказ фюрера, подписанный примерно в эти дни и адресованный командующему обороной Кёнигсберга генералу Отто Ляшу – приказ, предельно лаконичный по форме и абсолютно четкий по содержанию: «Город не сдавать».

«Землей правит тот, кто сидит в ее середине». Мабиногион, XIV век.

И, стало быть, Европой правит тот, кто сидит, в Семланде...

4. Ромува – святилище в центре Европы

«...Собрать всех благородных на празднике их богов в Рикойто...» – «Прусская Хроника» Симона Грунау.

Вплоть до XIII века история Семланда вращается вокруг главного святилища этих места – Ромувы (Ромовы Рикойто).

Сейчас невозможно сказать, когда именно оно было основано. Во всяком случае в VIII веке оно уже существовало и играло большую роль в жизни местных племен, как следует, например, из «Прусской хроники». Более поздние свидетельства говорят о том, что население восточной Прибалтики – прежде

всего, западные балты – воспринимало Ромуву как главное свое святилище.

Любопытно, что связь Ромувы, к примеру, с белорусскими землями подтверждается многочисленными белорусскими топонимами (названия типа «Ромава», «Раманава» и т.п. в Беларуси обычно были сакрализуемыми центрами близлежащей территориальной округи) и историческими свидетельствами;

к тому же, если прусская Ratawa значило «Ромува», то ratawan – священный лес вообще, что ставит ее (как минимум) на уровень великих святилищ Европы – таких, как Аркона, Уппсала, или Ретра.

Однако, Ромуву отличает от других великих святилищ местонахождение: Ромува – святилище в центре Европы и, стало быть, не просто главное святилище одного или нескольких народов, но – «главное» капище Европы. Как, собственно, и балты, ввиду своего соотношения с географическим Центром Европы, главным Европейским водоразделом и «главным капищем Европы», не могут, таким образом, не иметь особого статуса в древней общеевропейской перспективе...

И еще отличает Ромуву – это последнее европейское великое святилище. Уппсала пала в начале XI века, Аркона на острове Рюген, и Ретра (место расположения языческого храма бога Радегаста) – в середине XII века, Ромува же держалась до конца XIII века, причем жречество Ромувы

«функционировало» – пусть и на новом месте, в Вильно, в течение еще двух столетий после захвата Семланда крестоносцами. По некоторым преданиям, именно на капище Ромувы был перенесен священный огонь из Арконского храма после разграбления Рюгена королем Вольдемаром и крестоносцами.

Исторически достоверные сведения о начале Ромувы весьма скудны. Мы знаем, что, также, как в Арконе, с этим святилищем была связана мощная жреческо-воинская организация. Как пишет В. И. Кулаков, руководитель Балтийской археологической экспедиции, *«вся мощь, проявленная прусской дружиной в битве с аварами, стала, видимо, приписываться покровительству богов, жертвы им заменили дань, которую дружина получала от окружающих побежденных племен»*. Во главе этой сакральной организации стоял верховный жрец, Криве-Кривайтис, фактически бывший главой государства (т.е. языческая древняя Пруссия являлась теократическим государством) до прихода в Пруссию Тевтонского Ордена. Любопытно, что титул (или, скорее, сакральное имя) верховных жрецов Ромувы – Криве – совпадает с самоназванием ближайших славянских соседей балтов – кривичей (т.е. «потомков Криве»). Более того, это слово – krive – до сих пор означает «русский» на балтских языках.

Следует особо отметить признание одним из ведущих российских неоязыческих идеологов теории происхождения названия протобелорусского племени кривичей от балтского первосвященника Криве. Однако и славянское этническое происхождение кривичей также вполне может быть опровергнуто. «Русский» же звучит как *krievs* только лишь в латышском языке, и связано это с теми же балтами-кривичами.

Петр Дусбургский, орденский священник и хронист начала XIV века, написавший в 1326 году восславляющую дела тевтонцев «Хронику земли прусской», свидетельствовал о власти верховного жреца Ромувы:

«...Криве, которого они (пруссы) почитали как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литовцы, и прочие народы земли Ливонской. Такова была власть его, что не только он сам или кто из родичей его, но даже гонец с его посохом или с другим отличительным знаком, проходя по пределам вышеупомянутых язычников, был в великом почете у королей, нобилей и простого люда».

По свидетельству историка XIX века, военного инженера, публициста, исследователя литовской мифологии (писал на польском языке) Теодора Нарбута, власть балтского первосвященника Криве-Кривейте охватывала «всю землю Литовскую, Пруссию, Литву, Жемайтию, Куронию, Земгалию, Ливонию, Латгалию и даже земли кривичских руссов (*Creviczensivim Russorum*)». Зафиксировано также и белорусское название священного посоха – «крывуля», идентичное с литовским *krivule*.

Подобно Уппсале и многим другим нордическим святыням Средневековья, Ромува была посвящена триаде богов: юному Потримпсу, Перкунсу и старому Патолсу.

Мы видим здесь классическую для индоевропейцев триаду, объединяющую три высшие божественные функции: плодородие – Потримпс, война (гроза) – Перкунс и магия-власть (смерть) – Патолс.

Подобная же триада богов почиталась в шведской Уппсале, описание которой приводит Адам Бременский:

«В этом храме, который весь разукрашен золотом, народ поклоняется статуям трех богов. Самый могущественный из них, Тор, сидит на своем престоле посередине храма. Водан и Фрикко (Фрейр) сидят по ту и другую стороны от него. Отличительные черты каждого из них: Тор, как говорят, владычествует в воздухе и правит громом и молнией, ветром и дождем, хорошей погодой и урожаем. Другой, Водан, что значит “ярость”, правит войнами и вселяет в людей храбрость перед лицом врагов. Третий, Фрикко, дарует смертным мир и сладострастие. Его идол снабжен поэтому громадным детородным членом».

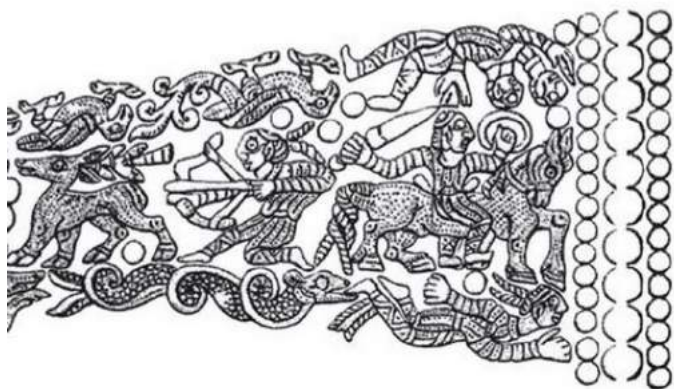
Верховная триада прусских богов изображена на известном средневековом литовском знамени, расшитом балтскими рунами; там мы видим их с определяющими общеиндоевропейскими атрибутами: бога плодородия с серпом в руке, бога грозы и войны – с символическими молниями и камнем (традиционным, наряду с молотом, оружием богов-громовников) и бога магии и судьбы – с черепом, символизирующем его связь со смертью.

*Старинная гравюра, изображающая Ромуву, показывает, в соответствии со свидетельством Симона Грунау, что лики трех этих богов были вырезаны на священном дубе в центре святилища.

Несмотря на то, что Семланд как таковой имеет весьма небольшие размеры (примерно 30 км по меридиану и 80 км по широте), первоначальное место расположения Ромувы окончательно не выяснено. Можно однозначно утверждать, что великое святилище находилось где-то в Витланде (так называлась в древности западная треть Семланда, непосредственно выходящая к Балтике), но более точное определение места вызывает некоторые затруднения.

Большинство историков сходится на мнении, что капище Ромувы находилось в районе современного города Мамоново на юго-западе Калининградской области – т.е. фактически на границе Самбии. Однако в таком случае это в полусотне километров на юг от Преголи, за которой начинается «остров».

Эта версия действительно выглядит наиболее правдоподобной и имеет множество косвенных подтверждений – начиная от того, что возле Мамоново действительно известно средневековое капище, которое и отождествляют обычно с первоначальной Ромувой, и заканчивая свидетельством Симона Грунау о том, что битва пруссов с аварами происходила, с

одной стороны, на границе Самбии и Мазурицкого Поозерья, а с другой стороны – неподалеку от Ромувы.

Существуют и другие – хотя и менее аргументированные – версии. Так, например, одна из них связывает с Ромувой средневековое прусское святилище на горе Хаузен (у западного побережья, у посёлка Русское), в высочайшей точке полуострова. Согласно другой версии, Ромува располагалась где-то на гряде высоких холмов, тянувшейся с востока на запад параллельно северному побережью полуострова.

Так или иначе, но Ромува находилась в западной части Семланда, близ побережья. В середине XIII века святилище было захвачено крестоносцами Тевтонского Ордена, но это не было неожиданностью для жрецов Ромувы: к тому времени неравная борьба с Орденом шла

уже несколько десятилетий. Согласно одному из связанных с Ромувой старинных преданий, крестоносцам не удалось осквернить последнее великое святилище: жречество покинуло капище за несколько дней до прихода тевтонцев; перед тем, как уйти, верховный жрец Ромувы, Криве-Кривайтис, закрыл святилище, совершив некий обряд, знание о котором передавалось только по линии Криве-Кривайтисов.

Жрецы ушли, забрав с собой Силу святилища, – фактически, забрав с собой саму Ромуву. Примерно в полусотне километров восточнее, на одном из капищ эта Сила была воплощена заново – но об этом чуть позже...

Когда крестоносцы вошли на место великого святилища, оно было пусто. Единственное, что им досталось (не считая, возможно, построек и т.п.), – это огромный священный дуб. Как-то было в ходу у средневековых христианских миссионеров и «просветителей», священное дерево подлежало непременно уничтожению.

Эта судьба не миновала и дуб Ромувы, однако, срубить его оказалось сложнее, чем предполагали, вероятно, тевтонцы. Первый рыцарь Ордена, подступивший к дереву с боевым топором, погиб после первого же удара – согласно легенде, секира отскочила от ствола и ударила собственного владельца...

Но вернемся к жрецам, покинувшим великое святилище. Сейчас нам сложно судить об их мотивах. Быть может, Криве-Кривайтис надеялся, что нашествие тевтонцев будет остановлено где-то посередине Семланда. Если это так, то его надежды, как мы знаем из истории, не оправдались. Быть

может, он предвидел полный захват Пруссии, но рассчитывал, что скрытность и неожиданность его действий позволят сохранить хоть что-нибудь, – и в таком случае он оказался прав.

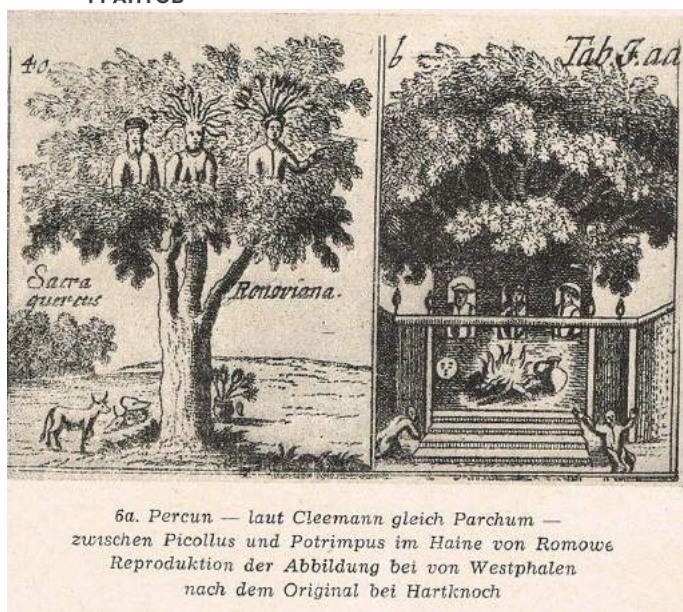

Итак, святилище в западной части Семланда было закрыто, и жрецы покинули его, оставив крестоносцам лишь то, что не смогли унести с собой. Отойдя на полсотни километров к востоку и выбрав некое другое капище в окружение болот они, как говорит предание, совершили там специальный обряд и заново открыли Ромуву. Таким образом, святилище не погибло, но лишь было перенесено.

Шло время; Орден наступал, и очень скоро весь Семланд оказался под его властью. На холме возле болот, где было сокрыто новое капище Ромувы, поднялся замок Инстербург (ныне – г. Черняховск). И снова служители Ромувы Ордену не достались: Криве-

Кривайтис вместе со своими жрецами успел перейти Дейму и скрылся в языческой Литве, успешно противостоявшей натиску христианских рыцарских Орденов. На священной горе у реки Вилии, там, где в скором будущем поднимутся стены новой столицы Великого Княжества Литовского, Криве-Кривайтис заложил новое святилище – огромный сакральный комплекс, которому суждено было стать новым сакральным центром балтов.

И все же этот центр не получает имя Ромувы. Почему? Ответ на этот вопрос в предании, сохранившемся не в Литве, а в самом Семланде: второе святилище Ромувы, находящееся в восточной части «волшебного острова», не было закрыто верховным жрецом. Криве-Кривайтис ушел в Литву, но Ромува осталась там, где ей и должно быть, – в сакральном центре Европы.

Скорее, не считалось возможным «переносить» святилище с определенной территориальной округи на другую, имеющую априорно отличные сакральные характеристики, землю. Всё, что находится на некоей части земли, «пропитывается» ею. Более того – оно не было осквернено или разрушено крестоносцами.

Невысокий поросший лесом холм вытянут с запада на восток, почти со всех сторон ограждён речкой и болотистыми низинами. Вокруг – перелески и луга...

По материалам статьи «Ромува – святилище в центре Европы» Антона Платова, исследователя культуры индоевропейских народов.

5. «ОБ ИДОЛОПОКЛОНСТВЕ И ОБРЯДАХ И НРАВАХ ПРУССОВ». ПЁТР ИЗ ДУСБУРГА

Из «Хроники Земли Прусской» (завершена в 1326 году) тевтонского хрониста Петра из Дусбурга. Перевод и комментарии Веры Ивановны Матузовой.

Матузова Вера Ивановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Специализируется в области истории Тевтонского ордена (XIII-XIV вв.). По данной тематике была стипендиатом Фонда им. А. Гумбольдта (Германия). Член Международной исторической комиссии по изучению Немецкого ордена (с 1992 года). Автор более 200 научных работ.

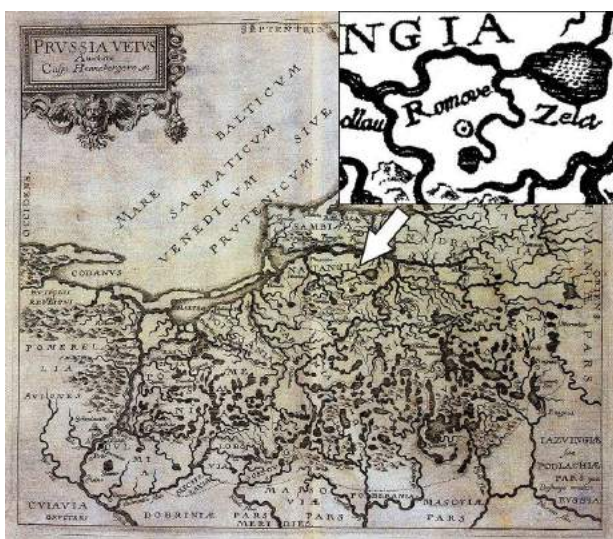

«Пруссы не имели понятия о Боге. Поскольку они были глупцами, то разумом не могли постичь Его, а так как письменности у них не было, то не могли созерцать Его и в Писании. В самом начале они весьма дивились тому, что кто-то, отсутствуя, мог пояснить свои намерения буквами. И вот, поскольку они не знали Бога, то случилось, что в заблуждении своем всю природу почитали вместо Бога, а именно солнце, луну и звезды, гром, птиц, также четвероногих, вплоть до жабы. Были у них также священные леса, поля и реки, так что они не смели в них рубить деревья, или пахать, или ловить рыбу».

Комментарий:

Немецкий историк религии, один из основателей мифологической школы в религиоведении Иоганн Вильгельм Эммануил Маннхардт признавал основным источником глав об обрядах и нравах устные предания. Сведения Петра из Дусбурга о божествах пруссов соответствуют тому, как они представлены позднее в источниках XVI-XVII вв.

«Было же посредине этого погрязшего в пороке народа, а именно в Надрови, одно место, называемое Ромов, ведущее название свое от Рима, в котором жил некто по имени Криве, кого они почитали, как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской. Такова была власть его, что не только он сам или кто-либо из сородичей его, но даже гонец с его посохом или с другим

отличительным знаком, проходя по пределам вышеупомянутых язычников, был в великом почете у королей, нобилей и простого люда».

Комментарии:

Ромов (Romow). — Полагают, что корень Rom- в древнепрусском и литовском языках нес смысловое значение, указывающее на святость того или иного места. Кроме Ромова в Пруссии существует о. Ромене (Ромайн) в Литве, также почитавшийся священным местом, и гора Ромбинус около Раганиты. Поэтому возведение Петром из Дусбурга названия Ромов к Риму ошибочно, но вполне объяснимо, если принять во внимание его статус католического священника. Упоминание о связи названия Ромов с Римом косвенным образом обосновывает истоки власти и функций

первожреца древних пруссов (та же «римоцентричность» отражается в сравнении Криве с папой римским) (советский и российский лингвист и филолог, доктор филологических наук, действительный член АН СССР с 1990 года, Топоров Владимир Николаевич в фундаментальном словаре «Прусский язык» отметил, что Krive, krive, kriv-ait-, (kirv-ait-?) — это наименование верховного жреца древних пруссов, игравшего исключительную роль в религиозной и общественной жизни).

Возможно, в индогерманском праязыке корень имел значение «богатство», «власть», «святость». Слова хрониста о местонахождении Ромова «посредине» не следует понимать буквально. Это означает лишь, что Ромов находился среди племен, почитающих Криве. Исследователи вслед за Петром из Дусбурга локализовали Ромов в Надровии. Немецкий историк, профессор в Кенигсберге, Член-корреспондент СПб. АН с 1856 года по историко-филологическому отделению разряда историко-политических наук, Иоганнес Фойгт, не давая для этого обоснований, локализовал Ромов в Самбии.

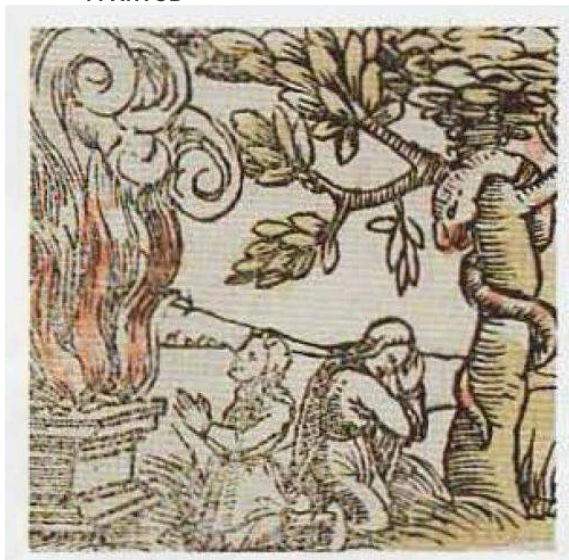
Обобщение сведений о Ромове, содержащихся в письменных источниках, дано в работе польского филолога Мержинского Антония Фаддеевича «Ромове». Впрочем, Ромов не упоминается больше ни разу ни в одном письменном источнике времени завоевания Пруссии Орденом, включая и основной текст «Хроники» самого Петра из Дусбурга. Местоположение этого священного места не было найдено ни тевтонскими рыцарями, ни современными археологами.

Криве (Criwe)

Криве (Criwe). — В начале XX в. польский исследователь Антоний Прохаска высказал мнение, что не знающий прусского языка Петр из Дусбурга мог принять слово, обозначающее жреца, за его имя. Начиная с И. Фойгта ученые считали, что «криве» — это жрец огня. А. Прохаска признавал за ним также функции верховного судьи и полагал, что такие «криве» были у каждого прусского племени. Польский историк литературы и языковед, иностранный член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук с 1889 года, Александр Брюкнер полностью отрицал существование Криве и Ромова, допуская, что «криве» может относиться только к искривленной палке, служившей знаком для сбора людей. Это мнение разделял

польский историк-медиевист, славист, профессор, доктор наук, академик Польской Академии наук с 1952 года Генрик Ловмянский и полагал, что хронист, введенный в заблуждение созвучием названия Ромов и Рим, преувеличил возможности Криве как верховного жреца, тогда как они в основном сводились к созыву общих сходок пруссов и представителей соседних языческих народов. Возможно, многие прусские вожди выполняли и функции жрецов. В настоящее время высказывается точка зрения на Криве как на верховного жреца древних пруссов, игравшего исключительную роль в религиозной и общественной жизни (Топоров В. Н. «Прусский язык»).

Современный английский историк литуанист Стивен К. Роуэлл в монографическом исследовании по истории Литвы, суммируя результаты изучения данного вопроса, справедливо замечает, что историки всегда чересчур буквально понимали и использовали данный «сюжет», являющийся на самом деле, как и многое в «Хронике», «примером» (exemplum). Они мало задавались вопросом, отчего языческий «папа» не показан в действии в других частях «Хроники». Для Петра из Дусбурга это был способ поведать христианам, воюющим с язычниками, о своеобразных верованиях

последних, представить их религию как «контр-церковь». Хронист показывает язычество как полную противоположность христианства. Этот этнографический раздел имеет идеологическое звучание. Петр проявляет себя сторонником папства в условиях, когда Орден занимает сторону императора в его борьбе с Иоанном XXII. Образом Криве он преподносит нравственный урок рыцарям.

Историк Иоганн Фойгт, директор кёнигсбергского Государственного архива, обратил внимание, что деревенские старосты в Литве использовали т. н. лит. *krivūlė* — палку, похожую на епископский посох с одним загнутым концом, которой они созывали деревенское собрание. В Польше, Западной и Восточной Пруссии, Литве, Латвии, Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Шотландии и у ряда тюркских племен существовал обычай посылать искривленную палку с целью уведомления о каком-либо общественном событии. Таким знаком служили ветка или корни многих видов деревьев (бука, березы, орешника, груши, граба, дуба, сосны). Под «гонцом» следует понимать посыльного, который нес «кривулю» к ближайшему соседу, чтобы позвать его на совет.

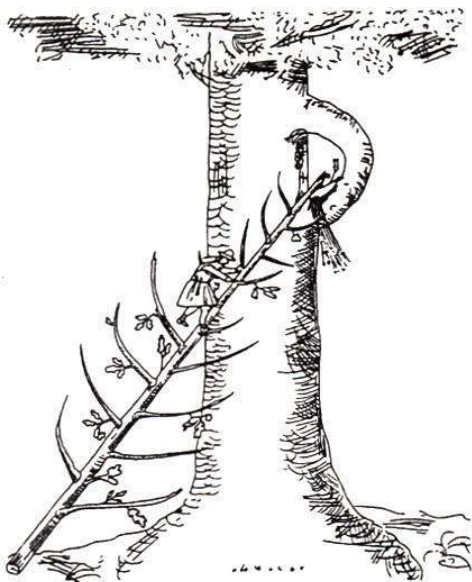
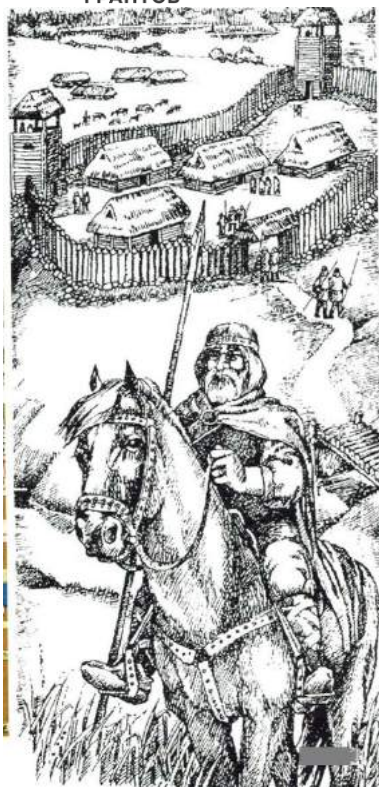

Рис. 93. Свидетельство существования языческого культа в Пруссии в новое время: прусский крестьянин конца XVII в. приносит в жертву на священном дубе свой пояс (по М. Преториусу)

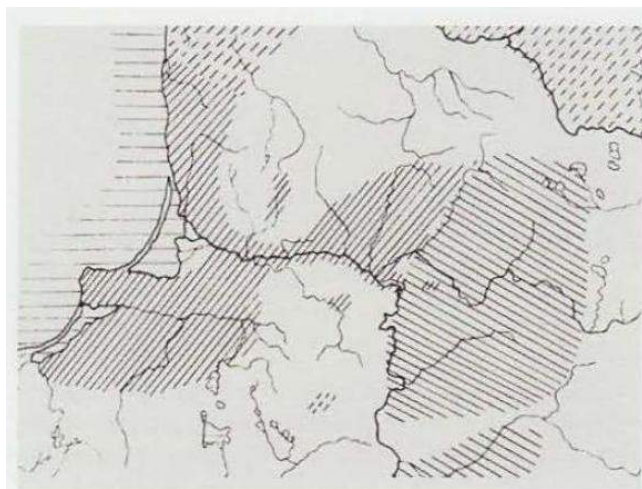
Fig. 93. An offering by a Prussian peasant at the end of the 17th cent., hanging his belt on the bough of a sacred oak (after M. Praetorius)

Короли (*reges*) пруссов упоминаются Петром из Дусбурга только в данном фрагменте. Немецкие историки XIX в. Иоганнес Фойгт, З. Плюмике считали их «служителями Ордена» (*Ordensdienern*). Немецкий историк-медиевист, из работ которого выросла Венская школа ревизионизма, хорошо знающий русский Рейнхард Венкус доказывал их принадлежность к высшему слою прусской знати.

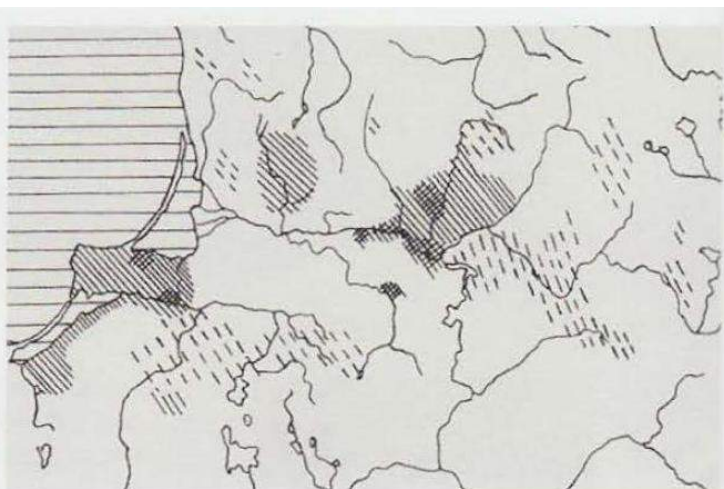

...нобили — «благородные». Латинский термин «nobiles» служит для обозначения местной прусской знати объясняет в труде «Помезания» Владимир Терентьевич Пашуто, советский историк-медиевист, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР с 1976 года. На основании информации Петра из Дусбурга в прусском обществе во время прихода крестоносцев различаются два контрастных социальных слоя: знать, для обозначения которой в латинских источниках служили термины *principes* и *nobiles*, и простолюдины, называемые *plebei* (*communis populus*, *ignobiles*), что свидетельствовало о начавшемся социальном расслоении среди пруссов – вывод польского историка Генрика Ловмянского, который предполагает, что наряду со знатью и простолюдинами существовали и невольники, не упоминаемые в «Хронике», поскольку они были немногочисленны и не играли никакой роли в общественно-политической жизни.

В латинском тексте: *communis populo*. Понятие «*populus*» встречается в «Хронике» 103 раза. Сочетание «*populus communis*» используется наиболее часто. В данном случае, как и в немногих других, оно является антонимом знати (нобилей). Оно может относиться как к местному, так и к немецкому населению. Иногда встречается в значении «пехотинцы».

20

21

Карта распространения обычая кремации в Балтийском регионе в 9-11 веках (слева); карта распространения погребений с конями в Балтийском регионе в 7-11 веках (согласно Миндаугасу Берташюсу)

«Пруссы верили в воскрешение плоти, однако не так, как следовало. Ибо они верили, что, если кто-то является знатным или незнатным, богатым или бедным, могущественным или бесправным в этой жизни, таким он будет после воскрешения в будущей жизни. Вот почему случалось, что с умершими нобилями сжигались оружие, кони, слуги и служанки, одежда, охотничьи собаки и ловчие птицы и прочее, относящееся у них к военному делу. С незнатными сжигалось то, что относилось к их занятию. Они верили, что все сожженное воскреснет с ними и будет служить, как и прежде».

Комментарий:

Обычай сожжения умерших подтверждается археологическими данными, причем наблюдается в захоронениях, относящихся к различным социальным слоям. Этому вопросу посвящен материал статьи «О старых прусских могилах» В. Фридерики (Friederici W.). Данные фрагмента свидетельствуют о процессе социального расслоения у пруссов.

«Вокруг этих мертвых было такое наваждение диавольское, что, когда умирали родители, они шли к упомянутому папе Криве, прося, чтобы в такой-то день или ночь он посмотрел, перешли ли они в свой дом; этот Криве безо всякого колебания показывал и то, как мертвый распоряжался одеждой, оружием, конями и челядью, и для вящей убедительности говорил, что на притолоке дома

своего он [покойный] оставил такой-то след копьём или другим орудием.

После победы они приносили жертву своим богам и от всего того, что досталось им победой, третью часть подносили упомянутому Криве, который это сжигал. Ныне же литвины и прочие язычники этих мест сжигают упомянутую жертву в каком-то священном месте согласно их обряду, но прежде чем сжечь коней, их загоняют настолько, что они едва могут стоять на ногах».

Комментарии:

Об обычае жертвоприношений, в том числе и человеческих, повествуется в нескольких главах «Хроники». О жертвосожжении в Литве говорит посол Великого княжества Литовского в Крымском ханстве, мемуарист-этнограф XVI века Михалон Литвин (настоящее имя неизвестно, предполагается, что это мог быть Венцлав Николаевич или Михаил Тишкевич) в своих записках «О нравах татар, литовцев и москвитян».

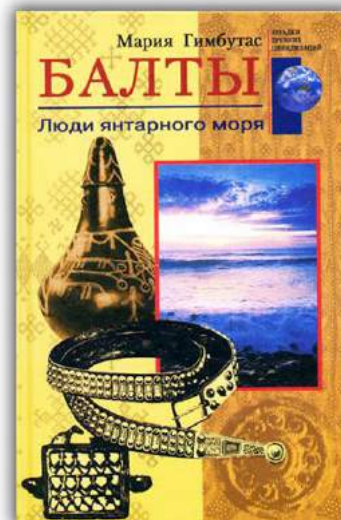
Teufel, eine Hexe davontragend. Holzschnitt aus Olaus Magnus, *Historia de gentibus septentrionalibus*. Venedig 1565

Погребальный обряд древних пруссов, сопровождаемый конными состязаниями, описан еще в IX в. в «Орозии короля Альфреда» со слов мореплавателя Вульфстана, одного из двух мореплавателей конца IX века, чьи доклады были включены в Старый английский перевод сочинений Орозия, долго время приписывались Альфреду Великому.

Существование этого обряда

подтверждается археологическими данными, а также в работе «Балты. Люди янтарного моря» исследовательницы и участницы экспедиций, археолога и этнографа Марии Гимбутас. Кони погребались живыми, в полном снаряжении. Данный обычай появляется на рубеже I-II вв. н. э.

Погребения с конями обнаружены на территории Самбии, Наттангии, Судовии. Кони присутствуют не только в мужских, но и в женских захоронениях. Они не являются признаком захоронений воинов, поскольку из 34 описанных захоронений с конями только в 18 было воинское снаряжение.

Обряд объясняется религиозными верованиями древних пруссов в работах известного польского исследователя погребальной обрядности западных балтов Яна Ясканиса «Захоронения людей» и диссертации «Предыстория прусских земель от позднего палеолита до 7 века нашей эры» его коллеги археолога, профессора Ежи Окулич-Козарина, польского исследователя европейского

Barbaricum в периоды римского влияния и переселения народов, один из создателей польской школы балтийской археологии. Для воинов-язычников конь являлся важнейшим компонентом боевого снаряжения и потому приобретал огромное значение. Он был священным не сам по себе, но почитался за свою роль слуги божеств. Запрещение ездить верхом в одних местностях на вороных, в других — на белых конях связано с представлением, что они принадлежали не смертным, а богам, разъяснил медиевист, доктор исторических наук, исследователь ранней истории Великого княжества Литовского, переводчик Стивен Кристофер Роуэлл.

«Пруссы редко приступали к какому-либо важному делу, пока не узнавали, бросив по обычаю своему жребий, у богов своих, воспоследует ли им добро или зло».

Комментарий:

Обычай бросать жребий описывается несколько раз в «Хронике» Петра из Дусбурга. Обычай был распространен среди балтов. Он упоминается Генрихом Латвийским как бытующий у земгаллов, ливов и эзельцев в «Хронике Ливонии».

«Они [пруссы] не заботились о запасной или нарядной одежде, да и до сих пор не заботятся; как снял ее сегодня, так завтра и надевает, не обращая внимания, что она вывернута наизнанку. Они не пользуются мягкими ложами и тонкими яствами».

В качестве напитка они пьют простую воду и мед, или брагу, и кобылье молоко; а молоко это пьют только тогда, когда его освятят. Иных напитков они испокон века не знали. Гостям своим они оказывают всяческое гостеприимство, на какое только способны, и не бывает в доме их такой еды или питья, которых они не разделили бы с ними в этом случае. Кажется им, что они плохо заботятся о гостях, если те не напьются их питья до опьянения. Есть у них в обычае, что в попойках они все участвуют равно и пьют неумеренно, отчего случается, что все хозяева гостю своему подносят определенную меру питья при условии, что после того как они выпили сами, то и гость их осушил бы столько же, и такое подношение повторяется до тех пор, пока гость с хозяевами, жена с мужем, сын с дочерью все не опьянеют».

Комментарий:

Сведения Петра из Дусбурга во многом совпадают с фактами «Донесения Вульфстана» («Орозий короля Альфреда»). Они противоречат содержащимся у Адама Бременского сведениям о том, что пруссы пьют «...молоко и кровь, так, что, говорят, даже пьянеют», – в книге Мартини В. «Молоко и молочные продукты» разъясняется, что молоко «выючных животных», по Адаму Бременскому, – это козье молоко и от его питья в большом количестве, действительно наступает сильное опьянение, а кровь этих животных пруссами употребляется во время жертвоприношений.

«Согласно древнему обычаю пруссы до сих пор следуют тому, что жен своих покупают за определенную сумму денег. Вот почему он [муж] относится к ней, как к служанке, и она не ест с ним за одним столом, и каждый день моет ноги домашним и гостям».

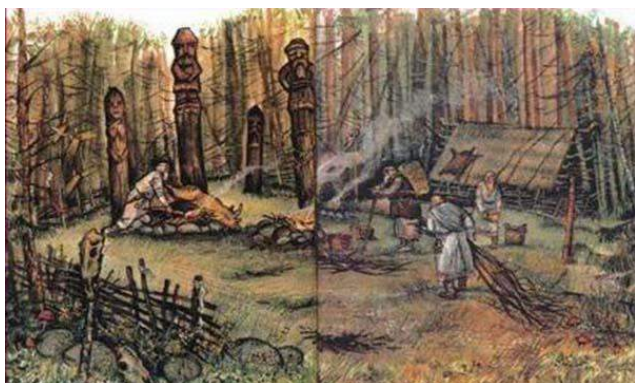

По Кишпоркскому (Христбургскому) договору от 2 февраля 1249 году между прусскими племенами и Тевтонским орденом, в котором первые обязались вернуться в христианство, окончательно отказаться от язычества, платить десятину и участвовать в военных походах тевтонских крестоносцев, новообращенные пруссы

«обещали, что никто из них в дальнейшем не будет продавать свою дочь кому-либо [желающему] соединиться с ней браком и что никто не будет покупать жену ни сыну своему, ни себе... Ведь пока отец покупал какую-нибудь женичину на общие деньги себе и своему сыну, до тех пор они сохраняли [обычай, разрешавший], чтобы после смерти отца его жена переходила к сыну, как и всякая другая наследственная вещь, купленная на общие деньги...», — поясняет Владимир Терентьевич Пашуто, советский историк-медиевист,

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР с 1976 года, в своём труде 1959 года «Образование литовского государства».

«Никому среди них не позволено просить подаяние; нищий свободно ходит у них от дома к дому и без зазрения совести ест, когда угодно. Если у них совершается убийство, то примирение наступает только после того, как этого убийцу или его близкого убьют родичи убитого. Когда по неожиданному стечению обстоятельств они сталкиваются с непреодолимыми

трудностями, то обычно кончают самоубийством.

Не было у них ни различия, ни счета дней. Вот почему случается, что когда назначается срок для проведения совещания или переговоров между собой или с иноземцами, то один из них в первый день делает зарубку на каком-либо дереве или завязывает узел на шнурке или поясе. Во второй день он прибавляет снова второй знак, и так по одному, пока не дойдет до того дня, когда должен быть заключен этот договор.

Одни из них каждый день ходят в бани в знак почитания своих богов, другие бань совершенно не признают.

Мужчины и женщины должны прясть, одни — лен, другие — шерсть, чем, как полагают, они угождают своим богам».

Об обработке льна и шерсти для изготовления тканей нет прямых археологических данных. Однако среди находок иногда встречаются глиняные пряслица от веретен и глиняные грузила для ткацких устройств. Древнейшие из этих находок относятся к эпохе железа, — излагает в диссертации «Предыстория прусских земель от позднего палеолита до 7 века нашей эры» археолог, профессор Ежи Окулич-Козарин, польский исследователь европейского *Barbaricum* в периоды римского влияния и переселения народов.

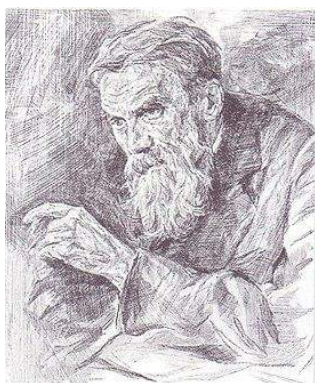
«Одни не смеют ездить верхом на вороных конях, другие же — на белых или иной масти из-за богов их.

6. ОБ ОДНОМ ЧУДЕ

Был один прусс в земле Самбии, в местности Скокен (У Николая фон Ерошина: Schakin), по имени Дорге, который гнушался белыми конями; брат Дитрих, фогт Самбии, захотел увести его

от этого заблуждения и купил ему белого коня; когда тот вопреки его [Дорге] желанию простоял в его конюшне одну ночь, то наутро он нашел упомянутого коня зарезанным, а весь скот его мертвым. Так было проделано три раза, и всякий раз оканчивалось одинаково. И в четвертый раз фогт тот купил ему белого коня и заверил, что будет повторять это до тех пор, пока не уведет его от этого заблуждения. Так, наконец, когда четвертый конь не был уничтожен дьяволом, как три предыдущих, тот Дорге уверовал и смиренно покался в заблуждении своем и стал великим ревнителем веры и христианином и пылким служителем Бога и святых и укрепил в вере сердца многих заблуждавшихся новообращенных».

Комментарий:

Дорге (Dorge). — Восходит к основе древне-прусского прилагательного *darg-*(дорогой), входящей в состав многих прусских имен собственных: *Dargals, Dargelo, Dargil, Dargils, Dargote, Dargots, Dargots, Darguse, Dargute, Dergo, Dirgethe, Dirke, Dorge, Dorgote* — заключает немецкий филолог и археолог, преподаватель университетов в Гёттингене и Кёнигсберге, основоположник балтистики Адальберт Бецценбергер. Р. Траутман в своей работе «Старо-прусские собственные имена» 1925 года относит форму *Dorge* к наиболее ранним,

зафиксированным в письменных источниках XIII века. Он приводит также формы *Darghe* и *Darge*.

Дитрих, фогт (Theodericus advocatus) Самбии — Дитрих фон Лёдла, фогт Самбии в 1278-1292 годах. Фогт (advocatus) — одна из низших должностей в Тевтонском ордене, включавшая функции охраны и надзора в крепостях, — разъясняет Мариан Йозеф Тумлер, австрийский историк и теолог, великий магистр Тевтонского ордена в 1948—1970, в своей работе «Тевтонский орден».

Далее приведём рассказ Веры Ивановны Матузовой о самом Петре Дусбурге, составителе «Хроник земли Прусской».

6. «ХРОНИКА ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ» ПЕТРА ИЗ ДУСБУРГА КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В ПРУССИИ XIV ВЕКА

Петр из Дусбурга – кто же этот автор «Хроники земли Прусской»?

Из послания Петра из Дусбурга великому магистру Вернеру фон Орзельн, предваряющего «Хронику», известно, что он был орденским священником. Все остальные сведения о нем гипотетичны.

Родиной хрониста долгое время было принято считать город Дуйсбург (Duisburg) на Рейне.

Позднее польская исследовательница М. Поллякувна высказала предположение, что он был выходцем из голландского города Дусбурга (Doesburg),

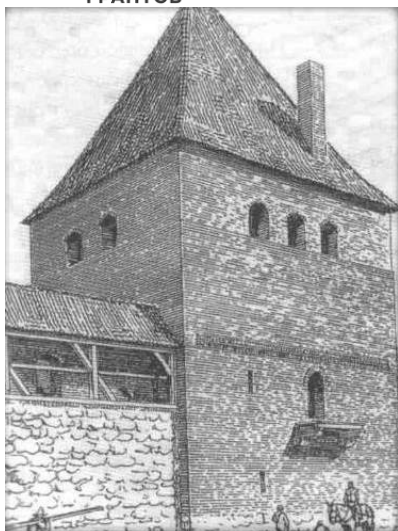
находившегося на территории орденского баллея Утрехт, где Тевтонский орден обосновался еще в первой половине XIII в. В настоящее время обе эти точки зрения равноправно сосуществуют.

Неизвестно, при каких обстоятельствах Петр из Дусбурга вступил в Орден и оказался в Пруссии; неизвестно и то, в каком монастыре он жил и создавал «Хронику».

Местом написания «Хроники земли Прусской» в немецкой историографии первоначально считалась Раганига (точка зрения немецкого историка 19 века М. Перльбаха), служившая опорным пунктом Ордена, готовившего агрессию против Литвы.

И. Фойгт доказывал, что местом пребывания хрониста в Пруссии был Кёнигсберг, в подтверждение чего выступил со временем и М. Перльбах, сообщение которого содержит указание на грамоту, хранившуюся в Архиве магистрата Кёнигсберга, датированную 26 декабря 1327 г. В ней Готфрид фон Хеймберг, комтур Кенигсберга, и Генрих, фогт самбийский, подтверждают получение 600 марок от епископа Самбии Иоганна. Среди свидетелей в этой грамоте значатся «священники Петр и Гюнтер» (frater Petrus et frater Gunterus presbyteri). Перльбах предполагал, что первый вполне мог быть автором «Хроники земли Прусской».

Местом пребывания Петра из Дусбурга немецкие историки называли также Мариенбург, в 1309 г. ставший резиденцией великих магистров Тевтонского ордена. Эта гипотеза основана на посвящении хроники великому магистру Ордена и близостью к нему хрониста.

Если связывать прибытие Петра из Дусбурга в Пруссию с Раганитой, принимая во внимание дату ее основания (1289 г.), то можно говорить о

примерно 40-летнем пребывании хрониста в Пруссии. Можно полагать, что к моменту завершения хроники ему было не менее 62-66 лет.

Опираясь на источниковедческий анализ «Хроники земли Прусской», польская исследовательница 20 века Мажнета Поллякувна утверждала, что Петр из Дусбурга имел доступ к архиву Ордена. Судя по всему, он писал «Хронику» в тесном контакте с великим магистром, на суд которого и отдал свое сочинение. Не исключено, что он выступал своего рода пропагандистом реформ Ордена, предпринятых Вернером фон Орзельн, о чем свидетельствует тенденция «Хроники».

Обращаясь к истории культуры Тевтонского ордена, следует помнить, что она была отражением его внутренних особенностей. Орден представлял собою организацию, в которой объединились средневековые институты рыцарства и монашества. Эта черта особенно отчетливо обнаруживается в памятниках письменности Тевтонского ордена. Данная сфера культуры никогда не носила в нем чисто эстетического характера, но скорее выполняла задачи сугубо практические (дидактическую, пропагандистскую и т. п.).

В литературе Ордена можно выделить два пласта: религиозный и светский. Первый представлен в основном жанрами агиографическими (жития, видения, чудеса), второй — историографическими (донесения, хроники, анналы), нередко обнаруживающими черты, присущие средневековому рыцарскому эпосу. Историография Ордена возникла раньше, чем его агиография, и преследовала цель увековечить деяния Тевтонского ордена.

«Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга, первый крупный памятник историографии Тевтонского ордена в Пруссии, была завершена в 1326 г. Прошло немногим более столетия с тех пор, как рыцари Тевтонского ордена вступили на землю Пруссии. На протяжении века немецкие крестоносцы, проводя якобы миссию христианизации язычников, огнем и мечом разоряли Пруссию, изгоняя коренных жителей с их исконных земель. Подлинная цель деятельности Тевтонского ордена в Пруссии была иной и в значительной мере достигнутой уже к 1283 г., когда большая часть прусских земель была завоевана и тем самым заложена основа создания автономного (колониального в основе и обладавшего

сравнительной самостоятельностью) орденского государства, которое позднейшие исследователи назовут «гораздо лучше управляемым и значительно более развитым, чем современные ему Германия и Польша», но крестоносцы продолжали военные действия против Литвы и других пограничных с Пруссией земель. Своеобразное государство Тевтонского ордена в Пруссии породило и специфичную (впрочем, недолговечную, как само государство) культуру, важным компонентом которой выступает историография.

Как писал в своём труде «Роль рыцарских орденов в Прибалтике (XIII— XIV вв.)» польский историк-медиевист, профессор Генрик Ловмянский, рыцарские ордена «основали в Прибалтике колониальные государства, не лишённые сходства с государственными образованиями норманнских завоевателей DC — XI вв., но следовавшие скорее всего примеру государств, основанных крестоносцами на Востоке» и далее: «...в пределах Латвии, Эстонии и Пруссии нашла распространение... духовная модель государства...».

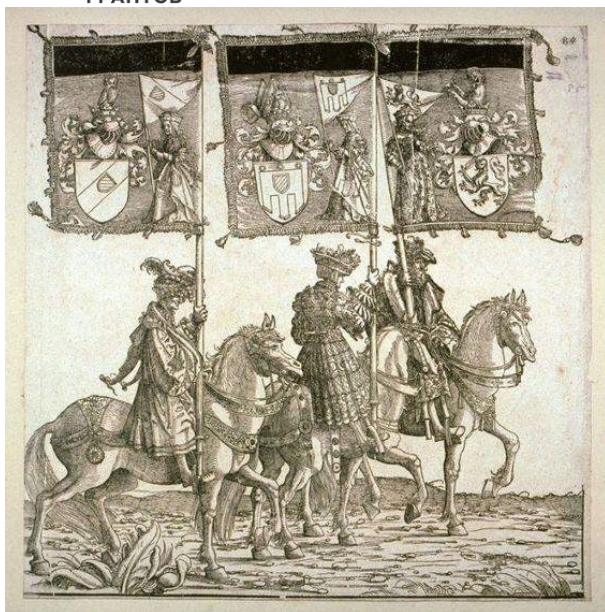
«Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга давала картину исторических событий XIII — первой четверти XIV в., их осмысление с позиций крестоносца-завоевателя. Она написана на латинском языке и состоит из четырех книг. Первая повествует об основании Ордена бременско – любекскими купцами ок. 1190 г. при осаде крестоносцами Акры в Палестине; вторая — о вторжении крестоносцев в Пруссию, после того как император Фридрих II «пожаловал» Ордену в 1226 г. в качестве феода прусские земли; третья — о войнах с пруссами до 1283 г. и с Литвой до 1326 г.; четвертая — о различных событиях всемирной истории, что позволяет вписать историю Ордена в Пруссии в более широкий контекст.

Сохранились дополнения, относящиеся к 1326-1330 гг. и принадлежащие, вероятно, также Петру из Дусбурга. Хроника основана на материалах нарративных источников (хроники и анналы отдельных монастырей в Пруссии, письменные донесения), дипломах (грамоты) и устных преданиях о крестоносцах. Автор пишет: *«Из этих событий немногие я видел, о других слышал от тех, которые видели и принимали в них участие, остальные — рассказы о которых признал достоверными»*. Как современник описываемых событий Петр из Дусбурга выступает лишь в главах, относящихся к 1290-1326 гг. Именно они содержат наиболее ценный и богатый материал, поскольку в них автор старается дать детальное освещение событий.

7. «ХРОНИКА ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ» ПЕТРА ИЗ ДУСБУРГА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ЕЕ СОЗДАНИЯ

Культурно-исторический контекст, в который вписывается «Хроника земли Прусской», широк и разнообразен. Ее можно рассматривать и в общеевропейском контексте, и в более конкретном контексте политики Тевтонского ордена в Пруссии в XIII-XIV вв. Она является и памятником идеологии Ордена, и памятником менталитета и спиритуалитета немецких крестоносцев. Она соотносится как с ведущими течениями религиозно – философской мысли Германии XIII-XIV вв., так и с некоторыми явлениями изобразительного искусства того времени. В ней неразрывно сосуществуют тенденциозность и достоверность.

Важность культурно-исторического изучения памятника вполне очевидна: выдвигая при исследовании фактического материала источника понятие исторической достоверности, мы не вправе рассматривать фрагменты вне контекста памятника в целом, равно как не вправе рассматривать памятник вне его культурно-исторического окружения.

Чаще всего с «Хроникой земли Прусской» Петра из Дусбурга поступали противоречащим строгому научному подходу образом. Научкой использовались содержащиеся в ней этнографические данные, а также факты, имеющие точную локализацию и датировку. Из поля зрения исследователей ускользал огромный материал, основанный на тексте Библии, а также многочисленные главы, использующие жанры житий, видений и чудес. Возможно, этот материал отбрасывался как заведомо недостоверный, «не работающий» на соответствующие исторические концепции.

Однако характер средневекового сознания и культуры определил возникновение и существование этих жанров, и достоверность порождаемых этим сознанием образов для человека Средневековья неоспорима. В житиях, видениях и чудесах отразился не только спиритуалитет Ордена, но и угадывается идеологическая сторона памятника, воплощенная в конкретных художественных образах. Только самый полный охват материала «Хроники» может способствовать объективной оценке как памятника в целом, так и его компонентов.

Ключом к пониманию политического контекста и политической функции «Хроники земли Прусской» видится политика, проводимая великим магистром Вернером фон Орзельн (1324-1326), которому Петр из Дусбурга посвятил свое сочинение (что свидетельствует об его принадлежности к официальной историографии Ордена, где, возможно, ему отводилась определенная роль в рамках программы реформ великого магистра). Правление Вернера фон Орзельн пришлось на годы, когда положение Тевтонского ордена во внешнеполитическом плане было весьма неблагоприятным. Орден вел войну с Польшей за Восточное Поморье, которое перешло в его руки в 1309 г., но которое он не смог удержать. Политические процессы между двумя сторонами велись с участием Римской курии.

Польша находилась под особой опекой Римской курии, поскольку в XIV в. она, как ранее и некоторые другие европейские державы (Англия, Скандинавские страны), стала платить папе римскому так называемый «денарий святого Петра» (ежегодная обязательная дань в пользу папы, взимавшаяся в некоторых странах с целью приготовления священников, а также для содержания гробниц св. Петра и Павла; в Англии дань эта собиралась с каждого дома по 1 пенни в день св. Петра, и в XIII веке превышала доходы английских королей). Курии было выгодно заставить Орден отдать Польше Поморье, а затем получить от него денежную контрибуцию в размере 30 тыс. польских марок за ущерб, нанесенный Поморью со времени его захвата, а также оплатить судебные издержки. Орден опротестовал это решение и, хотя это не изменило ситуации, не собирался отказываться от Поморья.

Однако в начале 20-х годов XIII в. польский король Владислав Локетек (1320-1333) обнаружил свою политическую несостоятельность. Он понимал, что ни в одиночку, ни даже с помощью Римской курии не добьется желаемых земель, продолжавших оставаться в руках крестоносцев, и стал искать себе новых союзников. В 1320 г. одним из них стал венгерский король Карл Роберт, которому Локетек отдал в жены свою дочь Эльжбету. С другой стороны, литовский великий князь Гедимин (1316-1341) будто бы заявил о своем желании принять христианство. Локетек использовал возможность наладить контакт и с Гедимином.

Враждебность Ордена к Литве была вызвана и политикой последней по отношению к Ливонии, так как начиная с 1298 г. Рига, оказывавшая сопротивление Ордену, неоднократно обращалась за помощью к литовцам.

В начале XIV в. Тевтонскому ордену грозила большая опасность: папа Климент V, вместе с французским королем Филиппом IV Красивым уничтоживший

орден тамплиеров, признал и повторил в своей булле все обвинения, возводимые на Тевтонский орден рижским архиепископом, и поручил своему легату провести следствие на месте. В 1312 г. папский легат Франциск де Молиано более трех месяцев разбирал дело, в результате чего Орден подвергся отлучению от церкви, на орденские земли был наложен интердикт. Отлучение было снято в 1313 г. папской буллой.

Для Гедимины союз с Ригой был средством ограничения политических и военных действий Тевтонского ордена против Литвы, тогда как литовский князь получал простор для проведения своей политики, ориентированной на восток.

В апреле 1325 г. союз между Польшей и Литвой был скреплен браком сына Владислава Локетка Казимира с дочерью Гедимины Анной-Алдоной. Тевтонский орден в лице Вернера фон Орзельн пытался противопоставить коалиции Польши и Литвы свою собственную союзническую политику, заключая договоры с князьями Западного Поморья, Галиции и Мазовии, а позднее — и с князем Силезии. Последовательно оставался на стороне Ордена король Богемии Иоганн (1310-1346). В 1329 г. он пришел в Пруссию, чтобы совместно с рыцарями Ордена участвовать в крестовом походе на Литву. Владислав Локетек использовал это обстоятельство для

опустошительного нападения на Хелминскую землю. Король Иоганн завоевал Добжинскую и Плоцкую земли, одновременно отказавшись от претензий на Поморье, с которыми выступали его предшественники Вацлав II и Вацлав III. В 1331 г. крестоносцы с огнем и мечом прошли по Великой Польше, а в 1332 г. планировался захват Куявии.

Осенью 1332 г. Владислав Локетек заключил перемирие с Орденом до мая 1333 г., которое после его смерти было возобновлено и продлено до июня 1335 г. его сыном Казимиром. Польский король использовал состояние перемирия для совместного с литовцами нападения на Бранденбургскую марку. Этим был нанесен удар интересам Тевтонского ордена в Пруссии и Поморье.

В таких сложных политических условиях одна из функций «Хроники земли Прусской» заключалась в воздействии на политические силы за пределами Ордена, то есть на всех тех, от кого зависело оправдание политики Тевтонского ордена в Пруссии и вообще — его существования как военно-церковной и политической организации.

Историография Тевтонского ордена, по характеристике Хенриха Бауэра из работы «Питер фон Дусбург и историография Тевтонского ордена в 14 веке в Пруссии», предстает как замкнутая, узкая, ограниченная в пространстве и во времени составная часть историографии Средневековья.

Сравнивая развитие историографии Тевтонского ордена с линией развития средневековой историографии, представленной франкскими хрониками о крестовых походах, исследователь отмечал их формальное сходство. В то же время он указывал на особое место, занимаемое «Хроникой земли Прусской» Петра из Дусбурга среди исторических сочинений Ордена, поскольку исторические и теологические памятники предшествующих веков использовались им в интересах Тевтонского ордена, служили его утверждению среди других церковно-политических институтов его времени. Несомненно и то, что ко времени создания «Хроники земли Прусской» Тевтонский орден уже

ощутил себя как автономное церковно-феодалное государство, обращение которого к письменному закреплению собственной истории было средством идеологического самоутверждения. Как отмечает О. Энгельс, историография Тевтонского ордена знаменует постепенный переход от поздней историографии крестовых походов к исторической мысли позднего Средневековья, представляя собой, таким образом, поступательное движение в этой области.

История Ордена в трактовке Петра из Дусбурга предстает в неразрывной связи с библейским и агиографическим материалом. Пролог «Хроники» и значительная часть ее второй книги насыщены цитатами из Ветхого и Нового Завета, искусное сочетание которых образует логическую конструкцию, имеющую ярко выраженную тенденциозную направленность.

В этих частях раскрывается идеологическая и политическая позиция автора «Хроники», стремящегося дать богословское обоснование и оправдание захватническим действиям крестоносцев, представить их как священную войну.

В основе историзма Петра из Дусбурга лежит провиденциализм, представление о крестовом походе как о божественном предначертании. Это характерная черта и франкских хроник о

крестовых походах, во многом определяемая учением Августина (354-430), историческая теология которого составляла ядро всего средневекового толкования истории. Основная мысль всей христианской исторической теологии — противоборство добра и зла, завершающееся победой добра.

Такое тенденциозное толкование получает в «Хронике» антагонизм между рыцарями-

Дуализм «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга проявляется во многом, но то, что придает «Хронике» ее своеобразие, — это использование разных литературных жанров. Хронография, целью которой является отражение действительных событий, непосредственно соседствует с агиографическими жанрами со всеми присущими им чертами художественного вымысла, обнаруживающими значительное влияние немецкого мистицизма, отразившегося в сочинениях магистра Экхарта (1260-1328), Иоганна Таулера (1300-1361) и Генриха Зейзе (Зузо, 1295/1300?-1366). Стоит лишить хронику одного из этих планов, и она либо приобретет характер анналов, либо превратится в сборник житий и чудес. Сплетение этих двух планов, исторически-достоверного и фантастического, придает ей своеобразный, не присущий ни одному из появившихся позже, на протяжении XIV в., памятников орденской историографии эпический характер и одновременно позволяет ее автору твердо и последовательно проводить присущую ему тенденцию.

Несомненно, Петр из Дусбурга продолжает линию развития хронистики, возникшей в эпоху крестовых походов на Восток.

Однако крестовые походы в Пруссию проходили на ином историческом этапе, обладали иным историческим характером и в целом представляются явлением более сложным, чем предшествовавшие им походы на Ближний Восток, в то же время по-своему вобравшими и переработавшими опыт этих последних. Сложность обуславливалась как позицией Ордена на международной арене, значительно расширившейся в силу

привлечения к Пруссии общеевропейских политических интересов, так и его главной задачей — созданием в Пруссии орденского государства.

Тенденциозность «Хроники» Дусбурга проявляется прежде всего в придании действиям Тевтонского ордена в Пруссии иного характера по сравнению с крестовыми походами в Палестину. Петр из Дусбурга настойчиво приписывает захватническим действиям Ордена характер мирной миссии, а самих крестоносцев представляет в виде миротворцев, несущих «слово Божие» в языческие земли. Однако описываемые им миротворческие методы оказываются вполне в духе апологета крестовых походов Бернара Клервоского (1090-1153), для которого святым делом было ведение войны против иноверцев, и такая война оправдывала любые средства. Поэтому хронист откровенно рисует картины жестокостей по отношению к покоряемым пруссам как «детям дьявола». Пруссы в представлении Петра из Дусбурга — это не люди, их сопротивление — козни дьявола. Поэтому гибель прусских мужчин, женщин и детей трактуется как победа над злом. Оценку обычаев пруссов хронист дает с позиций рыцаря-крестоносца, сражающегося с язычниками.

22-я статья Статутов (устава и правил) Ордена «О том, что относится к рыцарству» гласит: *«Воистину, поскольку известно, что орден сей специально учрежден для войны против врагов креста и веры, то в зависимости от разнообразия земель и обычаев и нападения врагов надлежит сражаться разным оружием и разными способами...»* В Статутах не говорится, каковы эти способы и оружие.

Зато значительное место отведено этому вопросу Петром из Дусбурга. Для него война в Пруссии — «новая война». Новизну хронист видит *«в новом образе ведения войны, ибо не только плотским, но и духовным оружием достигается победа над врагами, а именно молитвой»*.

Можно думать, что хронист искал прочного обоснования вооруженного натиска христианской церкви на язычников и стремился облечь его в понятия Священного Писания. Глава «Об оружии плотском и духовном» целиком строится на интерпретациях Библии. Так, под длинным щитом подразумевается вера, под мечом — праведные деяния, под копьем — искреннее намерение, под малым щитом — молитва, под броней — праведность, под

луком, колчаном и стрелой — смирение, непорочность и нищета, под шлемом — спасение. Подобная аллегория встречается в памятниках литературы Средневековья и до и после Петра из Дусбурга: у португальского поэта XIII в. Раймунда Люлля и нидерландского философа XV-XVI вв. Эразма Роттердамского. Первый из них развивал куртуазную традицию, второй — христианскую теологию.

Что касается Петра из Дусбурга, то он, используя подобный прием, как бы набрасывает покров святости на методы ведения войны Тевтонским орденом. Основываясь на теологических воззрениях своего времени, тенденциозно приспособляя содержание Библии к требованиям и задачам своего Ордена, Петр из Дусбурга создает своеобразную апологию, в которой можно вычленил три момента: апология крестоносного движения на Восток, апология Тевтонского ордена и апология завоевания Пруссии.

Многие страницы «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга доносят перипетии войны, результатом которой стало опустошение прусских земель, истребление или изгнание их жителей (некоторые искали спасения в Литве и на Руси) и подчинение остальных власти захватчиков, что привело в дальнейшем если не к их вымиранию, то, по крайней мере, к насильственной ассимиляции. Впрочем, в современной международной историографии

вопроса постоянно проводится мысль о дифференцированной политике Ордена по отношению к пруссам, полякам, куршам, жителям Поморья и Литвы в зависимости от их «национальности» и общественного положения.

Каждый военный поход, каждое сражение представляют важность для хрониста потому, что они служат расширению границ христианского мира. Повествование о войне является самой сутью «Хроники».

В сочинении нет места для таких тем, как формирование орденового государства, управление и торговля; в нем не говорится ни о заселении немцами прусских земель, ни о городах, ни о заморских путешествиях, ни о распрях между рыцарями и духовенством, ни о союзах и вражде с польскими князьями. В этом Петр из Дусбурга ограничивается отрывочными намеками лишь постольку, поскольку они касаются войны с язычниками.

Тенденциозность автора «Хроники» проявляется и в создании им своеобразного идеала рыцаря-крестоносца, основанного во многом на библейском материале. В Прологе Петр из Дусбурга изображает немецких рыцарей новоявленными израильтянами после исхода из Египта и восхваляет Бога «за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих, ибо Он насытил душу жаждущую и душу алчущую исполнил благами». Если не принимать во внимание то, что душа их алкала «крепких коней, прочное вооружение, мощные укрепления» (Пролог), то воины Христовы предстали бы как подлинные аскеты. Они отказались от мирских благ, от

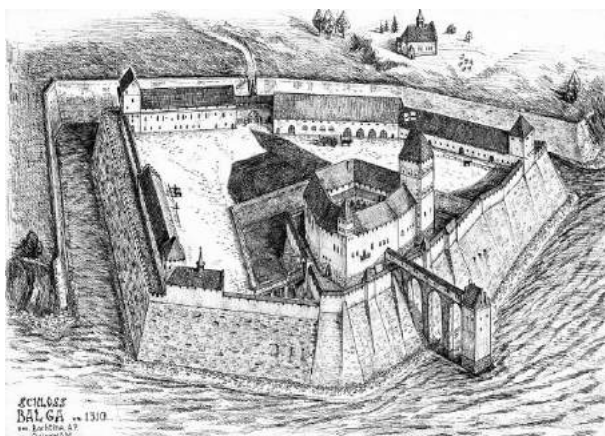
нарядных одежд, от изысканных яств, жили в «хижинах и лачугах». В этом проявилось свойственное средневековому менталитету представление о бедности как об избранничестве. Крестоносцы рисуются хронистом как *pauperes Christi*, т. е. как люди, отрекшиеся от земных благ ради обретения царствия небесного.

Однако «рыцари Христовы» — не только избранники, но и мученики, и для описания выпавших на их долю тягот Петру наиболее подходящим кажется следующий фрагмент из Библии:

«Иные же замучены были, другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу: были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли». Так первый хронист Тевтонского ордена нарисовал свой идеал рыцарей - крестоносцев, которые, по его словам, «понесли крест свой и последовали за Христом, ибо каждый день и час готовы были принять поругание и смертную казнь ради защиты веры».

Для выражения своего идеала, по сути являющегося идеалом нравственным, хронист не случайно пользуется цитатами из Библии. Эта тенденция средневековой культуры была подмечена одним из ярких представителей русского культурного ренессанса начала XX века, известным всему миру историк и философ Левом Платоновичем Карсавиным, писавшим в «Основах средневековой религиозности в XII — XIII вв. преимущественно в Италии», что *«познавая “Закон Божий”, познают себя и выражают словами “Священных книг” свою внутреннюю неписаную мораль»*.

Реальное воплощение нравственного идеала рыцаря-крестоносца Петр из Дусбурга видит в образе жизни рыцарей из замка Балги в Пруссии. *«Какова была чистота жизни, и какова добродетель воздержания, и какова суровость правил дисциплины среди братьев Балги... — пишет он, — неведомо никому, кроме Того, Кому открывается каждое сердце и от Кого ничто не утаивается. Моельни почти никогда не бывали без молящегося, и не было*

угла в упомянутом замке, где после вечерни и заутрени не оказывался бы какой-нибудь брат, занимавшийся самобичеванием». Несомненно, этот образ жизни как нельзя больше соответствует аскетическому идеалу хрониста.

Монашеский идеал, воплощенный в братьях Балги, дополняется идеалом «святой жизни» братьев из Христбурга, которые, помимо преданности Богу и соблюдения обрядов, проявляли себя *«доблестными рыцарями, так что воистину можно о них сказать, что в монастыре и на поле брани они вели жизнь ратную»*.

Отдельные детали к этому идеалу добавляются рассказами о деяниях некоторых крестоносцев. Рыцарь Конрад фон Блинденбург был убит, получив *«пять ран наподобие пяти ран Христа»*; а комтур Тапиова Ульрих Баувар, нанеший, по словам хрониста, *«бесконечно большой урон»* ятвягам, так объяснил причину своих действий: *«Мне было все равно, что делать, лишь бы получить от них пять ран, как Христос получил за меня»*. Эти детали приближают немецких рыцарей к образам героев средневекового рыцарского эпоса, а еще больше — к немецким мистикам, представитель которых Генрих Зузо буквально вырезал имя Христа на своей груди.

Согласуется с мистическим и культ Девы Марии, каким он нередко предстает в изображении Петра из Дусбурга. Он вносит дополнительные черты к его идеалу рыцаря-крестоносца. Неоднократно упоминаемый хронистом Герман Сарацин *«так возлюбил Пресвятую Деву Марию, что никогда не отказывал никому, просящему во имя ее»*. Так, он милостиво отпустил пленного, именем Девы Марии молящего пощадить его.

Весьма колоритен рассказ о рыцарском поединке, в который вступил Герман, *«уповая на свою Деву Марию, которой обещал служить»*. Образ Девы Марии при этом уподобляется куртуазному образу «прекрасной дамы».

Время миннезанга и культа «прекрасной дамы» налагает отпечаток и на религиозные чувства. С

этим связано появление широко распространенного, особенно в произведениях немецких мистиков рубежа XIII-XIV вв., так называемого Brautmotiv'a, с присущей ему эротикой.

Достаточно ощутима в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга дидактическая (поучительная, доказывающая полезность знания, добродетели) тенденция. «Хроника», по мнению исследователей, была призвана воспитывать рыцарей Ордена. Однако оппоненты этой точки зрения справедливо замечают, что латинский язык был недоступен основной массе крестоносцев и тем самым препятствовал осуществлению этой функции. Именно этим обстоятельством была вызвана необходимость перевода памятника на народный язык, что и выполнил Николай фон Ерошин.

Тем не менее нравоучительный характер «Хроники земли Прусской» нельзя отрицать. Петр из Дусбурга вводит в текст большой агиографический (соединяющий в себе характеристики жития и проповеди) материал, основанный на архивных документах Ордена и устных преданиях. Он неоднороден по своему содержанию и форме. Жизнеописания магистров Ордена отличаются конкретностью, натуралистичностью, сближающей их со

средневековой скульптурой. Они, подобно надгробиям в готических храмах, призваны как донести до грядущих веков облик исторической личности, так и поведать о важнейших событиях, связанных с нею. Жития и деяния рыцарей Ордена выполнены в духе героических преданий, допускающих присутствие фантастических деталей. Они тесно смыкаются с чудесами и видениями, жанрами литературы Средневековья, зачастую используемыми немецкими мистиками XIII-XIV вв., согласуясь с восприятием хронистом «испокон века не слыханных чудес», явленных в Пруссии. Чудо входит неотъемлемой составной частью изображаемых исторических событий, поскольку такое восприятие действительности является особенностью творческого сознания хрониста.

На основе сочетания натуралистических и фантастических деталей Петр из Дусбурга создает целый ряд кратких повествований о рыцарях Ордена, слагающихся в своеобразный «сонм святых», возникший в лоне Ордена.

Вместе с тем «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга содержит ценный фактический материал по истории средневековой Пруссии и Литвы. В него входят: историко-географическая картина прусских земель ко времени прихода крестоносцев и происходящие в ней изменения на протяжении полувека, этнографические сведения об обычаях и верованиях древних пруссов, особенно полно

представленные в 5-й главе III части сочинения, но разбросанные также по всему тексту «Хроники», сведения о социальной структуре и о хозяйственной деятельности пруссов. Читатель узнает, что Пруссия состояла из 11 земель, населенных прусскими племенами, в значительной степени разобщенными, что облегчало крестоносцам вести агрессию. Как явствует из «Хроники», религией древних пруссов был пантеизм, свойственный обществам, находящимся на дофеодальной стадии исторического развития. Браки у пруссов были полигамными. Материал «Хроники» свидетельствует о начавшемся социальном расслоении прусского общества, о выделении знати (нобили). Данные источника позволяют сделать вывод, что основным занятием прусских племен было земледелие; из ремесел развивались прядение и ткачество. Пруссы не имели письменности. (Отсюда — важное значение немецких, польских и древнерусских письменных источников для изучения истории древних пруссов.)

«Хроника» доносит перипетии вооруженной борьбы пруссов с немецкими крестоносцами, имена прусских вождей, возглавлявших восстания против завоевателей. Таких восстаний за полвека крестоносной агрессии (1233-1283) было пять, и в отечественной историографии они рассматриваются как три этапа борьбы пруссов за независимость (1233-1249; 1249-1269; 1260-1283). «Хроника» свидетельствует о политической разобщенности прусских племен и об их военной отсталости, что препятствовало успешному ведению освободительной борьбы с политически влиятельным и более сильным в военном отношении противником, который уверенным, поступательным движением обошел, словно по

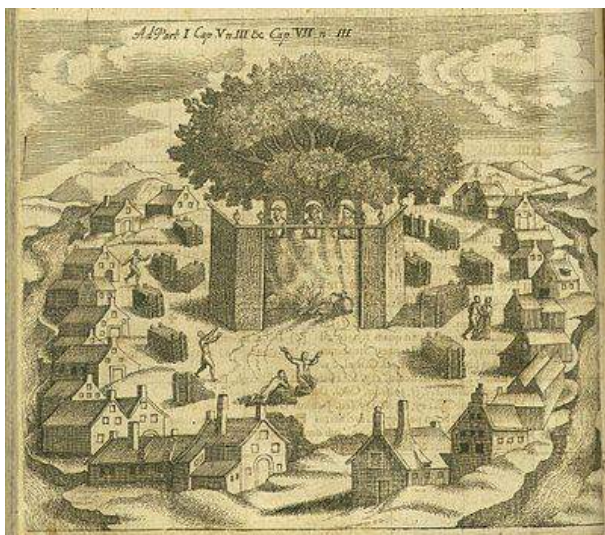
ходу часовой стрелки, все прусские земли. Более кратко, но достаточно ясно описаны попытки христианизации и порабощения Литвы, также встретившие отпор со стороны формировавшегося Литовского государства.

С учетом присущей ему тенденции сочинение Петра из Дусбурга остается не только памятником истории и культуры Тевтонского ордена в Пруссии, но и выдающимся памятником древнейшего периода прусской истории и основой последующего изучения средневековой истории Пруссии.

Из статьи В. И. Матузовой «ХРОНИКА ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ» ПЕТРА ИЗ ДУСБУРГА КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В ПРУССИИ XIV ВЕКА.

8. Ромува – языческий Ватикан

Главное святилище пруссов Ромува была фактически столица всего балтского язычества. Местному жрецу Криве Кривайтесу подчинялись не только пруссы, но и племена литовцев. По мнению большинства специалистов, занимавшихся историей балтских племен, последняя Ромува находилась на месте современного хутора Бочаги и назывался "Замковой горой" (Шлоссберг). Расположен он рядом с поселком с многообещающим названием Междуречье (бывший Норкиттен, прусское название

деревни – есть уменьшительно-ласкательное от слова «желанная»), который стоит на трассе Калининград – Черняховск.

Считается, что самое раннее Ромове – Ромове Рикойто – как резиденция прусских жрецов и религиозного культа возникает в V-VI веках в Натангии, в районе современного города Мамоново, посёлка Липовка, в связи с приходом братьев Брутена и Видевута, реформировавших прусскую религию и повседневный уклад жизни. Здесь оно существует до разграбления поляками во время одного из набегов в начале XI века или же до момента окончательного завоевания Натангии

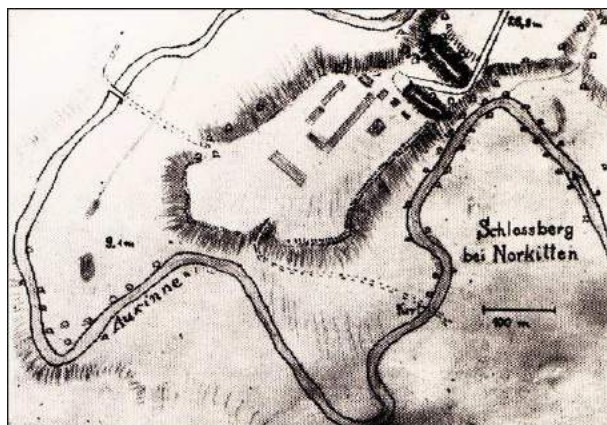

крестоносцами во второй половине XIII века. После, Ромове переносится в Надровию (Варапилс-Шлоссберг), где находится, скорее всего, до конца завоевания Пруссии Тевтонским орденом в конце XIII века. После святыни Рамавы или Ромове, вместе со жрецами могли уйти в Литву, которая сохраняла языческие культы, в том числе в роли княжеских-государственных, до конца XIV века.

Надо сказать, что поселок Междуречье полностью оправдывает все связанные с этим термином ассоциации, он, действительно, находится между двух рек – Преголи и Ауксине (ныне р. Голубая), и это место имеет богатую историю даже без главного прусского святилища. Когда-то на горе в Норкиттене стоял свой орденский замок, а немного западнее на местных полях произошла крупная битва Семилетней войны – сражение при Гросс-Егерсдорфе в 1757 году, во время которого русские войска под командованием С. Ф. Апраксина разбили прусскую армию.

В 1275 году рыцари Тевтонского ордена под предводительством Конрада фон Тирберга разрушили крепость местного прусского нобиля (аристократа), и это было первое упоминание о какой-то крепости в районе Междуречья. Совершенно не факт, что эта прусская крепость находилась именно на горе в Норкиттене, возможно речь может идти об укреплениях в районе поселка Бочаги, там, где располагалось святилище пруссов Ромува.

Но на горе Норкиттена тоже существовала небольшая прусская крепость, кстати, ее валы возможно присутствуют и сейчас... И рядом с ней (или непосредственно на ней) в 1380 году тевтонские рыцари возвели замок, который и получил имя – Норкиттен. Замок был небольшой и его постоянно грабили литовцы, в 1469 году рыцарь Феликс Вальдман превратил его в поместье для своей семьи. После этого

поместье многократно перестраивалось, пока в 1721 году князь Леопольд фон Дессау (1676-1747) не купил имение Норкиттен за 42 тыс. гульденов и возвел здесь видимо весьма большой помещичий дом (или дворец), который в свою очередь сильно пострадал от войск Наполеона в 1807 году. Одним словом, он тоже не дошел до нас, и вот уже в 19 веке на горе Норкиттена возвели хозяйственные постройки и господский дом – это такие псевдосредневековые сооружения из кирпича или огромных глыб, которые можно лицезреть и сейчас в посёлке Междуречье. Неподготовленный зритель может и правда подумать, что это часть рыцарского замка 14 века. В таком стиле возводили как хозяйственные постройки – коровники, конюшни, мельницы, так и жилые дома, и усадьбы. Старый немецкий хозяйственный комплекс стоит на месте старого замка, от которого остался только холм. Проект «История. Люди. Память» в 2018 году об этом комплексе хозяйственных построек создал сюжет «Дессау. Поместье в Междуречье», в котором ярко демонстрируются некогда добротные постройки конца 18 века, превратившиеся за последние четверть века в жалкие руины на бывшем замковом холме...

<https://www.youtube.com/watch?v=W7xIoW84HAW>

И вот с этого замкового холма открывается вид на реку Голубая (бывшая Ауксине) и соседнюю гору (ее называют именно горой) Мангарбен, вернее называли в честь прусского народного героя Геркуса Монте.

Прославился Монте тем, что в 1260—1274 годах возглавил восстание пруссов против тевтонского ордена. Восстание начиналось весьма удачно, но потом было подавлено, и Геркуса Манто казнили – повесили на дереве и проткнули мечом. Многие исследователи усмотрели в казни Монте ритуальное жертвоприношение, возможно сам герой восстания попросил убить себя именно таким образом.

По скандинавским сагам верховный бог Один повесился на дереве Иггдрасиль и проткнул себя копьем, его поступок мог стать предметом подражания, известно по рассказам немецких средневековых хронистов, что пруссы и литовцы вешались почти по любому поводу – затруднительному состоянию дел или просто от тоски. По свидетельству арабских авторов, жрецы в Русском каганате, который предположительно находился в Пруссии, также осуществляли жертвоприношения людей и животных через повешение. Ибн Русте, арабский путешественник, в «Книге драгоценных ожерелий»: *«Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают».*

В названии горы Манграбен как раз и усматривалась связь с именем вождя прусского восстания. Также место казни Монте могло быть связано с языческим центром пруссов Ромува, находящимся неподалеку, иногда считается, что вождя пруссов казнили именно там.

Что же мы знаем о главном языческом святилище всей Прибалтики?

Главный наш информатор здесь орденский священник Петр из Дусбурга, живший в 14 веке, в своей «Хронике земли Прусской» писал:

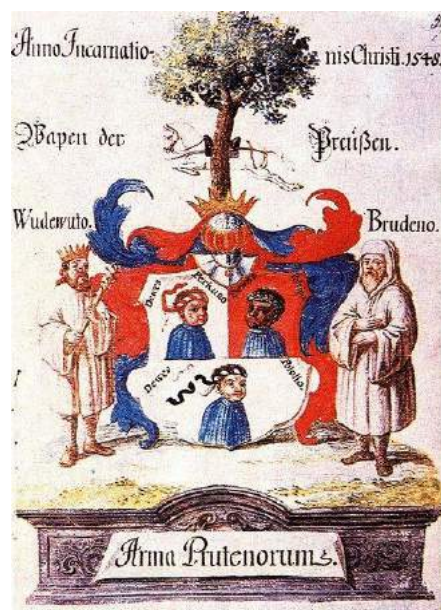
«Было же посредине этого погрязшего в пороке народа, а именно в Надровии, одно место, называемое Ромов, ведущее название свое от Рима, в котором жил некто по имени Криве, кого они почитали, как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской. Такова была власть его, что не только он сам или кто-либо из сородичей его, но даже гонец с его посохом или с другим отличительным знаком, проходя по пределам вышеупомянутых язычников, был в великом почете у королей, нобилей и простого люда. Хранил он также по древнему обычаю негасимый огонь».

Этот фрагмент из «Хроник» мы уже цитировали, но повторимся, чтобы остановиться поподробней на её трактовке. Само название Ромува возможно происходит от балтского корня *got, gat*, означающего «тихий, спокойный». Но всем несомненно нравилось созвучность Ромувы и великого города Рима, поэтому название святилища возводили к нему. Во многом из-за этого созвучия появилось литовское легендарное представление о том,

что литовцы каким-то образом якобы являются потомками древних римлян. После уничтожения крестоносцами Ромувы в Пруссии, главный жрец Криве перебрался в Литву, где институт жрецов Криве Кривайтесов существовал еще достаточно долго.

Вопрос происхождения святилища Ромува является чрезвычайно загадочным, так как доподлинно неизвестно, когда и каким образом появилось первое подобное капище в Пруссии. И неизвестно, куда оно потом исчезло, хотя общепринятой

считается точка зрения, что Ромуву разрушили христиане, причем дважды, но эти сведения о главном прусском святилище известны только из поздних источников, главным из которых является «Прусская хроника» Симона Грунау (1470-1537 гг.).

Симон Грунау дотошно описал прусскую Ромуву, но непонятно, насколько его информация может быть правдивой. Грунау представил религию пруссов, как пришедшую извне (вместе с неким народом кимбров), как он писал с острова Кимбрия. Именно оттуда пришли мудрые правители Видевут и Брутен, создавшие «Священное царство» в восточной Балтии. От имени Брутен якобы и появился этноним «брутенны» – «пруссы», что, естественно, не соответствует действительности.

Из «Прусской хроники» Симона Грунау:

«В 521 г. Брутен и Видевут созвали мудрых и спросили их, кому быть властителем. Все указали на старшего из братьев – на Брутена. Последний отказался от власти в пользу брата, желая служить богам. После коронации Видевут объявил Брутена высшим владыкой («второй после богов повелитель») – верховным жрецом с культовым именем Криве-Кривайто, которого все должны были слушаться как бога. В честь него страна была названа Брутенией (Пруссией) и богам принесены благодарственные жертвоприношения. Брутен соорудил богам Патолло, Патримпо и Перкуно особое строение».

По мнению Симона Грунау, Видевут и Брутен основали святилище Ромува между двух рек, т.е. в Междуречье, там рос огромный дуб, который стал основой их культа, это был «большой, толстый и могучий высокий дуб, в котором находился призрак дьявола и внутри были изображения божеств, [и из которого] также исходили речи дьявола, [он] был постоянно зеленым, зимой и летом». Только это святилище, по мнению Грунау, находилось не в Надровии (нынешнем Междуречье), а существенно западнее, в районе города Мамоново, рядом с поселком Липовка. Там тоже есть своё «междуречье», почти в деталях похожее на то, которое существовало в Надровии и зафиксировано в письменном источнике – «Хронике» Петра из Дусбурга. Считается, что святилище в Липовке было уничтожено еще в 1017 году польским королем Болеславом Храбрым, поэтому

впоследствии Ромуву перенесли в Надровию.

Общепринято считается, что первое святилище Ромуву разрушили христиане, причем дважды, но эти сведения о главном прусском капище известны только из поздних источников, главным из которых является «Прусская хроника» Симона Грунау (1470-1537 гг.). В предыдущих публикациях мы процитировали и немного прокомментировали сведения прусского хрониста, монаха-доминиканца.

Вернёмся к «ХРОНИКЕ И ОПИСАНИЮ ВСЕХ ЗАБАВНЫХ, ПОЛЕЗНЫХ И ПРАВДИВЫХ ИСТОРИЙ, НАЗВАННОЙ ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ» – да-да, именно так называется труд Симона Грунау, завершённый им в 1526 году. Она очень велика по объёму: только первый из трёх томов состоит из 14 трактатов и насчитывает свыше 700 страниц убористого текста. Как исторический источник этот труд очень неравноценен. Это не научное исследование в современном понимании этого слова, не справочник и не литературное произведение. Собственно, это и не хроника, а скорее свод материалов по истории Пруссии, причём такой свод, в котором и историку-то трудно разобраться.

Принцип изложения у Грунау не хронологический, дат он не ставит, а те, которые изредка встречаются, надо проверять — в них много ошибок, как и в именах. Неподготовленному читателю это произведение малопонятно и поэтому неинтересно. Ссылки на Грунау редко встречаются и в трудах историков. Очевидная вторичность материала и ошибки до сих пор отпугивают исследователей. Но для историков посмелее труд Грунау представляет немалый интерес.

Насколько глубоко наш автор погружался в предмет, видно, например, из приводимого им небольшого словарика древнепрусского языка или изложения орденских статуты. Хорошо знаком он и с трудами своих предшественников: Петра из Дусбурга, Энея Сильвия, Эразма Стеллы, Матвея Меховского и ряда

других. Но Грунау использовал и неизвестные всем этим авторам источники, уникальные и впоследствии безвозвратно утраченные. Это-то обстоятельство и создало ему репутацию лжеца или, в лучшем случае, фантазёра. Достоверность сведений, не подтверждённых другими авторами, всегда может быть оспорена. Это относится даже к тем редким случаям, когда Грунау прямо указывает свой источник. Например, он не раз упоминает, что пользовался записками первого прусского епископа Христиана (XIII век). Существовали ли собственноручные записки Христиана — достоверно неизвестно; тем более неизвестно, аутентичен ли был текст, которым пользовался сам Грунау. Но если подобные записки существовали, то их ценность — пусть даже в искажённом виде — невозможно переоценить. Ведь ещё до основания Кёнигсберга Христиан долгие годы жил среди пруссов.

Особенно много споров всегда вызывали сведения по древнейшей истории Пруссии (легенда о Видевуте и Брутене и т. п.). Вплоть до недавнего времени отношение учёных к этой части хроники было крайне скептическим. Ныне многие авторы склонны видеть здесь отражение — пусть и мифологизированное — подлинных исторических событий.

«Прусская хроника» Симона Грунау была издана в Лейпциге в 1876 году (первый том) и с тех пор не переиздавалась и на другие языки не переводилась. Она написана и издана на диалекте, отличающемся от современного немецкого языка. Эта во всех смыслах труднодоступная книга ещё ждёт своего настоящего исследователя.

Итак, Симон Грунау писал, что боги пруссов находились в специальных дуплах или окошках, вырезанных в дубе. Всего там было трое основных богов — Патолло, Патримпо и Перкуно. Вокруг дуб был окружен тканевыми занавесами.

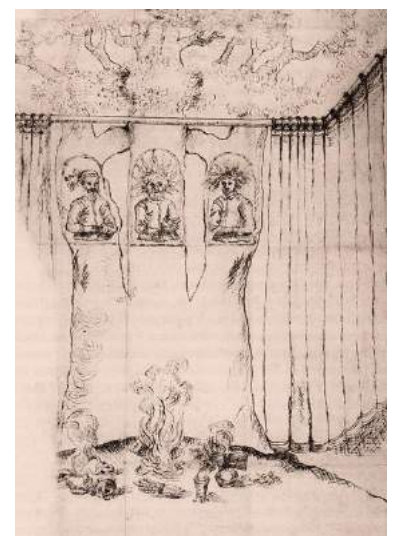

Из всех прусских богов только имя Перкуно (Перкунас, Перун) звучит привычно, выглядел он на рисунке 16 века как человек средних лет с огненной головой, Патоло изображался как «старый человек с длинной зеленой бородой, и цвет его [одежд] был совершенно смертелен, он был увенчан белым сукном в виде тюрбана», Патримпо был «богом счастья в битвах, а

также в других делах», и изображался как «юноша без бороды, коронованный пучками листьев и готовый радоваться». Патоло и Патримпо требовали человеческих жертв, Симон Грунау писал, что «и этот дьявол также желал, чтобы в честь его убивали младенцев, и это также делали. Патолло и Потримпто находили удовлетворение в человеческой крови, поэтому для их почитания ее проливали перед дубом».

Поздние переписчики Симона Грунау, например, Мартин Муриниус (1582 год) описывали Ромуву в «Хронике прусских магистров» так:

«Столицей Криве Кривейта было Романово или Ромново, названное от Рима, первейший и главный город древних пруссов. Там же неподалеку ему был на большие средства воздвигнут храм (kosciol) под дубом, раскидистым на диво людям. Этот дуб считался священным и, ненарушимо сохраняясь дьявольскими чарами, был зелен и летом и зимой. По правую руку от дуба поставили идола, звавшегося Перкунос, по-нашему Перун, и в жертву ему пруссы и соседние жмудь и литва днем и ночью жгли вечный огонь из дубовых [поленьев]. Для этого были приставлены вейделоты (то есть служители храма), священной обязанностью которых было следить, чтобы этот огонь, который они [жгли] для священного идола Перкунуса, никогда не угасал. А если бы этот огонь угас по недосмотру кого-нибудь из них, таковой карался смертью. И это означало, что язычники от поклонения своим гнусным богам отказаться не желали, избегая заниматься делами, столь угодными Господу. Другой идол, называвшийся Патримпос, то есть домашний бог (латинники говорят *dii paenates*), изображен был в виде продольно извивающегося ужа (*weza wzdluz zwitego*) из меди, во славу которого каждый из пруссов, жмудинов и литовцев, людей одних и тех же заблуждений, живого ужа в доме держал и молоком кормил. В третьем углу стоял третий дьявольский идол, звавшийся Пателло, в честь которого каждый у себя в доме хранил голову умершего человека».

Какой можно сделать вывод из текстов хроник?

Нужно отметить, что общим моментом является, кроме названия Ромов, Ромува, Ромново, присутствие здесь главного жреца – Криве и священного огня, про имена богов самый первый известный хронист – Петр из Дусбурга ничего не упоминает, он даже не писал о священном дубе, хотя упоминает наличие у пруссов священных деревьев в широком смысле: *«Были у них также священные леса, поля и реки, так что они не смели в них рубить деревья, или пахать, или ловить рыбу»*. Священные рощи пруссов также упоминаются в житиях погибших в здешних лесах христианских мучеников, поэтому можно предположить, что священный дуб вполне мог присутствовать на капище, тем более почитание деревьев было очень распространено среди языческих народов. О том, что литовцы почитали змей/ужей известно давно.

Иногда в рассказе Симона Грунау видят сходство с описанием Адамом Бременским шведской Уппсалы – одного из главных святилищ языческой Скандинавии. Там тоже стояли идолы трех главных скандинавских богов – Тора, Одина и Фрейра, и делается

предположение, что Симон Грунау спланировал описание Ромувы у Адама Бременского. Претензии есть почти ко всем хронистам, писавшим о прусской Ромуве, достоверность их сведений, естественно, не является абсолютной, но нужно отметить в связи с этим здесь главную вещь – религия пруссов по описанию Симона Грунау и Петра из Дусбурга не похожа на германо-скандинавскую. У германцев не было такой отчетливой теократии, их жрецы не имели абсолютной власти, как это было у пруссов (и у западных славян), не было также ярко выраженного культа огня, характерного для всех балтов (кстати, культ огня практически отсутствовал и у балтийских славян), почитание лошадей, свойственное пруссам (и в меньшей степени славянам) тоже не было характерной чертой германцев. В свою очередь у пруссов отсутствовал культ такого популярного германского божества как Один. Поэтому нужно признать, что религия пруссов, описанная средневековыми хронистами, существенно отличалась от германо-скандинавских образцов.

Рассказывая о религии пруссов, что была характерной для всех балтов, описанная средневековыми хронистами, нами признаётся факт существенного отличия от германо-скандинавских образцов культопочитаний.

Больше всего параллелей у прусского язычества с культами балтских славян. Славянские Поренут, Руевит и Поревит весьма созвучны прусским Перкунасу, Патоло и Патримпо, это, не говоря о существовании у всех славян культа громовержца Перуна (Перкуноса).

У балтийских славян также присутствовало авторитарное жречество, жрецы бога Святовита с острова Рюгена обладали властью сопоставимой с прусским Криво Кривайтисом. Даже само имя прусского жреца Криве имеет явные славянские корни и созвучно названию славянского племени кривичей, ближайших соседей балтов.

Существует популярная точка зрения, что если есть связь между культами балтов и западных славян, то это означает, что последние и принесли свою веру пруссам.

Но скорее пруссы повлияли на религию балтийских славян. Дело в том, что верования пруссов выглядят более архаичными и имеют больше параллелей с религиозными системами кочевников Центральной и Восточной Европы – с культами гуннов и аваров, которые видимо и стали основным базисом для развитого славянского и балтского язычества. Вполне логично думать, что кочевые племена (преимущественно тюркские), создавая огромные государственные образования в Восточной Европе, такие как Аварский и Хазарский каганаты, повлияли на культуру и религиозные представления местных племен. Именно поэтому у пруссов в 5-7 вв. появилось такое трепетное отношение к лошадям и огню, сравнимое с представлениями иранских и тюркских племен, и немыслимая ранее централизация жреческой власти, когда одному прусскому Криве подчинялись племена почти всей Прибалтики.

Поблизости с Ромове в Надровии находилось городище Шлоссберг (Замковая гора). Река образует здесь некий «мешок», при этом само городище существенно поднято от уровня реки, его площадка со всех сторон ограничена обрывами, на северо-востоке хорошо видны два вала.

В центре обширной площадки бывшего городища, возможно, и рос вечнозеленый дуб пруссов. Здесь жрецы вайделоты жгли людей и коней, для того чтобы умиротворить своих кровожадных богов.

Скорее всего в Ромове существовали какие-то строения, тем более о них писали хронисты. Поддерживать вечный огонь в сыром балтийском климате можно только в каком-то помещении, и сами жрецы тоже должны были

где-то жить. Это, не говоря о том, что главный жрец балтов Криве Кривайтис должен был где-то прятать свою казну, положенную ему по обычаю треть доходов, и вряд ли которую он сжигал на костре во славу богов...

О храмах у западных славян прямо писали средневековые авторы, но о подобных сооружениях у балтов почти ничего не известно. Скорее всего, это были большие хижины, наподобие жилых. Барон Сигизмунд фон Герберштейн — дипломат Священной Римской империи, уроженец Виппах (Австрия, сейчас в Словении) владел местными славянскими диалектами, что помогло ему в России, писатель и историк, наибольшую известность как в России, так и за её пределами, приобрёл за свои обширные труды о географии, истории и внутреннем устройстве Русского государства – в «Записках Московии» описывал в 16 веке (1557 год) подобные жилые дома литовцев:

«Живут они в низких и очень длинных хижинах (casa) (плохих домах, внешне напоминающих длинные овины или хлева для скота); посередине в них поддерживается огонь, и когда у него восседает отец семейства, он (может) (все время) видеть скот и всю домашнюю утварь, ибо у них в обычае держать скотину под той же крышей, под которой живут они сами, без всякой перегородки (коня, свинью, быка и т. д.), стоящих вокруг. Крайне редко у них можно увидеть отгороженные спальные комнаты».

Так что вытянутый силуэт строений начала 19 века вполне может соответствовать приблизительному облику прусско-литовского длинного дома средневекового периода.

Известно, что городище в п. Бочаги поверхностно исследовалось археологами, какой-либо культурный слой прусского времени здесь не был обнаружен, что может говорить о том, что люди здесь не жили

постоянно, т.е. при всех здешних укреплениях центральная площадка оставалась пустой. Зато рядом с Замковой горой еще в 19 веке было найдено несколько захоронений со скандинавскими предметами 9 века.

Дорога к реке опускается по оврагу явно искусственного происхождения. Та, что сейчас пролегает вокруг городища была сложена в немецкое время и выложена булыжником, хотя камни с поверхности дороги почти все исчезли, а что-то типа бордюров всё ещё видно.

Выход из городища расположен с речной стороны, в этом проеме скорее всего стояла воротная башня. Когда все это было возведено неизвестно, может быть в прусское время, а может быть уже немцами.

Общий вид городища хорошо просматривается от реки, и это, действительно, невысокая гора с обширной плоской площадкой наверху. Возможно по ее верхнему периметру шли дополнительные валы. Хотя высота перепадов составляет где-то 15-20 метров, склоны городища обрывистые, поэтому можно допустить, что надобности в дополнительный валах и не было, тем более эта сторона выходит к реке.

Интересно, что многие подобные святилища славян и пруссов были окружены водой, возможно это не случайно, и такое расположение выбиралось не только в целях обороны, может быть вода вокруг капища имела и какое-то ритуальное значение. Например, Ретра – святилище западных славян стояла посреди озера, знаменитый храм бога Святовита в Арконе на острове Рюген находился на мысу и был с трех сторон

окружен морем, с четвертой напольной стороны он был укреплен, как и Ромува, очень высоким валом.

При этом стоит отметить, что оба места, в которых могли находится центральные прусские святилища – это Шлоссберг (Бочаги) и Липовка (Грюнвальде), были значительно удалены как от берега, так и от полуострова Самбия, который считался центром прусской земли и был больше всех населен, т.е. святилища находились в стороне от наиболее населенных территорий пруссов. Почему непонятно, может быть и правда вайделоты искали «тихое» место.

Прусский пейзаж раскрывает секреты вечнозеленого дуба пруссов. Надо сказать, что в Калининградской области очень многие деревья имеют такой вид – листы нет, а «зелень» на них есть – загадочное растение омела придает здешним лесам особую таинственность...

*Реконструкция храма святилища, отождествляемого с Ретроу. Археологический музей под открытым небом Грос-Раден (Мекленбург-Передняя Померания, Германия). По материалам статей сайта <https://maximus101.livejournal.com/143114.html>

9. Глубинное значение погребальных церемоний западных балтов

В фрагменте текста середины XVI века, в котором содержатся свидетельства очевидца об уникальных для эпохи Реформации чертах обрядности западных балтов, проводится параллель с данными купца Вульфстана о погребальных скачках пруссов IX века. Если в раннем Средневековье всадник, победивший в похоронных скачках, получал значительную часть имущества погребаемого соплеменника, то в эпоху Реформации призер в прусских погребальных заездах символически обогащался лишь на разменную монету в 1 шиллинг. Предполагается, что на протяжении семи веков у жителей юго-восточной Балтии сохранялся обычай скачек на погребальной церемонии, хотя сакральный смысл ее на пороге Нового времени мог быть утрачен.

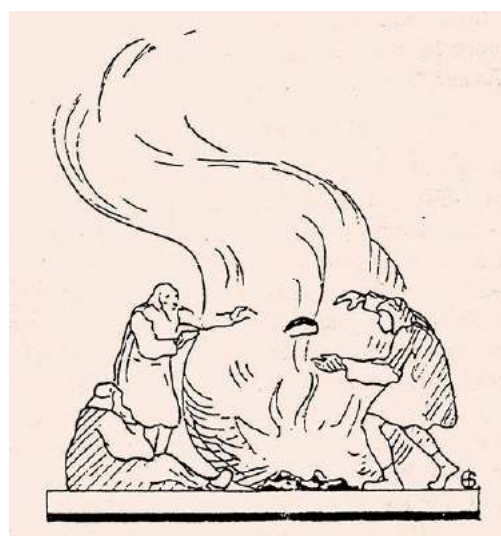

Тем не менее косвенно это подтверждает гипотезу В.Н. Топорова о глубинном значении данного явления.

Разберёмся в погребальных церемониях западных балтов вместе с калининградским археологом Владимиром Ивановичем Кулаковым, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института

археологии РАН.

Общеизвестной чертой национального характера балтов является верность моральным принципам и нравственным нормам, проявлявшаяся у народов Балтии в самых разных обстоятельствах на протяжении веков. В частности, этот здоровый консерватизм, приверженность к постоянству, нежелание вносить изменения в сложившиеся традиции ярко отразились в погребальном обряде жителей юго-восточной Балтии. Ранее уже отмечалось стремление пруссов сохранить при проведении погребальных церемоний связь времен, наличие длительной памяти о своих предшественниках, отразившиеся в культовом пиетете. Известный польский исследователь погребальной обрядности западных балтов Ян Ясканис справедливо считал, что с V в. н. э. вплоть до распространения в исторической Пруссии христианских норм погребения западные балты придерживались единого стандарта обращения с телом умершего соплеменника – кремации останков (преимущественно – в стороне от могилы).

Первое упоминание о конных состязаниях при проведении похорон восходит к IX веку, присутствует в заметках англо-саксонского купца Вульфстана о его путешествии на западную окраину земли пруссов (автор заметок называет их «эсты», у античных историков – aestii) и включено в текст «Истории против язычников» Орозия:

«И есть у эстов обычай, что, когда человек умирает, он лежит в [своем] доме, несожженный, со своими родственниками и друзьями, месяц, а иногда и два. А король и другие люди высшего сословия – еще дольше, в зависимости от того, насколько они богаты; иногда они остаются несожженными в течение полугода. И они лежат на земле в своих домах. И все то время, пока тело

находится в доме, они должны пить и участвовать в состязаниях, до того дня, когда его сожгут.

Затем в тот день, когда они понесут его на костер, они делят его имущество, которое осталось после возлияний и состязаний, на пять или шесть, а иногда и больше [частей], в зависимости от количества его имущества.

Затем они кладут самую большую часть его на расстоянии одной мили от города, затем другую, затем третью, пока оно все не будет разложено в пределах одной мили; а последняя часть должна лежать ближе всего к городу, где находится покойник. <...>

Затем все они устремляются к имуществу; тогда человеку, владеющему самым быстрым конем, достается самая первая и самая большая часть; и так одному за другим, пока не возьмут это все; и меньшую часть берет тот, кому достается имущество, [лежащее] ближе всего к городу [к дому]. И тогда каждый едет своей дорогой с имуществом и может всем им владеть; и поэтому самые быстрые кони там невероятно дороги.

И когда его имущество таким образом разделено, его выносят и сжигают с его оружием и одеждой. И чаще всего его состояние они растрачивают за то долгое время, пока покойник лежит в доме, и тем [через то, вследствие того], что они кладут на дороге, за чем устремляются чужаки и забирают».

Известный русский языковед Владимир Николаевич Топоров несколько своих публикаций посвятил сообщению Вульфстана. Главный вывод В.Н. Топорова относительно данных о скачках на похоронах состоял в том, что такие состязания являются соответствием «макрокосмическому» поединку Демиурга со своими противниками.

Состязания пруссов при похоронной церемонии, описанные путешественником Вульфстаном, относятся к начальной фазе эпохи викингов, и длительный отрезок времени этот обычай существовал и трансформировался. Историческая этнография пруссов, одно из важнейших источников, является представленная в рукописных и печатных вариантах «Судавская книжица», и посвящена различным сторонам духовной жизни части западных балтов эпохи Реформации. В частности, интерес вызывает представленный в этом источнике обширный экскурс, посвященный погребальным обычаям, под титулом «Судаиты, называемые Судавами, Церемонии жертвоприношения козла (Судавская книжица)», текст написан Иеронимом Малетиусом в середине XVI века. Канцлер Ганс фон Крейтцер во время своего посещения округа Лык (местожительства И. Малетиуса) сделал копию этого труда и поместил данную рукопись в библиотеку Кёнигсберга в 1552 году.

«О мертвых... Если некто заболевает, собирают житель деревни и его друзья некое количество пива, которое ему подносят, когда он умрет. Тело моют в теплой купальне (?) или лохани (?), отмывают его начисто и одевают его в белые одежды и в конце концов сажают на стул. При этом наливают ему пива в некий сосуд, именуемый чашей (на прусском Kauszele (?)). Один (из участников, в тексте – Itzlicher) поит мертвого и говорит (при этом по-прусски): «Я пою тебя, наш друг; почему ты умер? Ты имел свою любимую женщину, свой скот, своих коров, всё было (у тебя)». В итоге пьют на добрую ночь и просят его, чтобы в Ином мире он прилежно приветствовал их братьев-друзей и с ними пребывал, затем они одевают его в его одежды, вешают ему на бок нож, длинный платок (обёртывают) вокруг шеи, кладут ему в кошель деньги.

Когда умирает женщина, на нее надевают венец, или нечто подобное, что они для нее нашли. После этого тело кладут на повозку, друзья едут (верхами) вокруг нее с поднятыми ножами, которыми тыкают в воздух и кричат: “Bereyt, bereyt Pecolle” (“Убегай, убегай [её] черт”). Так сопровождают тело до границы деревни, где воздвигнут столб, на который возложен шиллинг (серебряная прусская монета, составляющая 1/60 марки).

Все, кто на лошадях, скачут к столбу, первый, приехавший к нему, берет шиллинг. Взяв шиллинг, все скачут к умершей с поднятыми ножами и дубинами и, что повелел один из участников (жрец?), тыкают ими в воздух и кричат. Когда они опять подходят к granitz (так в тексте), три раза объезжают вокруг повозки, молятся и ноют (заунывно поют?). И воз, и лошадь приносят умершую к могиле. Когда они сюда приходят, тело женщины кладут на плоские носилки (?) и..., и как им положено, сжигают ее, как и мужчин. И как им

велено (?), сжигают они и тело, как в наши (?) дни находятся их могилы на холмах, погруженные в глину, которые могилы они именуют Сарепен, они пепел и кости помещают в сосуды, которыми они сопровождают мертвых».

Первой реминисценцией старых обычаев в погребальной церемонии XVI века является обертывание вокруг шеи умершего платка. Так и в раннеорденское время шеи покойных (как правило – женщин) пруссы обвивали гривнами, свитыми из нескольких бронзовых дров.

Очевидно, этот обычай отражал идею защиты умершего от воздействия недружественных потусторонних сил. Так и в XVI веке пруссы, помня, что шею умершего надо закрыть (быть может, уже не понимая, для чего), обертывали ее платком. Крайне важно упоминание в случае с погребением мужчины снаряжения его в могиле погребальным инвентарем (одежда с ее аксессуарами, нож, платок). Этот момент акцентирует явно нехристианский смысл данной погребальной церемонии. Упомянутые составляющие погребального инвентаря использовались эстиями и пруссами при захоронении своих соплеменников на протяжении всего I тысячелетия н. э.

Упоминание в тексте XVI века погребальных скачек несомненно указывает на аутентичность информации, представленной в данном источнике. Ведь его автор, явно очевидец погребальных действий, не будучи знаком с текстом Вульфстана, не мог оттуда почерпнуть информацию об упомянутом уникальном обычае и, следовательно, описал реальные события, происходившие в одном из пунктов

юго-восточной Балтии на пороге Нового времени.

На первый взгляд выглядит странным тезис об урновых трупосожжениях, применявшихся западными балтами после крушения Орденского государства, когда в Пруссии уже три века господствовало христианство. Однако в Киришпорском договоре между Орденом и пруссами биритуализм в погребальных обычаях местного населения упоминается.

В новейших раскопках прусского участка могильника Кауп на севере полуострова Самбия встречены трупосожжения XII – XIII веков, а прусские трупоположения XVI века на вскрытом участке могильника отсутствовали.

Данный текст, упоминаемый об одном из западнобалтских племен (Судавы), тем не менее, позволяет считать показанную здесь информацию актуальной и для представителей

других племен юго-восточной Балтии. Дело в том, что в начале орденской эпохи оккупационная власть в исторической Пруссии целенаправленно занималась перемещениями различных этнических групп местного населения. Этот феномен нашел подтверждение в археологическом материале, выявившем погребение ятвяжских (судавских) воинов на самбийских грунтовых могильниках в урочищах Кунтерштраух (Kunterstrauch – «Подлесок, скрывающий (могилы)») – могильник Ирзекапинис и святилище в Зеленоградском районе, междуречье рек Тростянки (бывш. Brasta) и Зеленоградки (бывш. Kintawa), у посёлка Клинцовка, бывшая деревня Варгенау – и Кауп, датированных по нумизматическим находкам концом XIII века.

Если в IX веке всадник, победивший в похоронных скачках, получал значительную часть имущества погребаемого соплеменника, то в эпоху Реформации призер в прусских погребальных заездах (судя по сообщению «Судавской книжицы»), проводились в случае погребения женщины) обогащался лишь на разменную монету в 1 шиллинг.

Однако сам факт сохранения на протяжении семи веков конных состязаний в ходе погребальной церемонии свидетельствует о высоком таксономическом значении (иерархическая классификация) этого обычая в западнобалтской среде. Косвенно это подтверждает гипотезу В.Н. Топорова о глубинном значении данного явления.

Статья Кулакова В. И. «Консервативность черт погребального обряда западных балтов» опубликована в сборнике «Ученые записки Казанского университета» в Серии Гуманитарные науки в 2020 году.

10. История города Мамоново – Хайлигенбайль

Самый западный город Российской Федерации Мамоново Калининградской области был основан около 1301 года.

По его территории, утопая в роскошной зелени деревьев, протекают две реки – Мамоновка и Витушка.

Именно на берегу реки Ярфт, современная Витушка, впадавшей в реку Банау или Банава, современное название реки Мамоновка, в стратегически удобном месте был основан как торговое поселение город Хайлигенбайль. С юга его окружала заболоченная долина реки Ярфт, с севера и северо-запада — болотистая долина ручья Банау.

Город Хайлигенбайль-ан-дер-Ярфт был основан рядом с культовым местом пруссов – к востоку от Хайлигенбайля между реками Ярфт и Банау находился священный лес Ромове – «Хайлиген-Бюль» или «Хайлигенвальд» – окруженный древними дубами, а также священная деревня Свентомест (святое место). Ученые постарше утверждали, что здесь должен был стоять священный дуб Ромове. Однако более молодые представители науки считают, что местонахождение дуба Ромове в Хайлигенбайле маловероятно.

Весной 1242 года прусские племена подняли восстание против тевтонских крестоносцев, стремившихся захватить и подчинить своей власти всю Пруссию. Восстание фактически возглавил восточно-поморский князь Святополк Великий. Он укрепил свои крепости на берегах Вислы, стал взимать пошлины с судов ордена, захватывал немецкие суда на Висле, а позже приостановил всю навигацию, что отрезало замки крестоносцев от снабжения. Вначале восставшие пруссы опустошили орденские владения в Вармии, Бартии, Погезании и Натангии – захватили и разрушили все орденские замки, истребив в них всех рыцарей и христиан. Уцелели только замки Бальга и Эльбинг. Затем повстанцы разорили Помезанию и Кульмскую землю, разрушив все замки и поселки крестоносцев. Устояли только три замка — Торунь, Кульм и Реден. Согласно орденскому хронисту Петру из Дусбурга, которого мы будем цитировать здесь и далее, *«они убили 4 тысячи, так что вся земля Прусская казалась обгащенной кровью христианской»*.

Летом 1242 года Святополк с прусско-померанским войском вторгся в орденские владения и сильно опустошил Кульмскую землю. Нападение произошло после сражения под Кульмом 15 июня 1242 года, в котором Святополк одержал победу.

В августе 1242 года Тевтонский орден заключил союзный договор с польскими князьями Казимиром Куявским, Болеславом и Пшемиславом Великопольскими о совместной борьбе против Святополка Померанского. Крестоносцы с союзными польскими князьями вторглись во владения Святополка и захватили замок Накло. Оттуда союзники выступили вглубь Померании, где крестоносцы «... *что можно было предать огню, они сжигали и, убив многих и захватив женщин и детей, вернулись с огромной добычей ...*».

В конце 1242 года Святополк вынужден был заключить мирный договор с Тевтонским орденом. Померанский князь уступил тевтонским рыцарям свой замок Сартовице и отдал им в заложники своего старшего сына Мстивоя (ок. 1220 – 1294). Будущий князь свецкий (около 1250—1271), гданьский и померанский (1271—1294) в 1253 (или 1255) году вступил в брак с Юттой Веттин, дочерью графа Брена Дитриха I из рода Веттинов (немецкого королевского и княжеского рода, ныне представленный Виндзорской династией, правящей в Великобритании, а также Саксен-Кобург-Готской династией королей Бельгии) и его жены Евдоксии Мазовецкой (дочери мазовецкого князя Конрада I и его жены Агафьи Святославовны Новгород-Северской). Святополк обязался помогать крестоносцам в их борьбе против прусских язычников.

В 1243 году Святополк возобновил войну против Тевтонского ордена. Вместе с пруссами и судовами он собрал большое войско, с которым опустошил Кульмскую землю. В битве у озера Рензен Святополк одержал победу над крестоносцами. Вскоре он осуществил новое нападение на Кульмскую землю, во время которого рыцари нанесли поражение поморам и пруссам в битве под Кульмом. Князь со всеми людьми своими бежал к Висле, где во время переправы «... *кроме Святополка и немногих других, утонули все те, кто отступал с ним ...*».

В мае 1244 года тевтонским рыцарям стала пребывать военная помощь из Бранденбургской марки, Мейсена, Тюрингии и Австрии. Князь Святополк Померанский, встревоженный и напуганный прибытием подкреплений на помощь крестоносцам, возобновил прежний мирный договор с орденом. Но через несколько месяцев Святополк нарушил мир и с войском напал на владения князя Казимира Куявского (союзника Ордена), где убил и взял в плен много жителей. В то же время Святополк построил на Висле два замка Зантир и Швец, чтобы перекрыть проход судов по Висле. В ответ тевтонские крестоносцы также построили ряд замков.

Орденский ландмейстер Поппо фон Остерна и князь Казимир Куявский с объединенными силами осадили замок Швец, но не смогли взять его штурмом. Инициатива постепенно переходит в руки тевтонских рыцарей. Святополк с войском попытался взять штурмом Эльбинг, но потерпел неудачу. В сражении на реке у замка Зантир рыцари на трех кораблях разбили флотилию князя Святополка из двадцати судов. Магистр Поппо фон Остерн нанес поражение Святополку в битве под замком Швец.

Папа римский Иннокентий IV в 1245 году трижды провозгласил крестовые походы против прусских язычников. В 1246 году ландмейстер Тевтонского ордена Поппо фон Остерна предпринял большой разорительный поход на Померанию. Орденское войско, усиленное отрядами крестоносцев из Европы и князя Казимира Куявского, в течение девяти дней сильно опустошил Померанию. Князь Святополк Померанский, собрав большие силы из помор и пруссов, двинулся в погоню за отступающими противником. В кровопролитном сражении крестоносцы одержали победу над превосходящими силами противника. Святополк потерял убитыми 1500 человек.

После этого поражения Святополк Померанский *«... как кроткий агнец, потупив взор и лицом до земли, смиренно просил братьев, чтобы они, как обычно, благоволили принять его с благосклонным милосердием ...»*. Было заключено третье перемирие между Померанией и Тевтонским орденом.

В 1247 году новый ландмейстер Тевтонского ордена Генрих фон Вейда (1247—1255) нарушил перемирие с пруссами и, собрав тевтонских и европейских рыцарей, предпринял поход на Помезанию, где взял штурмом замок Кишпурк,

переименованный им в Христбург (современный польский город Дзежгонь).

В ответ Святополк начал партизанскую войну против крестоносцев и «не раз вредил братьям, тайком грабил людей братьев, одних убивал, других уводил в плен и по-разному досаждал им». Затем Святополк, собрав силы, вторгся во владения князя Казимира Куявского (союзника Ордена), которые были полностью разорены. После этого Святополк с поморско-прусским войском осадили и захватили замок Кишпурк-Христбург. Крестоносцы, видя его стратегическое значение, отстроили его в другом месте.

2 февраля 1249 году был заключен Христбургский мирный договор между прусскими племенами и Тевтонским орденом. Прусские племена обязались вернуться в христианство, окончательно отказаться от язычества, платить десятину и участвовать в военных походах тевтонских крестоносцев.

В обмен пруссы получали личную свободу, право наследования имущества, а также получили равноправие с немецкими колонистами. Этот договор касался только тех пруссов, которые подчинились Ордену — жителей Помезании, Натангии и северной части Вармии.

В ноябре 1249 года тевтонские крестоносцы из Балги и Эльбинга напали на Натангию, разорили её огнем и мечом. Но при отступлении «... пруссы осадили их ...», взяли заложников и, потом их убив, «... напали на остальных и убили 54 брата и всех других ...».

В 1251—1252 годах на помощь рыцарям в Пруссию прибыли из Германии маркграф Оттон III Бранденбургский, епископ Генрих I Мерзебургский и граф Генрих Шварцбургский со своими отрядами, «... каждый из которых грозно пересек границы упомянутых вероотступников, чтобы разрушать огнем и мечом, убивать и разорять, пока не уничтожат совсем, чтобы после они уже не смогли бы оправиться ...». К 1253 году пруссы из Помезании, Погезании, Вармии, Натангии и Бартии вернулись к христианству и, предоставив заложников, вновь подчинились верховной власти тевтонских рыцарей-крестоносцев. Святополк, князь Померанский, «изнуренный битвами и потерями, не в силах более оказывать отпор братьям, до самого конца жизни своей неукоснительно соблюдал договор между ним и братьями, составленный Яковом, архидиаконом модийским, после ставшим папой Урбаном IV».

По Христбургскому договору 1249 года между пруссами и Тевтонским орденом на священных для пруссов местах предусматривалось строительство кирхи. Борясь с прусским язычеством, самбийский епископ Ансельм распорядился уничтожить священный дуб. Прусское святилище на этом культовом месте было разрушено в 1272 году войсками ордена под руководством графа Гюнтера и Дитриха фон Регенштейна, которые прибыли из региона Гарц.

Но осталось в названии города прусское начало, вероятно, которое происходило от «swentopil» (святая гора), в то же время «Pil» имеет значение «замок»/«крепость» и что тоже было совершенно очевидно. Неподалеку от святых прусских мест, по всей вероятности, и был основан в 1301 году город с Кульмским правом, который назывался первоначально Хайлигенштадт (в переводе с немецкого «Святой город»). Это название упоминается в письменных источниках 1330 года, а также на старейшей городской печати в латинском варианте — «Sancta Civitas». Под влиянием преобладавших в округе пруссов в 1344 году название города превратилось в Хайлигенбиль («bil» — «крепость»), а впоследствии видоизменилось в Хайлигенбайль («beil» — «топор»), вероятно, в память о топоре, срубившем священное дерево.

История заселения местности в районе города Мамоново прослеживается археологами с эпохи каменного века. Первыми людьми, облюбовавшими эти места, были охотники на северного оленя. Появились они в этих местах 8 – 10 тысяч лет тому назад. Уровень неолитической культуры постепенно повышался. Спустя несколько тысячелетий охотники перешли к оседлому образу жизни, приручили собак и свиней, начали заниматься земледелием.

В IV – V веке н.э. на месте будущего города, неподалеку от слияния рек Ярфт (Витушка) и Банава (Мамоновка), было основано прусское поселение Свентемест (Священное поселение). Названо так оно было потому, что в нескольких километрах от него располагалось центральное святилище древних пруссов.

Трагическими и последними в истории пруссов стали XII и XIII века, когда тевтонские рыцари под флагом распространения христианства с огнём и мечом пришли в эти места. В течение пятидесяти лет Свентемест неоднократно переходил из рук в руки, но силы были не равны. В 1272 году отряд крестоносцев уничтожил городище.

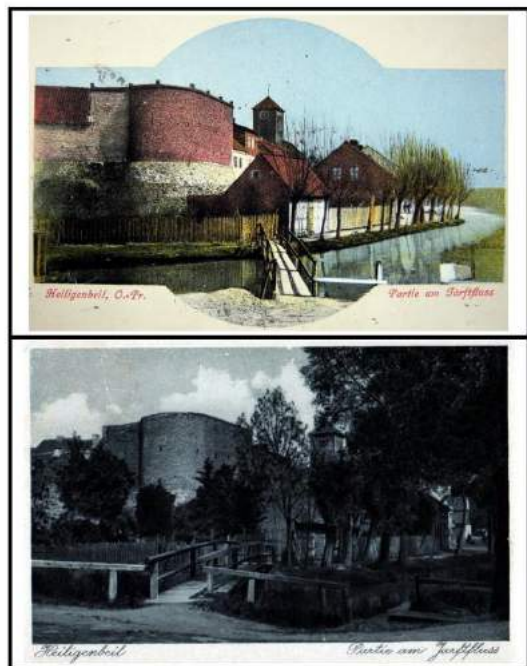

В 1301 году на месте деревянной прусской крепости был основан город, получивший название Хайлигенбайль (Священная секира). Подробности истории основания города Хайлигенбайль-ан-дер-Ярфт мы успели рассказать выше.

Хайлигенбайль располагался на древнем торговом и военном пути из Самланда в нижнюю часть Вислы и регулярно использовался торговцами янтарем. До 1945 года сквозное движение через город было характерным для поселения с торговым интересом, но и приносило массу неудобств во время вооруженных конфликтов. Поэтому город имел мощные укрепления и, таким образом, получил вид, больше характерный замку.

Город был обнесён каменной стеной с двумя воротами, нижняя часть которой состояла из дикого камня. Верхняя часть стены была выложена готической кладкой из кирпича. Особенно хорошо укрепленным стало место вокруг мельницы на реке Ярфт, вокруг же самого города был вырыт глубокий ров.

Город защищала стена и городские ворота, также представлявшие собой укрепленные сооружения. Расположенные в Кёнигсбергском направлении ворота именовались Монашескими, на них был изображен рыбак, держащий знамя и опирающийся на топор. А на западных, Мельничных, воротах был изображен мужчина, держащий знамя с секирой.

Хайлигенбайль один из немногих древних городов Восточной Пруссии (на территории Калининградской области), размеры которого (именно средневекового города) можно вполне реально оценить и посмотреть, поскольку городская оборонительная стена по периметру сохранилась на 85%, точнее основание её стены из природных камней, т.к. верхнюю кирпичную часть и двое городских ворот сами немцы почти полностью разобрали за ненадобностью, к началу 20-го века оставалось совсем немного. Часть стены послужила фундаментом для жилых домов, построенных по периметру, а улицы так и назывались: Mauerstrasse Nord, Mauerstrasse West, Mauerstrasse Ost...

Правда, нужно отдать должное современным властям, при преобразовании заброшенной территории в историческом центре города в "парк культуры и отдыха" (открыт 1-го октября 2011 г.) одна из прогулочных дорожек была специально сделана вдоль наиболее сохранившейся части городской стены начала XIV века...

Оборонительные функции выполняла также и кирха, построенная в 1330 году в юго-восточной части города.

11. Приходская кирха 14 века в Хайлигенбайле.

Впервые эта кирха упоминается в грамоте 1330 года. Сооруженная в готическом стиле кирха имела размеры примерно 40 м в длину и 17 м в ширину. Первоначально она была 3-хнефной и состояла из пяти пролётов. Типичная орденская кирха была выложена готической кладкой из кирпича разной степени обжига, что придавало её стенам весьма нарядный внешний вид, а косые прямоугольные контрфорсы передавали

ей более серьёзный характер. С западной стороны кирхи находилась башня, по которой легко было узнать средневековую красавицу.

При строительстве евангелической церкви широко использовался профилированный кирпич различной формы — им были отделаны портал, дверные и оконные проемы, готические своды. Очень примечателен был западный портал (вход) кирхи Хайлигенбайль в прямоугольном выступе и напоминал собой портал церкви замка Бальга. Есть предположение, что обе эти церкви строили каменщики одной артели, поэтому и годы постройки церкви в Хайлигенбайле предположительные, примерно в 1320-м — годы строительства церкви на Бальге.

Удивительным образом за всю свою долгую историю, а это не много и не мало — 700 лет, до нас дошли кадры церкви Хайлигенбайль лишь только с одной, пусть и шикарной, западной стороны, и только именно этот вид нам известен.

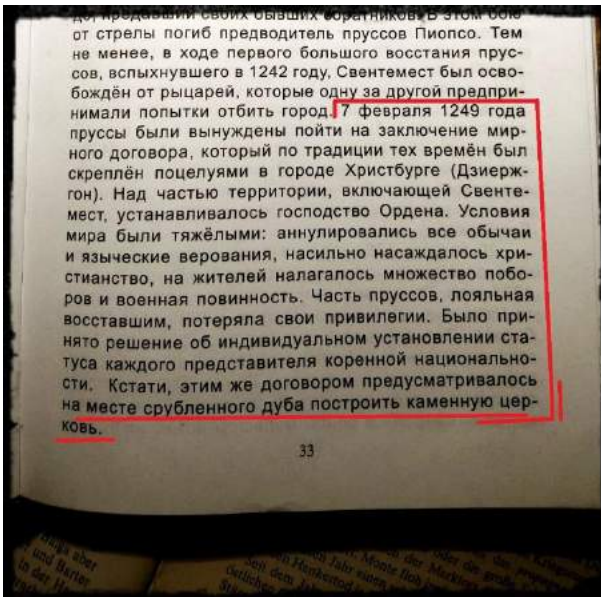
О чём очень сокрушаются музейные работники города Мамоново: «Кто-нибудь видел её с южной, восточной или северной стороны (не на общей панораме, а вблизи)?? — какие были стены, сколько контрфорсов, были ли плиты с эпитафиями, где схемы, планы, чертежи??? А интерьеры? — раз-два и иди домой...»

<https://www.facebook.com/heiligenbeil/posts/2199169087040399>

Да и с годом начала постройки кирхи не всё ясно...

Как мы упоминали ранее, после подавления первого прусского восстания 7 февраля 1249 году был заключен Христбургский (по названию замка Христбург, переименованного замка Кишпорк в Помезании) мирный договор между прусскими племенами и Тевтонским орденом.

Прусские племена обязались вернуться в христианство, окончательно отказаться от язычества, платить десятину и участвовать в военных походах тевтонских крестоносцев. В обмен пруссы получали личную свободу, право наследования имущества, а также получили равноправие с немецкими колонистами.

Все вновь принявшие христианство пруссы пользовались правами Христбургского договора. Местные племенные вожди и знатные пруссы, если они принимали христианство и отрекались от язычества, автоматически причислялись к дворянству. Им оставались наследственные земли в свободное владение и добавлялись участки в лен. Взамен на это, они были обязаны принимать участие в походах ордена против язычников. Этот договор касался только тех пруссов, которые подчинились Ордену — жителей Помезании, Натангии и северной части Вармии.

По Христбургскому договору 1249 года на священных для пруссов местах предусматривалось строительство шести церквей по Вармии, которые пруссы обещались выстроить «до ближайшего троицына дня».

«SURIMIS – Жуково (недалеко от Хайлигенбайля/Мамоново)
SLINIA – Шёлен/ Scholen (под Ладушкиным)
WUNTENOWE – под Бранденбургом/Ушаково
BANDADIS – возможно, имеется в виду Батайнен=Партайнен (??) – ничего более похожего найти не удалось
BRUSEBERGUE – вероятно, Браунсберг (Branewo)
и главное – JEDUN/ЙЕДУН.

«Так же из Вармии обещали, что в выше названный срок они воздвигнут церкви в местах, ниже названных. ПЕРВУЮ, конечно, в городе, где находится ЙЕДУН или около этого места...».

Что это за место?

лично, открыто или тайно, и не будет соучастником и позволить, чтобы делалось [кем-либо] другим что-либо подобное каким-либо образом.

[7] Они также обещали, что как только у кого родится ребенок или в течение не более восьми дней, если так долго он может прожить без опасности смерти, они примут меры доставить его для крещения в церковь, чтобы священник крестил его; и если [ому] угрожает опасность смерти, то пусть он будет возможно скорее крещен каким-либо христианином, имеющим стремление совершить крещение, чтобы окунуть ребенка в воду со словами: «Имя, в крещении даю тебе имя отца и сына и святого духа».

[8] И так как в течение долгого времени они были лишены священников и церквей, и поэтому многие утратили крещенными, и многие до сих пор среди них остаются обидчиками крещения, как дети, так и взрослые, они обещали твердо и решительно, что все еще не крещенных в течение месяца они заставят креститься по церковной форме, иначе же они заявляли, что они, прогнав розisks, конфискуют имущество родителей, которые в течение выше названного времени не совершат крещения своих детей из-за пренебрежения, а также имущество тех, которые, будучи взрослыми, упорно не желают принять крещение, а их самих изгонят из пределов христиан нагих и одной рубашке, чтобы добрые нравы других не испортились их примером развращения.

[9] Обещали также те из Помезании, что до ближайшего троицына дня они выстроят церкви в местах, ниже названных. Первую, конечно, — в городе [городском поселении?] Позолове, который иначе называется Рутин. Вторую — в городе, называемом Пасецина. Третью — в месте, которое называется Шиглес. Четвертую — в месте, которое называется Люшки. Пятую — в Коморе святого Адальберта. Шестую — в Бобусе. Седьмую и восьмую — в Герин. Девятую — в Прозило. Десятую — в Рени. Одиннадцатую — в Христбурге. Двенадцатую — в Райдеце. Тринадцатую — в Ново-Христбурге.

Те же из Вармии обещали, что в выше названный срок они воздвигнут церкви в местах, ниже названных. Первую, — конечно, в городе, где находится Йедун или около этого места. Вторую — в Сурамесе. Третью — в Балладесе. Четвертую — в Слиппи. Пятую — в Винтенове. Шестую — в Брусеберге.

Люди из Натангии обещали, что в течение того же срока выстроят церкви — одну в Лабегове. Другую — по соседству Туммониса. Третью — в Сувикерте.

И поскольку они связали свои обещания построить каждую из этих церквей и украсить ее украшениями, чашами, книгами и всем другим необходимым, как следует, то жители тех селений, которые принадлежали или будут принадлежать к какой-либо церкви, пусть к ней собираются и в ней или от нее получают церковные таинства. И все выше названные обещали, что указанные церкви они выстроят настолько аннуационные почтение и красивые, что они покажутся более приличными для совершения служения и принесения жертв в них, чем в лесах.

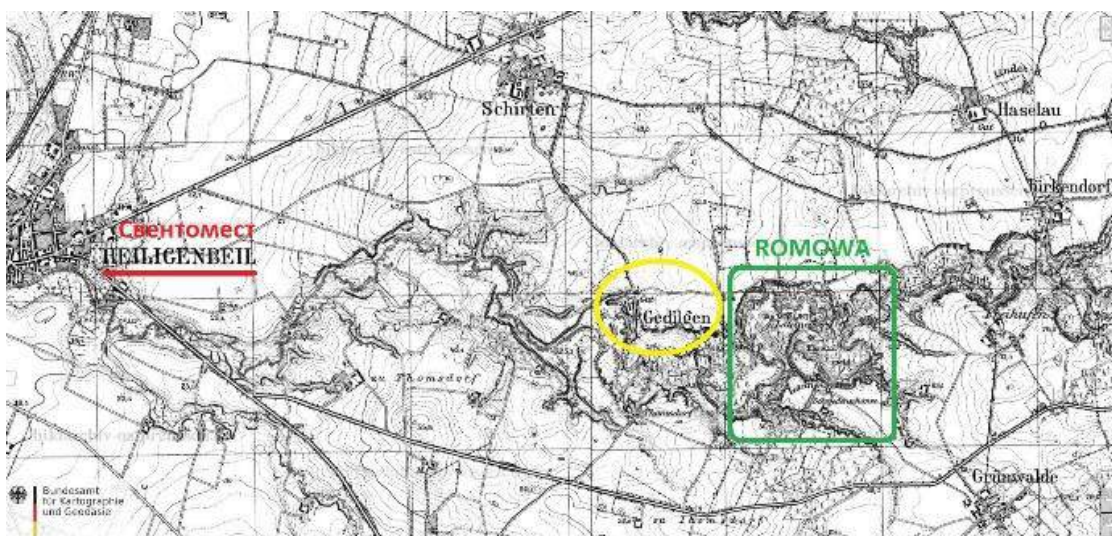
[В случае] если бы они не выстроили названных церквей в выше названный срок, [то] они согласились, чтобы выше названные ... магистр и братья [свои] приняли или сделали чтобы были приняты [шеры, и] если нужно даже насильственно, [взять] от каждого из них, согласно с принадлежащим каждому состоянию какою-нибудь разумную часть, и на эти средства сделали бы, чтобы были выстроены выше названные церкви. И выше названные братья обещали, что после постройки этих церквей они добросовестно снабдят их священниками в течение года и предоставят им пожизненные бенифиции, и сами новообращенные обещали, что, выстроив названные церкви, они до крайней мере в каждый воскресный день и в праздник будут посещать свою окружающую епархиальную церковь.

Любопытно, что «ПЕРВУЮ церковь нужно было возвести непременно ТАМ, именно в ЭТОМ месте ("или около него"). Т.е. в месте, важном и значимом (читай "культовом") для языческих пруссов, что бы одна вера заменила другую именно здесь... Намоленное тысячелетиями капище? священное городище??

Из контекста и списка церквей очевидно, что речь идёт о местах, расположенных (условно) вокруг Хайлигенбайля/Мамоново.

Напоминать о том, что, священная для пруссов, РОМОВА ("первая") находилась в наших краях, скорее всего, не нужно.

Так же известно, что само городище, где позже появился Хайлигенбайль, местные племена называли СВЕНТЕ МЕСТЕ (Святно Мест, Свенте Мисто(е)/ SWENTE MESTE (Swentomest) – варианты есть, и святость/священность этого места (примечательно также, что нам, ныне здесь живущим, перевод этого названия не требуется) была обусловлена Священной рощей, где рос Священный ДУБ...»

из публикации Мамоновского городского музея

<https://www.facebook.com/heiligenbeil/posts/2610211365936167>

В 17 веке на башнях протестантских кирх стали устанавливать часы, на некоторых даже с боем, – напоминание о том, что время нельзя купить, остановить или вернуть. Сначала это были часы с единственной стрелкой, определявшей час, а уже значительно позднее добавилась и минутная. Например, в Пруссии первые часы с боем были установлены на южной башне Кафедрального собора в 1640 году, а на башне городской евангелической кирхи в Хайлигенбайле – с трёх сторон, ближе к 18 веку.

Для многих гостей нашего края эта особенность на культовых зданиях несколько удивляет... как это? – где вы себя отдаёте Богу, не гоже думать о времени. Но так было заведено в протестантском обществе: «делу – время».

Судьба строения Хайлигенбайльской церкви была непростой.

За свою историю невезучая кирха неоднократно горела и снова восстанавливалась. 28 мая 1677 года большой городской пожар уничтожил весь город в пределах оборонительных стен, включая церковь, ратушу и школу. Звёздчатые своды кирхи обрушились во время этого пожара, а повреждения в 1691 году ещё не были полностью устранены. Перемычки, столбы и полуколонны после очередного

пожара в 1788 году были разобраны при восстановлении в 1789-96 годах, кирху частично перестроили и оштукатурили. Известно, что кафедра и алтарь церкви были изготовлены в 1799 году, орган построен в 1796 году Якобом Пройсеном и ремонтировался в 1825 году. Голосами церкви служили три колокола.

В разные годы башню кирхи видели профессор Кёнигсбергского университета Симон Дах, философ И. Г. Гердер, астроном и врач Н. Коперник, россияне А. В. Суворов, А. Н. Радищев, Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, В.В. Растрелли, М. В. Ломоносов, К. Г. Разумовский, С. А. Есенин, В. В. Маяковский и другие, о чём вам с удовольствием расскажут в Музее.

Коронованные особы так же держали путь через Хайлигенбайль и могли лицезреть башню кирхи. Среди них будущая российская императрица Екатерина II, а пока ещё просто Фике, Александр I, торопившийся на встречу с Наполеоном в Эрфурт в сентябре 1808 года и следовавший в 1861 году на коронацию в Кёнигсберг прусский король Вильгельм I проездом через Хайлигенбайль, пересел в Людвигсорт в пышно убранный кортеж из нескольких десятков карет.

В ходе Второй мировой войны при разгроме Хайлигенбайльской группировки город сильно пострадал от налетов советской авиации. Старая часть города лежала в руинах, разрушена была и кирха, башня же почти не пострадала, ей было суждено простоять еще 35 лет.

Взорвана она была лишь в 1982 году в ходе борьбы с якобы чуждыми советским людям памятниками прошлого...

Остатки кирхи были снесены. Случайно сохранился фрагмент северо-западной стены с двумя контрфорсами.

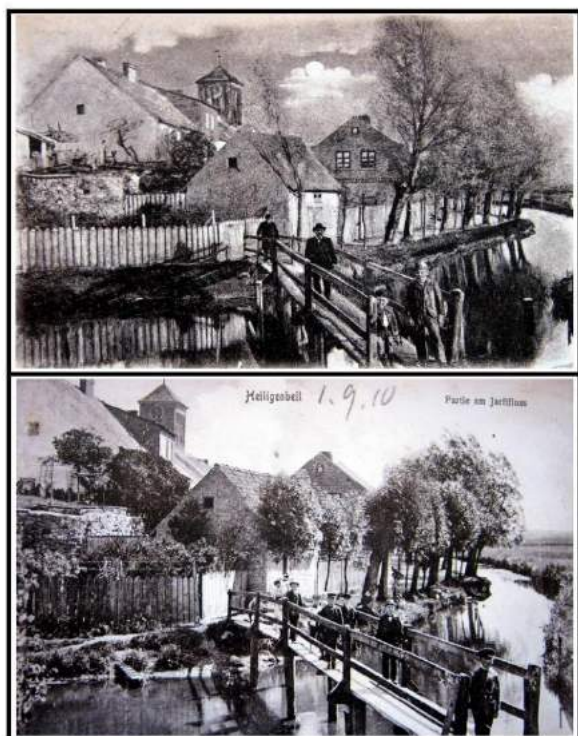
В этом районе старого города устроен парк отдыха (весь старый город снесен) и к стене пристроено небольшое помещение, в котором располагалась касса аттракционов, а затем уборочный инвентарь.

Проникнуться видами Хайлигенбайля можно виртуально в подборке фотографий и достопримечательностей города и окрестностей на сайте Мамоновского городского музея

<http://www.mamonovomuseum.ru/page-28.php>

12. Город на реке Ярфт

Река Ярфт, небольшой приток (ширина 8 метров и глубина 1,50 метра) реки Банау, берет своё начало в районе Мельзака (современный польский город Пененжно), и вместе с водами Банау впадает в лагуну Фришес-хафф в устье реки Форверк, в настоящее время река носит оригинальное имя – Ближня. Поскольку у города Хайлигенбайль не было выхода к лагуне, близлежащий городок Розенберг взял на себя функцию порта, теперь это небольшой посёлок, который вошёл не так давно в состав Мамоново, Краснофлотский, или, как говорят в народе, – Пирс.

В XIV в. вокруг Хайлигенбайля образовалась деревня с 63 земельными наделами и кирхой; были построены орденская мельница и школа, о которой упоминается в источниках за 1409 г. В 1372 году верховный магистр Винрих фон Книпрوده для монахов-отшельников основал в городе Августинский монастырь, просуществовавший до 1520 года. Монастырь оказывал социальную помощь престарелым, больным и нищим, при нём функционировала

школа. Во время «войны всадников» в мае 1520 года Хайлигенбайль захватили поляки, которые удерживали до сентября город, затем разрушили и сожгли Августинский монастырь. Из-за недостатка средств он так и не был восстановлен. Монастырский колокол приобрел город, а часть территории монастыря была продана епископом Георгом фон Поленцем горожанам Хайлигенбайля против воли городских советников под строительство амбаров.

13. Августинский монастырь в Хайлигенбайле

Основан по указу гроссмейстера Тевтонского ордена Винриха фон Книпрوده. Как свидетельствует шестой раздел Рёссельской актовой книги, поводом к основанию монастыря стали осада и последующий захват орденским войском литовской крепости Кауэн. В начале марта 1362 года гроссмейстер

собрал в Кёнигсберге огромное войско (в монастырских документах упоминается цифра 200 000 человек - ??), состоявшее из прибывших со всей Европы крестоносцев и воинов самого ордена. Среди прочих, упоминаются граф Герхард фон Вирнебург, графы фон Шпонхайм и фон Хоэнлоэ, Великий комтур Вольфрам фон Бальдерсхайм, орденский маршал Хеннинг Шиндекопф, орденский госпитальер и комтур Эльбинга Ордульф Трирский, комтур Бальги Ульрих Фрике. С многочисленным войском гроссмейстер выступил к реке Мемель, к крепости Кауэн, храбро обороняемую литовцами во главе с Войдатом, сыном герцога Кинстуте. Вечером 16 апреля 1362 года, в Страстную субботу, после недолгой осады, крепость была взята и разрушена орденским войском.

Heiligenbeil: Häuser der Mauerstraße West (Nähe Ordensmühle)

Говорят, что во время осады гроссмейстер дал обет, в случае победы основать монастырь во имя Святой Девы Марии. Лишь через 10 лет, вероятно, после победы Ордена в битве при Рудау в 1370 году, гроссмейстеру напомнили о давней клятве, каковую он и исполнил, поручив приору Августинского конвента в Рёсселе Николаусу Руцце, возвести в указанном заранее месте, около города Хайлигенбаль, монастырь. В 1372 году Руцце,

совместно с субприором Николаусом Нойенмарктом, исполнил поручение гроссмейстера. В своей хронике Виганд Марбургский подтверждает факт основания монастыря: *«В том же году (весной 1372 года – прим.) мастер Винрих возвёл рядом с городом Хильгебиль (Хайлигенбайль – прим.) монастырь, каковой населил нищенствующими монахами из Ордена Святого Августина, снабдив их книгами, всевозможными украшениями и чашами, выдав письменное свидетельство об учреждении сего монастыря».*

Документ этот, к сожалению, не сохранился. Сложно установить точное местоположение обители, ибо до наших дней не дошло ни единого фрагмента её стен. Ещё совсем недавно валуны от монастырского фундамента попадались во время земляных работ в саду возле красильного цеха Берга.

Утверждают, что при строительстве пивоварни Пеннера обнаружили монастырскую кухню и несколько кухонных приборов.

Вероятно, монастырские постройки располагались восточнее городской стены, между рвом, Мельничным прудом и дорогой, начинавшейся у Монашеских ворот и уходившей на Бладиау.

Многие храбрые рыцари, знаменитые военачальники следовали мимо ворот монастыря, направляясь в Бальгу или Кёнигсберг, и часто останавливались здесь на отдых, не забывая щедро одаривать монастырскую братию. Комтуры расположенной рядом Бальги были благосклонными заступниками монастыря, оказывая монахам всестороннюю помощь. 25 июля 1389 года Арнольд фон Бургельн, по указанию гроссмейстера ордена Конрада Цёльнера фон Ротенштайна, пожаловал «достопочтенным христовым братьям в Хайлигенбайле» 8 моргенов сенокосных угодий между рекой Банау и Байстерном (Бюстервальде – прим.). Была подтверждена дарственная предшественника фон Бургельна, Дитриха фон Эльнера (1374-1382), на 4 моргена сенокосных угодий между Побрайденом (Брегденом – прим.) и Ройшенхофом (Райншхофом – прим.).

К концу 15 века во владении монастыря в Хайлигенбайле находились 43,5 моргена пахотных земель в районе Карбенского леса (Монашья пашня – прим.), 2 моргена сенокосных угодий, 3,75 моргена пашни в районе Томсдорфа, 2 моргена рыцарской пашни под Риттеркругом (Риттерталь – прим.), а также поместье Трункелин (Госпитальный лес – прим.) площадью более 4 гуф. Это поместье монастырь выкупил у Ганса Грёбеля около 1492 года. В 1519 году, накануне дня Всех Святых, Великий комтур Клаус фон Бах даровал монахам право на заготовку древесины для монастырских нужд в лесных массивах Карбен и Дамерау. Монахи также получили право варить пиво и ловить рыбу в Мельничном пруде.

В тучные годы в монастырскую кассу стекались весьма крупные суммы от всевозможных пожертвований. Одна из наиболее «щедрых» чаш для сбора средств находилась в алтаре Альтштадской кирхи в Кёнигсберге, о чём мы узнаём из местной памятной книги. В 1503 году гроссмейстер Фридрих фон Заксен позволил монахам из Эльбинга, Хайлигенбайля и монастыря во имя Святой Троицы (в Патоллене – прим.)

сбирать милостыню на территории Замланда, выдав им письменные разрешения. Из казначейской книги гроссмейстера Ульриха фон Юнгингена за период с 1399 по 1409 годы известно, что монастыри в Данциге (2 монастыря – прим.), Велау, Браунсберге, Торне (2), Кульме (2), Нойенбурге, Вартенбурге, Хайлигенбайле, Резиле, Конитце, Дирзове (Диршау – прим.) и в Патоллене, ежегодно получали из орденской кассы в Мариенбурге по 2 марки.

Помимо прочего, гроссмейстер щедро одаривал монастыри во время их посещения. Среди членов монастырского конвента в Хайлигенбайле упоминается богослов Николаус Гельхар, в 1422 году испросивший у настоятеля монастыря Иоганна фон Айнбеке копию буллы Римского папы Александра Шестого от 3 июня 1253 года – важнейшего для братьев ордена Святого Августина документа. В 1481 году упоминается Николаус Голлант, викарий ордена в Пруссии, а также Генрих Шталь, проповедник-богослов и викарий ордена августинцев-еремитов.

Страшный для Пруссии 1520 год принёс многие беды и августинскому монастырю в Хайлигенбайле. 8 мая 1520 года к городу, со стороны Цинтена, подошло польское войско. Монастырь был сожжён, а средства на его восстановление отсутствовали. Вероятно, какая-то часть монахов уже тогда покинула город.

Оставшиеся же в Хайлигенбайле братья, по всей видимости, в течение следующих лет вынуждены были терпеть лишения и скорби вместе с обедневшими местными жителями, находясь в уничтоженном войной и пожаром городке. Покидая опустевший Хайлигенбайль, горожане старались забрать с собой все более-менее сохранившиеся ценные предметы. Впрочем, такое случалось и в других населённых пунктах.

В связи с происходящим, гроссмейстеру Ордена, находившемуся в тот момент в Германии, была подана жалоба. В начале мая 1524 года он, пребывая в Галле, направляет епископу Замланда Георгу фон Поленцу письмо. В нём гроссмейстер высказывается относительно судьбы монахов из Хайлигенбайля, Велау и Патоллена следующим образом: не удерживать желающих уйти из монастыря, пожелавших же остаться – не прогонять. Далее: не допускать разграбления монастырского имущества, всячески оберегая его. Возможно, эти события легли в основу весьма тенденциозного и предвзятого сообщения Симона Грунау, согласно которому Фридрих фон Хайдек, выгнал почти всех монахов из монастырей в Хайлигенбайле, Велау, Патоллене, Гердауэне и Тильзе, забрав у них ценные вещи. Дальнейшие сведения о судьбе братьев, покинувших монастырь, отсутствуют. Симон Грунау упоминает лишь приора хайлигенбайльского монастыря, упрекая его в том, что последний, находясь в Эльбинге, сопровождал в церковь на церемонию венчания бывшего настоятеля монастыря в Нойенбурге Бонавентуру Тидеке. Надзор за прежними землевладениями августинского монастыря в Хайлигенбайле осуществлял епископ фон Поленц, имевший резиденцию в Бальге.

24 ноября 1563 года герцог Альбрехт передал эти земли новообразованному госпиталю Святого Георга.

Источник: Altpreußische Monatsschrift 1898,
Königsberg in Pr. [https://forum-](https://forum-kenig.ru/viewtopic.php?f=29&t=767&hilit=Августинский+монастырь+в+Хайлигенбайле&start=120)

[kenig.ru/viewtopic.php?f=29&t=767&hilit=Августинский+монастырь+в+Хайлигенбайле&start=120](https://forum-kenig.ru/viewtopic.php?f=29&t=767&hilit=Августинский+монастырь+в+Хайлигенбайле&start=120)

14. Город в государстве Тевтонского ордена

Основу городской экономики составляло простое товарное производство. Славился город отменным пивом. «В XV-XVI веках доходной статьёй городского бюджета являлось пивоварение... В городе славились пивовары Бирфольф, Фромхольд, Рунау, Фойерабенд и другие... особой популярностью пользовался сорт пива под названием "Мартовское солёное", имевший солоноватый вкус благодаря повышенному содержанию соли в одном из местных колодцев».

Из книги Лебединцева Г.Н. "Страницы истории города Мамоново", 2007 г., стр.50-51.

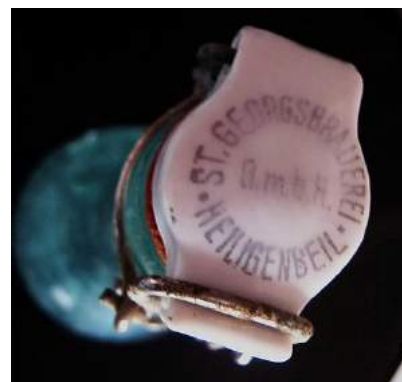

Последняя действующая пивоварня города называлась "St.GeorgsBrauerei GmbH – пивоварня Святого Георга". Здание пивоварни находилось фактически в центре города и, каким-то чудом, уцелело до наших дней (в советский период использовалось войсками из "школы оружия" для каких-то там целей).

Внешне дом

напоминает большой спичечный коробок.

Интересный факт – первый кинозал в Heiligenbeil-e (имеется в виду до 45-го года) был открыт в подвале этой пивоварни... Пивоварня арендовалась с 1867 года Рудольфом Куосбартом, поэтому встречаются и такие пробки...

Самая старая пивоварня города, о которой есть информация – это "Klosterbrauerei – Монастырская пивоварня". Была основана в 1865 году выходцем из Мариенвердера Эдуардом Пеннером, с 1906 года её арендовал Теодор Брассель, а с 1909-го – Арно Ридель (соответственно встречаются пробки с данными именами).

Интересный факт, связанный с названием пивоварни. Она была построена на фундаменте Августинского монастыря, основанного ещё в 1372 году Великим магистром Ордена Винрихом фон Книпрوده. До сих пор сохранились подвалы этой пивоварни (а может и монастыря).

В Хайлигенбайле кинотеатр был построен в 1930 году и располагался недалеко от орденовской мельницы (северо-западный угол Marktplatz-a). Демонстрационный зал насчитывал 117 мест. «Кинотеатр пользовался большой популярностью среди жителей города. Есть информация, что в 1936 году кинотеатр посетило 33 576 человек. До этого времени фильмы показывали эпизодически, используя для

этого помещение в пивоварни Святого Георга. В 1940 году в городе был популярным пропагандистский фильм Ф.Гепплера и Х.Бертрама "Крещение огнём", съёмки которого велись в ходе настоящих боевых действий. Изготовленный по заказу министерства пропаганды, фильм прославлял воздушный флот Германии и Г.Геринга.

Устраивались специальные просмотры для воинских подразделений, школ и учреждений. Составной частью пропаганды были также фильмы "Польский поход" (1940), "Победа на Западе" (1941), "Истребительная эскадрилья Лютцов" (1941) и др. Особенно популярны эти фильмы были у жителей Хайлигенбайля, так как многие из них имели непосредственное отношение к авиации».

Из книги Лебединцева Г.Н. "Самый западный город России" стр. 126, 146.

По информации от местных жителей – здание кинотеатра после войны уцелело и какое-то время использовалось как клуб, но со временем было разобрано на кирпичи...

Источник: <https://forum-kenig.ru/viewtopic.php?f=29&t=767&hilit=Августинский+монастырь+в+Хайлигенбайле&start=60>

Но необходимо отметить, что история города XV – начало XVI века была тесно связана с историей Тевтонского ордена. В это время Хайлигенбайль переживал разнообразные бедствия.

В 1454 году город вошёл в Союз, поставивший своей целью освобождение от власти Ордена и вхождение в состав Польского королевства. Этот шаг принёс городу многочисленные страдания. В декабре 1454 года эльбингский командующий Генрих Ройсс фон Плауэн смог взять город и удерживать его до конца 13-летней войны Ордена и Союза Прусских городов. В 1462 г. воевавшие против ордена войска во главе с Яном Вальдштайном полностью уничтожили пригородное поселение, а в следующем году захватили и сожгли сам город.

Однако уже в 1464 г. орденские войска вернули жителям Хайлигенбайль, и в нем расположился гарнизон Ливонского отделения ордена.

В результате 2-го Торуньского мира 1466 года Хайлигенбайль оказался на окраине Тевтонского государства. До 1772 года соседняя Вармия принадлежала Польше, следовательно, транзитное движение уменьшилось, поскольку основное сообщение между Берлином и Кёнигсбергом теперь пролегало через Вислинскую косу. Тем не менее Хайлигенбайль оставался интересным городом с точки зрения военной стратегии.

Однако городские постройки были в основном деревянные, поэтому Хайлигенбайль неоднократно сгорал в ходе жестоких войн, следовавшие на протяжении нескольких веков одна за другой. Не обошли город и эпидемии – трудным в этом плане был 1514 год. Пожар 1519 года уничтожил почти весь город.

В 1510 году именно в Хайлигенбайле состоялось собрание представителей высших кругов ордена и епископов, избравших последнего верховного магистра — Альбрехта Гогенцоллерна.

В 1522 г. вместо утерянной грамоты об основании города заново были документально подтверждены права и владения Хайлигенбайля, а в грамоте 1560 г. подтверждено Кульмское право.

В ходе Реформации герцог Альбрехт в 1563 году основал в городе госпиталь Св. Георга, который первоначально располагался за его пределами, о нём

впервые было упомянуто ещё в документе 1416 года. Альбрехт передал госпиталю Св. Георга бывшие земли разрушенного монастыря.

15. Хайлигенбайль – военный город с 600-летней историей

Из книги "Heiligenbeil als Soldatenstadt in sechs Jahrhunderten"

Основанный Тевтонским Орденом в 1301 году, Хайлигенбайль часто становился пунктом размещения германских, польских, шведских, российских, французских войск и в течение долгого времени был местом дислокации прусских полков. Оба обстоятельства объясняются расположением города на древнем, игравшем важную стратегическую роль тракте Берлин – Эльбинг – Кёнигсберг, а также тем, что в течение 306 лет Хайлигенбайль являлся приграничным населённым пунктом на линии, разделявшей территории областей Натангия и Эрмланд (последний находился под польской юрисдикцией).

В сентябре 1454 г., в период Тринадцатилетней войны (Войны городов) 1454 – 1466 гг., Хайлигенбайль был взят комтуром Эльбинга Ройсом фон Плауэном, и в начале апреля 1455 г. в город вошло орденское войско под его предводительством. Фон Плауэн хорошо осознавал важное стратегическое положение Хайлигенбайля, а посему доверил оборону последнего господам фон Бланкенштайну и

Фалькенродеру, противостоявшим Союзу городов и полякам. Под их руководством хайлигенбайльское воинство Ордена совершило не мало славных боевых подвигов. В конце войны оборону города возглавил начальник (с 1461 г.) хайлигенбайльского гарнизона Мельхиор фон Дебен. За верную службу Орден передал ему во владение городскую мельницу, которую тот вернул сюзерену в 1471 г.

В ночь с 29 на 30 апреля 1463 г. шайка польских бандитов под предводительством Иоганна Шальски забросала Хайлигенбайль греческим огнём, что привело к его практически полному выгоранию. И всё же воинам Ордена удалось удержать город в своих руках, а позже заново его отстроить. В 1464 г. в его обороне принимали участие ливонцы.

По итогам Торуньского мира 1466 г. Эрмланд перешёл под польскую юрисдикцию, а Хайлигенбайль стал приграничным городом. Множество раз он становился местом сбора войск. В 1477 г., когда гроссмейстер Ордена Трухсес фон Ветцгаузен заключил союз с эрмландским епископом Николаусом фон Тюнгенем с целью окончательного избавления от польской зависимости, в Хайлигенбайле

собралось войско в количестве приблизительно 15000 человек, которое, однако, пришлось расформировать, ибо епископ Эрмланда перешёл на сторону поляков. Надо заметить, что войско это стоило стране немалых средств.

В конце 1519 г. в Хайлигенбайль снова были стянуты войска, а 1 января 1520 г. гроссмейстер Альбрехт Бранденбургский начал отсюда свой знаменитый и весьма смелый манёвр против Браунсберга.

Остатки городской стены и овальная башня напротив современной гостиницы «У моста» в конце XIX века отступили.

Город сильно пострадал во время пожара 25 апреля 1519 г., что, впрочем, не помешало полякам осадить его год спустя. 8 мая 1520 г. они разрушили располагавшийся рядом с Хайлигенбайлем Августинский монастырь, а 14 мая заняли сам город, где находились более 4 месяцев, вплоть до 29 сентября. Предав огню мельницу и городские ворота, поляки

Heiligenbeil, Treppenverbindung von der Töpferstraße zur Stallstraße Archi

В 1557 г., из-за распрей с Ливонией, возникла угроза новой войны. В районе Хайлигенбайля были собраны 1100 наёмных солдат, которые вскоре отправились в Кёнигсберг, где и были распущены.

В 17 веке, прошедшем под знаком шведско-польского противоборства, через Хайлигенбайль много раз проходили войска, ему довелось пережить грабежи и разбой, не раз в городе расквартировывались солдаты. В начале 1627 г. в Пруссию прибыл курфюрст Георг Вильгельм, стоявший во главе войска, насчитывавшего 4000 пехотинцев и 600 рейтаров. Несколько раз он останавливался в Хайлигенбайле.

30 ноября 1628 г. курфюрст стал крестником сына корнета Нитца, служившего в лейб-гвардии. На церемонии крещения, проходившей в местной ратуше, присутствовал и подполковник Вольф фон дер Хайде. Этот факт позволяет предположить, что в городе располагался его полк.

В последующие годы, расквартированные в амте Бальга немецкие рейтары из подразделений рейнграфа Отто Людвиг, состоявшего на шведской военной службе, нещадно эксплуатировали территории, а в 1630 г. разграбили Хайлигенбайль, в котором годом ранее бушевала чума. В хайлигенбайльской церковной метрике сохранилась запись местного священника о том, что 2 декабря 1630 г., после ухода «рейнграфских молодцев», состоялось крещение маленького мальчика по имени Пауль - сына шведского лейтенанта Вильгельма фон Венденса, проживавшего в доме кузнеца Маттеуса Витте «у городских ворот».

По-видимому, и в последующие годы в Хайлигенбайле в течение какого-то времени стояли войска. В августе 1634 г. военные составили список горожан, в чьих домах, при возникновении такой необходимости, должны будут разместиться 250 солдат, 164 мушкетёра и 86 алебардистов. Тогда же в окрестности Хайлигенбайля вторглись шведы, ранее захватившие Браунсберг. Они вели себя «нагло и дерзко», по причине чего 17 апреля 1635 г. бургомистр и городской совет Хайлигенбайля испросили разрешения нанять 30 – 40 крепких молодых парней из крестьян в целях защиты от бесчинствующих шведов. Горожане с радостью выразили готовность самостоятельно решить вопросы снабжения новоиспечённых солдат. Кроме того, они выпросили у курфюрста более 50 мушкетов с портупьями, чтобы в случае необходимости вооружить ими местных подмастерьев.

Остатки городской стены и овальная башня напротив современной гостиницы «У моста» в конце XIX века

Установленное в сентябре 1635 г. 26-летнее перемирие завершило период нестабильности в стране, обусловленной, главным образом, слабостью прусских войск.

Во время второй шведско-польской войны (1654-1660) через Хайлигенбайль неоднократно проходили войска. Вероятно, в 1659 г. в городе размещались солдаты, ибо известно, что 8 октября полковой барабанщик Андреас Петер крестил здесь свою дочь Марию, а в качестве крестников на церемонии присутствовали вахмистры. Подполковник в отставке фон дер Ольсниц полагает, что в 1659 г. в Хайлигенбайле и его окрестностях дислоцировались подразделения пехотного полка «Шверин» (позже 2-й полк «Дёнхоф»). Фон дер Ольсниц, в частности, сообщает: *«Перед алтарём церкви в Грунау, под сохранившейся до наших дней могильной плитой, покоятся останки почившего в Бозе 25 мая 1659 г. командира 4-й роты вышеназванного полка, погребённого 19 июня того же года. Померанский дворянин Христиан фон Кляйст вряд ли был бы*

похоронен здесь, если бы, будучи на военной службе, не скончался непосредственно в Грунау или же в близлежащей округе».

О некоторых проблемах, возникавших при размещении солдат в Хайлигенбайле, свидетельствуют жалобы ремесленников и членов объединения жителей города, поданные ими в 1674 г. в связи с несправедливостью, допущенной при размещении солдат и оплате услуг, связанных с их питанием и проживанием. Несмотря на то, что в городе довольно

часто дислоцировались воинские подразделения, в нём, как, впрочем, и во многих других гарнизонных городах, отсутствовали казармы. Солдаты проживали в домах горожан. Бытовые вопросы, в частности вопросы столования, они обязаны были решать по большей части самостоятельно, командиры же рот отвечали лишь за снабжение больных воинов.

В результате пожара 28 мая 1677 г. практически полностью выгорела внутренняя часть Хайлигенбайля. В огне погибли церковь, ратуша, дом пастора и многочисленные строения.

Wehlau: das Relief des Großen Kurfürsten am Rathaus

Wehlau: Gemälde des Großen Kurfürsten im Ratssaal der Stadt

Уже 8 июня курфюрст приказал бесплатно выделить погорельцам строительный лесоматериал, а также освободить их на три года от налогов. Для них также организовали сбор дополнительной материальной помощи. Однако даже к 1691 г. город не был полностью отстроен. В 1678 г. в Восточную Пруссию вторглись шведы, пришедшие из Ливонии.

25 января 1679 г. в город, выглядевший весьма мрачно после пожара, прибыли Великий

курфюрст Фридрих Вильгельм и его войско, насчитывавшее 4000 рейтаров и 3500 пехотинцев. В Хайлигенбайле разместился двор курфюрста, военный штаб, две роты рейтаров, а также артиллерийская прислуга. 26 января того же года Великий курфюрст, на заранее приготовленных для него санях, отправился из Карбена в свой знаменитый «санный поход» по льду заливов Фришес и Куришес Хафф с целью изгнания шведов из пределов Восточной Пруссии.

Источник www.bladiau.de

16. Хайлигенбайль – город на пути из России в Европу

Вплоть до XVII века город Хайлигенбайль насчитывал 88 дворов. Его улицы были расположены в виде решетки, как и следовало городу с Кульмским правом. Напомним, что во время очередного пожара в 1520 года, устроенного поляками, уничтожившего весь город, была утеряна грамота об основании города, заново же подтверждены были права и владения Хайлигенбайля в 1522 году, а в 1560 году подтверждено Кульмское право.

Кульмское право — это публично-правовой акт, установивший правовые нормы взаимоотношений между горожанами и администрацией Тевтонского ордена, что способствовало созданию Тевтонским орденом правовой базы новых поселений в ходе завоевания Пруссии.

Первый вариант Кульмского городского права (28 декабря 1233 года) был обнародован в Торне (нынешний польский город Торунь) от имени магистра Тевтонского ордена Германа фон Зальца. Затем этот документ хранился в городской ратуше Кульма, но сгорел в 1244 году во время прусского восстания. Привилегии были возобновлены 1 октября 1251 года с небольшими отличиями.

Кульмское право применялось до XVI века, однако городское право не потеряло статус с образованием на землях Тевтонского ордена герцогства Пруссия.

Польский король Казимир IV установил обязательным применение в Польше кульмского права, но шляхта была недовольна этим решением, считая, что ущемляются её права, и в 1598 году было издано решение, которым за шляхтой обеспечивались её привилегии. Окончательно кульмское право в Пруссии было упразднено в 1620 году, а в Польше — с её разделом.

Однако вернёмся в Хайлигенбайль, как известно его годом основания считается 1301 год, жителям которого войны и природные катаклизмы и в 17 веке не давали покоя. Эпидемия чумы 1629 года унесла жизни многих горожан, а в 1677 году сильнейший пожар уничтожил большую часть города, в том числе кирху, ратушу и школу, эти повреждения не были полностью устранены даже в 1691 году.

В начале XVIII века на жителей Пруссии обрушилась чума, от которой в Хайлигенбайле в 1710 году умерло 1147 человек, а в 1750 году она унесла ещё 1443 жизни. Не обошлось и без военных действий: в 1758–1762 годы, в период Семилетней войны, в Хайлигенбайле находились русские войска. Вся Восточная Пруссия тогда была занята русскими войсками, и провинция вошла на четыре года в состав Российской империи.

XVIII век был не только веком войн, но веком очень широких культурных и научных контактов. Город находился на пути из России в Европу, поэтому через его почтовую станцию проехал много известных людей. Рассказывая о приходской

евангелической церкви Хайлигенбайля, мы упомянули проезжавших через город и лицезревших башню кирхи, среди которых был и distinguished Николай Михайлович Карамзин, оставивший сочинение в 2-х томах «Письма русского путешественника», где немного, будучи в Мариенбурге ночью 21 июня 1789 года, поведал о своём переезде из Кёнигсберга:

«Прусская так называемая почтовая коляска совсем не похожа на коляску. Она есть не что иное, как длинная покрытая фура с двумя лавками, без ремней и без рессор. Я выбрал себе место на передней лавке. У меня было двое товарищей, капитан и подпоручик, которые сели назади на чемоданах. Я думал, что мое

место выгоднее; но последствие доказало, что выбор их был лучше моего.

Слуга капитанский и так называемый ширмейстер, или проводник, сели к нам же в коляску на другой лавке. Печальные мысли, которыми голова моя наполнилась при готическом виде нашего экипажа, скоро рассеялись. В городе видел я везде приятную картину праздника -- везде веселящихся людей; офицеры мои были весьма учтивы, и разговор, начавшийся между нами, довольно занимал меня. Мы говорили о турецкой и шведской войне, и капитан от доброго сердца хвалил храбрость наших солдат, которые, по его мнению, едва ли хуже прусских. Он рассказывал анекдоты последней войны, которые все относились к чести прусских воинов. Ему крайне хотелось, чтобы королю мир наскучил. "Пора снова драться, -- говорил он, -- солдаты наши пролежали бока; нам нужна экзерциция, экзерциция!" Миротлюбивое мое сердце оскорбилось. Я вооружился против войны всем своим красноречием, описывая ужасы ее: стон, вопль несчастных жертв, кровавою рекою на тот свет уносимых; опустошение земель, тоску отцов и матерей, жен и детей, друзей и сродников; сиротство муз, которые скрываются во мрак, подобно как в бурное время бедные малиновки и синички по кустам прячутся, и проч. Немилостивый мой капитан смеялся и кричал: "Нам нужна экзерциция, экзерциция!" Наконец я заметил, что взялся за работу Данаид; замолчал и обратил все свое внимание на приятные окрестности дороги. Постиллион наш не жалел лошадей; и таким образом неприметно доехали мы до перемены, где только что имели время отужинать на скорую руку.

Ночь была приятна. Я несколько раз засыпал, но ненадолго, я почувствовал выгоду, которую имели мои товарищи. Они могли лежать на чемоданах, а мне надлежало дремать сидя. На рассвете приехали мы на другую станцию. Чтобы сколько-нибудь ободриться после беспокойной ночи, выпили мы с капитаном чашек по пяти кофе -- что в самом деле меня оживило...» О другой станции «Гейлигенбайле» мы процитируем ниже...

Ещё одно письмо... из Лейпцига, но только другого не менее замечательного путешественника 18 века, писателя и комедиографа. Во время заграничной поездки в 1784 года с супругой Денис Иванович Фонвизин вёл дневник в форме писем матери, в котором записал свои впечатления от поездки по Восточной Пруссии. Прочтём?

«Лейпциг, 13/24 августа 1784.

В прошедшую субботу приехали мы сюда благополучно. Из Кенигсберга, откуда мы в последний раз писали, были мы в дороге до Лейпцига одиннадцать дней, то есть по скверной прусской почте, ехав почти всегда день и ночь, не могли мы сделать в одиннадцать дней больше 777 русских верст. У нас добрый извозчик скорее доведет на одних лошадях. Теперь, богу благодарение, доехали мы до города, где с большею приятностию отдохнуть можем, проехав около двух тысяч верст. Жена моя, ехав без девки, выносит храбро все дорожные беспокойства. Ты не поверишь, какое нахожу в ней утешение и как я рад, видя ее здоровую. Однажды прихворнула было она в Кенигсберге; разболелся у нее зуб; но мы с ним церемониться не стали, и тотчас решилась она его вырвать, что благополучно и исполнено.

Голова моя один раз сильно, а другой раз слабее меня помучила; но какая разница с тем, что со мною бывает, живучи на одном месте. Я думаю, что и тут сам я был причиною обоим пароксизмам. Оба раза разозлился я на скотов почталионов и заплатил за свой гнев головную болью. Правду сказать, надобно быть ангелу, чтоб сносить терпеливо их скотскую грубость. Двадцать русских верст везет восемь часов, всеминутно останавливается, бросает карету и бежит по корчмам пить пиво, курить табак и заедать маслом. Из корчмы не вытащить его до тех пор, пока сам изволит выйти. Вообще сказать, почтовые учреждения его прусского величества гроша не стоят. На почтах его скачут гораздо тише, нежели наши ходоки пешком ходят. В Саксонии немного лучше; но также довольно плохо. Не знаю, как пойдет далее. По счастью нашему, прескучная медленность почталионов награждалась прекрасною погодою и изобилием плодов земных. Во всей западной Пруссии нашли мы множество абрикосов, груш и вишен. В здешнем городе останемся мы еще на несколько дней. Хотим, отдыхая, собрать свои силы к переезду другой половины нашего пути; а сверх того, хотим здесь несколько экипироваться. Мы и люди наши износили все наше дорожное платье. Можно сказать, что, выехав из Петербурга в новых платьях, приехали сюда в лохмотьях. Не понимаю, отчего все изодралось. Вез я с собою шелковый новенький и прекрасный кафтанец, но в Риге за ужином у Броуна немецкая разиня, обнося кушанье, вылила на меня блюдо прежирной яствы. Здесь хочу нарядиться и предстать в Италию щеголем...»

«Лейпциг, 17/28 августа 1784.

Мы еще здесь живем и так устали от дороги, что, кажется, никогда не отдохнем. Я писал на прошедшей почте, как мы доехали до Мемеля. Теперь доведу мой журнал до прибытия нашего в здешний город. Двадцать шестого июня, в тот же день, в который мы приехали в Мемель, осматриваны мы были польскою, прусскою

пограничною и мемельскою таможенными. От каждой отделились мы гульденом, или тридцатью копейками. Таможенныя приставы не у одних у нас воры и за тридцать копеек охотно отступают от своей должности. Отобедав в Мемеле, ходил я в немецкий театр. Играли трагедию «Callas». Мерзче ничего я отроду не видывал. Я не мог досмотреть первого акта. Двадцать седьмого поутру прогуливался я с почтмейстером по городу, и, отобедав, выехали из города благополучно. Через час очутились мы на берегу сильно волнующегося моря и всю ночь ехали так, что вода заливала колеса. Надобно признаться, что жестокий ветер и преужасный рев при ночной темноте не дал нам глаз сомкнуть чрез всю ночь. Поутру, двадцать восьмого, приехали мы в Rossitten перемениать лошадей. Rossitten есть прескверная деревнишка. Почтмейстер живет в избе столь загаженной, что мы не могли в нее войти. Сей день был для нас весьма неприятен. Обедали мы в деревнишке Саркау очень плохо, а ввечеру, подъезжая к Кенигсбергу, переломилась задняя рессора. Увязав кое-как карету, дотащились мы в девять часов в город и стали в трактире у Шенка. Во весь день все наши неприятности несказанно умножались тем, что у жены разболелся зуб. Усталость от дороги, по счастью, навела на нее сон, и она всю ночь спала хорошо.

На другой день, двадцать девятого, призвал я дантиста, который в один миг зуб вырвал; но как был у нее еще больной корень другого зуба, который иногда ее мучил, то за один присест вырвали мы и его благополучно. С того часа она стала здорова. Тридцатого пробыли мы в

Кенигсберге. Я осматривал город, в который от роду моего приезжаю в четвертый раз. Хотя я им и никогда не прельщался, однако в нынешний приезд показался он мне еще мрачнее. Улицы узкие, дома высокие, набиты немцами, у которых рожи по аришину. Всего же больше не понравилось мне их обыкновение: ввечеру в восемь часов садятся ужинать и ввечеру же в восемь часов вывозят нечистоту из города. Сей обычай дает ясное понятие как об обонянии, так и о вкусе кенигсбергских жителей. Тридцать первого, в

девять часов поутру, вынес нас господь из Кенигсберга. Весь день были без обеда, потому что есть было нечего. Ужинали в Браунсберге очень дурно. Я разозлился на почталионов; разболелась голова моя, и я всю ночь ехал в жестоком пароксизме. На другой день, 1/12 августа, поутру рано приехали мы в городок, называемый Прусская Голландия (польский город Пасленк), который нам очень понравился. В трактире, куда пристали, нашли мы чистоту, хороший обед и всевозможную услугу. Тут отдыхал я под овсом до четырех часов за полдень. Пароксизм прошел; я стал здоров и весел, и мы ехали всю ночь благополучно. 2/13-го поутру приехали мы в большой городок Мариенвердер. Тут обедали так дурно, как дорого с нас взяли; но город недурен и чистехонек. 3/14-го и 4/15-го были безостановочно в дороге. Сии дни заметить нечем, кроме того, что в одной деревне нашли мы хоровод девок, из которых одна как две капли воды походит на дочь твою, Катю. Ты можешь себе представить, что мы ее приласкали от всего сердца. Поутру 5/10-го имел я дурачество в другой раз рассердиться на почталионов. За всякое излишнее движение сердца плачу я обыкновенно пароксизмом. Обедали мы в преизрядном городе Ландсберге, где начал я чувствовать головную боль, которая всю ночь в дороге много меня беспокоила. С того времени сделал я себе правило, которого и держусь: никогда на скотов не сердиться и не рваться на то, чего нельзя переделать. Я дал волю вести себя, как хотят, тем наипаче, что с ними нет никакой опасности быть разбиту лошадьми. Я отроду прусским и саксонским почталионам не кричал: тише! — потому что тише ехать невозможно, как они едут; разве стоять на одном месте...»

мне кажется, что за стеною слушать ее гораздо лучше».

Не исключено, что путь Дениса Ивановича пролегал через Хайлигенбайль, поскольку в одном письме он указал, что «Обедали во Фрауенберге (точнее Фрауенбург, современный город в Польше Фромборк) у почтмейстера, старика предоброго, который утешается тем, что воспитывает дочь свою, учит ее бренчать на клавикордах и петь. Я не могу судить об успехе; но

«Браунсберг (современный польский город Бранёво), где мы обедали и в третий раз переменили лошадей, есть довольно многолюдный городок. "Здесь жил и умер Коперник", — сказал мне капитан, когда мы проезжали через одно маленькое местечко. — "Итак, это Фрауенберг?" — "Точно". Как же досадно было мне, что я не мог видеть тех комнат, в которых жил сей славный математик и астроном и где он, по своим наблюдениям и вычислениям, определил движение земли вокруг ее оси и солнца — земли, которая, по мнению его предшественников, стояла неподвижно в центре планет и которую после Тихо де Браге хотел было опять остановить, но тщетно! — И таким образом Пифагоровы идеи, над которыми смеялись греки, верившие своим чувствам более, нежели философу, воскресли в системе Николая Коперника? — Сей астроном был счастливее Галилея: суеверие — хотя он жил еще под его скипетром — не заставило его клятвенно отрицаться от учения истины. Коперник умер спокойно в своем мирном жилище, но Тихо де Браге должен был оставить свой философский замок и отечество. Науки, подобно религии, имели своих страдальцев», — из «Писем русского путешественника» Николая Карамзина, в котором описывал следующую остановку после Хайлигенбайля.

Однако в целом XVIII век был временем бурного развития города Хайлигенбайля. В 1736 году ярмарка из Бладиау (совр. пос. Пятидорожное Багратионовского района) была перенесена в Хайлигенбайль и впредь проводилась три раза в год. Хайлигенбайль славился искусно сделанными изделиями из можжевельника, которые обрабатывались мастерами токарного дела. Этот товар находил сбыт далеко за пределами Германии.

В XV–XIX веках отличалось отменным качеством и пользовалось большим спросом хайлигенбайльское пиво, был знаменит также и хайлигенбайльский белый хлеб.

«...назвали сие место *Heiligenbeil*, то есть секира святых. Ныне эта секира святых славится каким-то отменным пивом и белым хлебом», — из «Писем русского путешественника» Николая Карамзина.

Источники http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0320.shtml
https://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/03letters/05_3rd_trip/279.htm
<https://www.pravenc.ru/text/1680981.html>

Аллея «Следы в истории», созданная в 2012 году по инициативе директора Мамоновского городского музея Дмитрия Адольфовича Шилова и силами местных жителей, находится в центре города Мамоново и увековечивает следы знаменитых людей, которые проезжали через Хайлигенбайль.

«Мариенбург, 21 июня ночью

Места пошли совсем не приятные, а дорога худая. Генлигенбейль, маленький городок в семи милях от Кенигсберга, приводит на мысль времена язычества. Тут возвышался некогда величественный дуб, безмолвный свидетель рождения и смерти многих веков – дуб, священный для древних обитателей сей земли.

Под мрачную его тенью обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы и славили его в диких своих гимнах. Вечное, мерцание сего естественного храма и шум листьев наполняли сердце ужасом, в который жрецы язычества облакали богопочитание. Так друиды в густоте лесов скрывали свою религию; так глас греческих оракулов исходил из глубины мрака! – Немецкие рыцари в третьем-надесять веке, покорив мечом Пруссию, разрушили олтари язычества и на их развалинах воздвигнули храм христианства. Гордый дуб, почтенный старец в царстве растений, претыкание бурь и вихрей, пал под сокрушительного рукою победителей, уничтожавших все памятники идолопоклонства: жертва невинная! – Суеверное предание говорит, что долгое время не могли срубить дуба; что все топоры отскакивали от толстой коры его, как от жесткого алмаза; но что наконец сыскался один топор, который разрушил очарование, отделив дерево от корня; и что в память победительной секиры назвали сие место Heiligenbeil, то есть секира святых. Ныне эта секира святых славится каким-то отменным пивом и белым хлебом...»

Н. М. Карамзин. «Письма русского путешественника». 1789 год.
Орфография сохранена. http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0320.shtml

17. Игрушки из Хайлигенбайля

О том, что Хайлигенбайль славился искусно сделанными изделиями из можжевельника мы успели упомянуть раньше, однако, началу этой чудесной традиции положила беда...

В начале 18 века по всей Пруссии свирепствовала чума. Эта эпидемия в результате унесла треть населения провинции. Довольно подробно о ситуации в начале века в Пруссии наш проект касался в публикациях на своих страницах в социальных сетях, освещая историю Краснознаменского района. Страшная эпидемия не обошла и город Хайлигенбайль. Чума и холера опустошили его – 1710 год унёс более 1000 жизней... А годом раньше случился

страшный неурожай, причиной этому стала холодная и затяжная зима.

В то время эпидемии не были редкостью голодных годов, вызванных войной или неурожаем. Многочисленные эпидемии накрывали Восточную Пруссию и ранее. Народ принимал эти годы фатально. Эпидемии вызвали значительные потери среди населения, но оставались в пределах региона и зимой затухали сами по себе.

Прусские власти принимали жёсткие меры для предотвращения распространения эпидемии: пограничные переходы охраняли солдаты, мосты сносили и лесные дороги вырубали, путешественников помещали в карантин, а их одежду и багаж сжигали.

Та чрезвычайно суровая и очень долгая зима 1708/09 годов уничтожила озимые. Усложнялось положение с продовольствием, поскольку в предыдущие годы уже случились неурожаи. В результате возникли нехватка продуктов питания, инфляция, голод и болезни, особенно чувствительно это коснулось бедных областей страны. Более подготовленной почвы Чума не могла найти. В августе 1709 года чума вспыхнула в Кенигсберге. Говорят, что её завез портной, прибывший на корабле из Данцига. Правительство немедленно переехало в Велау.

Несмотря на строгие ограничительные меры, болезнь быстро распространилась по территориям Замланда, Натангии, Прусской Литвы и, наконец, Мазурии. За несколько месяцев по всей стране умерло более 100 тысяч человек. Эпидемия усилилась, непрекращающимся голодом, и достигла невообразимой силы. У людей больше не было сил сопротивляться смертельной болезни. Отчаяния людей росли, мораль общества слабела, распространялось беззаконие, свирепствовали суеверия.

Это была эпидемия бубонной чумы. Она вспыхивала на 3-5 дней после заражения, протекала при высокой температуре и почти всегда заканчивалась смертельным исходом. Медицина в то время была бессильна – лекарственных противоядий не существовало. Суровой зимой 1709/10 годов эпидемия чумы прекратилась в западной части страны, а Кёнигсберг потерял тогда четверть населения. Единственная защита – избежать заражения. Поэтому люди покидали дома и фермы при первых признаках заболеваний, что, однако, в значительной степени способствовало распространению эпидемии. По этой причине власти оцепливали зараженные деревни и города с помощью наемников. К попавшимся больным старались не прикасаться. Дома, в которых умирали люди, сжигались дотла. Тайно покинувшего оцепленные территории ловили и для устрашения передавали палачу. Но даже и такие драконовские меры оказывались неэффективными. Основная причина быстрого распространения чумы заключалась в несоответствующих гигиенических и санитарных условиях и обычаях того времени как в деревнях, так и в городах. Эффективный контроль над заболеванием был практически невозможен.

Зимой 1710/11 годов чума исчезла, оставив после себя разрушенную страну. Точное число погибших определить не удалось, зачастую не было никого, кто бы мог подсчитать и зарегистрировать жертвы. По достоверным оценкам, во всей Восточной Пруссии погибло около 240 000 человек.

Распространение заразы в Хайлигенбайле решали категорично – под страхом виселицы. Город был закрыт и оцеплен солдатами герцога Гольштейнского – требовалось соблюдать карантин. На улицах горели костры из... можжевельника, так снижали уровень трупного запаха. Колокола на церкви замолчали... дабы частотой своего звона не увеличивать страх жителей. Почти две трети населения города унесла чума. Несколько семей вымерли полностью. С целью обеззараживания

одного из источников распространения болезней – денег – в торговых местах ставили миску с уксусом, в которую требовалось опустить монету или банкноту каждому входящему.

Вскоре правительство Пруссии предприняло меры по восполнению людских потерь и объявило «Ретаблиссмент Пруссии» («Retablissement of Prussia») – программку по восстановлению страны, которая носила название на французском языке, официальном европейском языке того времени. Идея заключалась не только в привлечении новых жителей, но и, прежде всего, предусматривала проведение далеко идущих реформ. Многочисленные реформы в перспективе остались бы неэффективными, если бы не было в тоже время гарантий, что в обезлюдивших восточных районах Пруссии действительно окажутся поселенцы. «Повторное заселение» становится основной важнейшей программой, в конечном итоге – наглядной и популярной.

В результате реализации этой программы в виде различных реформ в несколько этапов в течение 20 лет, волнами, тысячи поселенцев обрели новый дом в Восточной Пруссии. Многие поселенцы из разных областей Германии, гонимые представители протестантского вероисповедования из Европы несли с собой знания и умения цеховых производств. В 1736 году прусский король Фридрих Вильгельм I провел учет населения. Результат показал, что уровень экономического состояния населения Восточной Пруссии достиг показателей до начала эпидемии Великой чумы, теперь оно намного лучше, чем раньше, торговля и уровень жизни снова процветали.

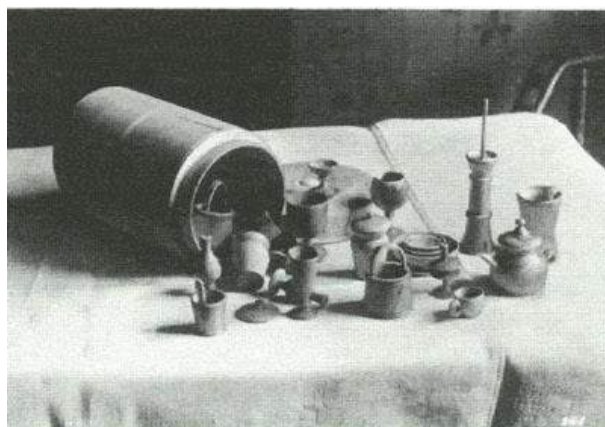

Fritz Dieck, der letzte Drechslermeister Heiligenbails bei der Arbeit

Так и в нашем Хайлигенбайле появятся умелые ремесленники, искусные мастера, деловые и трудолюбивые люди – горшечники, ювелиры, строители органов, банщики, ткачи и кожевники. Колонисты изменят жизнь города. Предприимчивые поселятся в городах, крестьяне – в округе. Перенимается культура, язык – создаётся по сути новый этнос.

В дополнение к большому количеству ремесел в городе большим спросом станут пользоваться изделия из дерева

каддисового кустарника, которые обрабатывались мастерами токарного дела. Этот товар находил сбыт далеко за пределами Германии. Спросите, что это за растение такое – каддис? Так на местном диалекте называли можжевельник, он также известен под названием верес, а крупный древовидный куст называют тюркским именем арча...

Die berühmte Heiligenbailer Fische

Вспомните, в Хайлигенбайле на улицах жгли можжевельник, кто-то из жителей знал о полезных свойствах этого кустарника. Его ветками окуривали дома для очищения воздуха, если в доме был больной. Обеззараживающий эффект дерева заметили, когда стали применять посуду из можжевельника. Да и уберечь детей от заразы можно было с помощью игрушек из чудесной лечебной древесины. Вот таким образом игрушки из Хайлигенбайля превратились в популярный сувенир.

По этому поводу местные жители сочинили целую поэму «Коробка игрушек из Хайлигенбайля» (текст Джорджины Кретчмер-Хайлигенхаус, Georgine Kretschmer-Heiligenhaus, вольный перевод Э. Басовой):

У Вислинской лагуны в Хайлигенбайле,
Предлагают токари искусные товары.
Кому для мечтаний, а кому для забавы,
Но детям очень нравится брать их руками.
В коробке найдёте кофейный сервиз,
Кувшин да тарелки, ложки да вилки,
Средь прочей посуды лежит трубка для табака,
Мастер знает, как многим она нужна.

Перед нами резная шкатулка,
В ней, заострённой иль круглой,
Ищите лошадку, лисичку, собаку...
Не стойте, смелей покупайте коробку с игрушкой!
С давней поры жил в городе мастер
Добрый и мудрый дед-прорицатель.
Он знал, что резные игрушки каддиса
Порадуют взрослых искусным абрисом.

В 1736 году, как привилегию, город получил право на проведение ярмарки. Перенесена она была из Бладиау (Пятидорожное)... Особым спросом на ярмарке пользовались славившиеся на всю Пруссию изделия хайлигенбайльских столяров – детские деревянные игрушки, курительные трубки и миниатюрные копии предметов быта, выточенные из можжевельника. Эти изделия стали своего рода

визитной карточкой города. Первые упоминания об этом виде художественного промысла относятся к началу XVII века... В своих воспоминаниях о годах юности поэтесса Агнес Мигель писала, что в 1900 году на Кёнигсбергской ярмарке был отдельный стенд, посвящённый мастерам из Хайлигенбайля...

Источники: "Самый западный город России", Г.Н. Лебединцев, 2012 г.
Сайт Ostpreußen <https://ostpreussen.net/ostpreussen/orte.php?stadt=36>

В ходе Семилетней войны Хайлигенбайль, как и вся Восточная Пруссия, был занят русскими войсками и вошёл на четыре года в состав Российской империи.

5 мая 1762 года в Петербурге между Россией и Пруссией был заключен мирный договор, согласно которому Россия выходила из Семилетней войны и добровольно возвращала Пруссии территорию, занятую русскими войсками, включая Восточную Пруссию. Договор, носивший все признаки национального предательства, стал прямым следствием восшествия на престол императора Петра III, поклонника Фридриха II Прусского.

1758 – 1762.
Восточная
Пруссия
в составе
Российской
империи

В 1750 между Россией и Пруссией были прерваны дипломатические отношения. Когда летом 1756 прусский король начал войну против Австрии, Россия, выполняя обязательства, взятые ею на себя по Петербургскому союзному договору 1746 года, выступила на стороне Австрии. Русские войска овладели всей Восточной Пруссией, а в 1760 заняли Берлин. Однако вступивший на престол Пётр III круто изменил направление русской внешней политики. В день смерти своей тетки Елизаветы (5 января 1762) он отправил к Фридриху II своего приближённого Гудовича с известием о своём вступлении на престол и с заявлением о своём намерении восстановить с Пруссией мир и дружбу. 16 марта 1762 года в померанском городке Старгарде был подписан акт перемирия.

Примерно в это же время в Петербург прибыл представитель Фридриха II барон Гольц с поручением поздравить Петра III с восшествием на престол. Оставшись в качестве полномочного министра при русском дворе, Гольц повёл переговоры о заключении мирного договора. Прусский король был уверен, что русский император потребует от него значительных территориальных уступок, и поэтому в инструкции Гольцу разрешал уступить России Восточную Пруссию. Однако в ходе переговоров произошло то, что впоследствии сам Фридрих назвал «Бранденбургским чудом». Пётр III заявил Гольцу, что будет рад принять проект мирного договора, выработанный Фридрихом II. Прусский король не замедлил воспользоваться предложением и прислал проект мирного договора, в котором, конечно, ни о каких уступках не было речи. Когда канцлер Воронцов попытался возражать против прусского проекта, Гольц в личной беседе с Петром III добился полного одобрения проекта. На долю Воронцова выпала только «честь» переписать набело одобренный императором договор.

Согласно Петербургскому мирному договору состояние войны между Россией и Пруссией объявлялось прекращённым. Русский император обязывался приложить старания к восстановлению европейского мира, для чего в первую очередь отказывался от всех обязательств, в силу которых он должен был участвовать в войне против Пруссии (ст. 2). Все занятые русскими войсками в течение войны прусские территории возвращались прусскому королю, и русские войска отводились на свою территорию в двухмесячный срок (ст. 6).

Русский император обязался выступить в качестве посредника в деле заключения мира между Пруссией и Швецией (ст. 7).

Договаривающиеся стороны согласились также приложить все усилия к заключению в самом скором времени союзного трактата между Россией и Пруссией.

Заключив этот бесславный мир с Пруссией, которым приносились в жертву Фридриху II интересы России и попирались союзные обязательства, Пётр III задумал новую войну с целью отвоевания у Дании Шлезвига. Для этого немедленно после подписания Петербургского договора были начаты переговоры с Пруссией о заключении союзного трактата, который и был подписан 19 июня 1762. Однако новому союзу не суждено было иметь практического воплощения. Этот трактат не был ратифицирован ввиду дворцового переворота, низложившего Петра III. По вступлении на престол Екатерина II разорвала союзный трактат с Пруссией, но оставила в силе Петербургский мирный договор, так как Россия нуждалась в передышке после войны, а основная цель войны — истощение и ослабление Пруссии — могла считаться достигнутой.

Рукопожатие трёх монархов Пруссии, России и Швеции. Изображение на табакерке 1762 года.

Источник: <https://www.prilib.ru/history/619219>

Между прочим, идея заключения мира с Пруссией принадлежит отнюдь не Петру III. Еще при жизни Елизаветы, в последние месяцы ее царствования, великий канцлер Воронцов (сменивший продажного Бестужева) с ведома Елизаветы начал готовить почву для возможного заключения мира — причем, что немаловажно, согласно его плану, Россия как раз и намеревалась отказаться от Восточной Пруссии (которая, собственно говоря, в те времена России была и не особенно нужна)!

Таким образом, вступивший на престол Петр лишь довел до логического конца эти планы. Кстати говоря, и Англия, и Франция пытались в те же самые месяцы заключить с Фридрихом сепаратный мир за спиной России! Так что «предательство интересов России», приписываемое Петру, ничего общего с предательством не имеет. Самое интересное, что Петр вовсе не собирался «отдавать» Фридриху Восточную Пруссию. Ко дню убийства Петра русские войска все еще оставались в Восточной Пруссии — согласно двум подписанным Петром и Фридрихом трактатам, по которым Россия имела право вовсе остановить вывод своих войск в случае обострения международной обстановки. Она и остановила.

Сохранился указ Петра, предписывающий ввиду «продолжающихся в Европе беспокойств» не только не выводить войска, но и пополнить новыми запасами армейские склады в Восточной Пруссии, а также отправить к берегам Восточной Пруссии кронштадтскую эскадру, чтобы прикрывать русские торговые суда. Как видим, ни «предательства», ни «возвращения» Восточной Пруссии Фридриху не последовало. Австрийский посланник в Петербурге Ф. Мерси так и сообщал в Вену о действиях Петра: «Теперь он не может выпустить из рук королевство Пруссию». Кто же «выпустил из рук» Восточную Пруссию? Екатерина! Одним из первых ее распоряжений после свержения Петра стал приказ расквартированным в Восточной Пруссии русским полкам форсированными темпами возвращаться на родину. А два года спустя Екатерина подписала с Фридрихом новый союзный договор, ряд статей которого без малейших изменений был взят из того самого, якобы «предательского», договора Петра...

Источник: <https://russobalt.org/forum/topic/835857-5-maia-1762-peterburgskij-mirnyj-dogovor-c-prussiej/>

18. Хайлигенбайль в XIX веке

Мирная передышка оказалась недолгой, началась война с французами. Пожары бушуют в городе в сентябре 1806 года и в декабре 1807. Король Пруссии Фридрих Вильгельм III и император России Александр I 21 – 22 мая 1807 года проводят в городе смотр войск. 12 июня 1812 года через город со своей свитой проследовал Наполеон, полный надежд на победу, ещё не знавший, что скоро ему придётся бежать из России, теряя свою армию. Жители города радушно встречали русских солдат, помогали им продовольствием и одеждой.

После окончания войны в 1819 году была проведена административная реформа. Хайлигенбайль стал районным центром. Изменение статуса города повлияло на его развитие. Строится здание новой Ратуши, обустраиваются транспортные коммуникации, совершенствуются имущественные отношения. В 1853 году тихий провинциальный городок получает

надёжное сообщение с Кёнигсбергом и Берлином. Возможным это становится благодаря постройке через город железной дороги.

Не отставала от транспорта и система образования: 18 октября 1879 г. в Хайлигенбайле основана сельскохозяйственная школа.

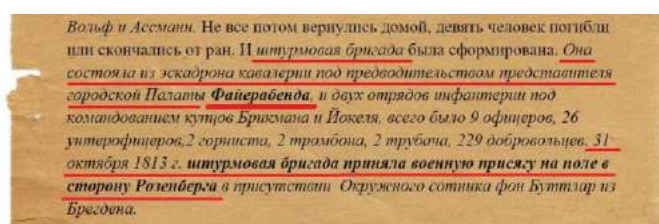
В конфессиональном отношении Хайлигенбайль демонстрировал высокий уровень толерантности. Конечно, преобладала евангелическая община: во второй половине XIX в. покровителем евангелической приходской кирхи, сооруженной сразу после основания города, был лично прусский король. В 1891 г. свою церковь с красивой башней возвела католическая община. Кроме того, в городе были дом евангелической общины и баптистская капелла.

Большую роль в развитии города в XIX в. сыграли Р. Л. Ц. фон Ауэрсвальд, возглавлявший район в 1824–1834 годах и бургомистры Файерабенды.

1. Фридрих Эрнст Файерабенд/ Friedrich Ernst Feyerabend.

Дата рождения не известна, портретов нет.

На посту бургомистра города проработал с 1817 по 1834 гг.

Совсем недавно (после перевода работы Х. Айзенблаттера 1896-го года) всплыл один интересный факт: во времена шатания по этой округе Наполеона со своей армией в 1813-ом году Ф.Э. Файерабенд, будучи

тогда ещё председателем городской Палаты, возглавил эскадрон кавалерии, которая входила в состав штурмовой бригады, принявшей военную присягу 31 октября 1813-го года.

В 1831-ом году Европу начала опустошать холера, эпидемия которой не прошла мимо и города топоров. 14 сентября 1834-го Фридрих Эрнст скончался.

Весной 2017-го года МГМ (Мамоновский городской музей), в ходе работ по благоустройству заброшенной территории бывшего (древнего и давно разорённого) Госпитального кладбища Хайлигенбайля, был обнаружен надгробный камень бургомистра Фридриха Эрнста

Файерабенда ...

2. Август Файерабенд. Сын Ф.Э. Файерабенда.

Сменил отца на посту бургомистра – занял пост в 1835-ом и пробыл на нём до 1882-го года ..., т.е. 47 лет.

Родился в 1810-ом году (точная дата неизвестна), портретов не встречалось, фотографий нет.

Умер Август Файерабенд 9 марта 1883-го года в возрасте 73 лет, и, как пишет сам Айзенблаттер – "после того, как он мощно

и со знанием дела в течение 47 лет руководил городом".

В память о достопочтимом бургомистре горожанами, в тогда ещё форштадте, в парковой зоне 26-го августа 1883-го года был установлен красивый литой бронзовый памятник, а место так и назвали – Файерабендплатц/Feuerabendplatz. Под таким же названием существовал участок улицы вдоль парка (сегодня ул. Советская), а за его пределами улица уже так и называлась – Файерабенд

штрассе/Feuerabend strasse.

Памятник, по различной информации из различных источников (не точно), в годы ПМВ пошёл на переплавку... по крайней мере, старейшие бывшие жители города говорили, что такого памятника, на Файерабендплатц, в их памяти не сохранилось.

Но остались фотографии и, довольно, неплохие ...

Источник: <https://www.facebook.com/KKs1979/posts/1796767853816556>
<https://www.facebook.com/KKs1979/posts/1801209730039035>

В Хайлигенбайле началась карьера крупного немецкого предпринимателя Р. Вермке, здесь непродолжительное время служил судьей известный писатель Л. Пассарге.

19. Людвиг Пассарге

Уроженец Волиттника (посёлок Приморское-Новое), исследователь скандинавских саг Генриха Ибсена «Пьер Гюнт», путешественник и известный автор путевых заметок многочисленных поездок – открыл невероятное по своей красоте место для художников-импрессионистов на Куршской косе – его автобиографические произведения станут популярными в Германии, благодаря ему появятся переводы произведений значимых писателей – третий перевод на немецкий язык литовского автора Кристионаса Донелайтиса «Времена года» – литератор-полиглот Людвиг Пассарге служил с 1856 года судьёй в городе Хайлигенбайле.

Волиттник располагался на полуострове Бальга и изначально являлся фольварком крупного имения Весслинен. Волитта была самой маленькой и удаленной деревушкой церковного прихода. В 1820 году отец известного писателя Людвиг Пассарге арендовал эти владения, а в 1832 году приобрёл их за 11 000 талеров на аукционе.

В то время сельское хозяйство находилось в плачевном состоянии, что явилось следствием наполеоновских войн. Большое количество лошадей реквизируют, скот забили; многие здания были разрушены, а инструмент и прочие средства производства сломаны или утеряны. Население заметно уменьшилось.

Континентальная блокада прекратила столь важный для Пруссии экспорт зерна в Англию, а через несколько лет островная империя стала проводить политику независимости от импорта зерновых. Цены на некоторые сельхозпродукты сразу упали более чем на 50 процентов. Всё это настолько сильно ударило по сельскому хозяйству, что некоторые предприятия, прежде всего крупные имения, разорились.

Для восстановления сельского хозяйства потребовались годы кропотливого труда и государственная поддержка.

Когда в 1860 году отец Пассарге смог продать имение за 60 000 талеров, ситуация в отрасли уже заметно улучшилась. Следующим хозяином Волиттника стал владелец дворянских поместий Хоффман, затем семья Кох, а потом семья Шихау (вплоть до заселения территории в 1934 году).

Bahnhof von Wolitnick – das Bild zeigt den Bahnhofsvorsteher Medan mit Familie, die Bahnhofswirtin Frau Herta Spode, die Bahnbeamten Ernst Kempa und Wenk mit ihren Familien.

Благоприятно повлияла на положение Волиттника железнодорожная ветка, которая прошла через деревню в 1852 году сообщением Браунсберг – Кёнигсберг. В 1864 году в Волиттнике построили водорегулируемую станцию в борьбе с половодьями, тем самым улучшили и создали более доходными плохонькие сенокосные угодья. На полях у самого берега рос тростник, его убирали и

продавали в близлежащих деревнях как напольное покрытие.

Большой популярностью пользовалась из деревни Волитта капуста. Ее выращивали в больших количествах, она была с очень тонкими прожилками и невероятно вкусная. Знаменитую капусту отвозили по железной дороге в Хайлигенбайль, Цинтен и Браунсберг, где продавали на рынке.

Семья Фриды и Карла Корн владела рестораном Зандкруг у вокзала Волиттник. Её дочь, Урсула Дюринг (род. 14 ноября 1937 года), является представителем посёлка Волиттник в объединении бывших жителей района Хайлигенбайль.

Севернее, между имением и заливом Фришес, находится холм, с которого открывается прекрасный вид на залив и Пиллау. В южном направлении протекал ручей. Это были «недра» имения Волиттник, его природный парк, который Людвиг Пассарге с такой любовью описал в своих мемуарах.

В восточном направлении шла берёзовая аллея, переходившая затем в липовую и тянувшаяся по возвышенности до самого Весслинена. Именно в имении Волиттник, в семье помещика, и родился писатель-путешественник Людвиг Пассарге, известный и как отец географа, врача и геолога Зигфрида Пассарге (1866 – 1958).

Людвиг Пассарге (6 августа 1825 – 19 августа 1912) учился в престижной гимназии Фридрихс-Коллегиум в Кёнигсберге, а с 1844 года изучал юриспруденцию в Кёнигсбергском университете. Последний год учился в Гейдельберге. Природа наделила Людвигу неугасимой страстью к путешествиям – он побывал в Италии, Испании, Португалии, на Балканах, в Скандинавии. В 1856 году

он начал работать районным судьёй в Хайлигенбайле, с 1877 года работал в Инстербурге, а с 1879 года, вплоть до выхода в отставку в 1887 году, – в Кёнигсберге. Он тесно общался с писателем Эрнстом Вихертом. Помимо родной Восточной Пруссии и стран Балтии, Пассарге также путешествовал по Балканам и Пиренейскому полуострову, для первого описания которых в путеводителях по Германии и различным странам Бедекера 1897 года он предоставил ценный материал. Во время пребывания в Скандинавии он познакомился с творчеством Генрика Ибсена и Бьёрнстjerne Бьёрнсона и стал их переводчиком и редактором в немецкоязычном мире. Пассарж продолжал свои путешествия до глубокой старости и умер во время своей последней поездки в Оденвальд.

В начале лета 1912 года Людвиг Пассарге и его жена собирались прогуляться по Оденвальду (сельский район Гессена в Германии). Они остановились в гостинице Немецкий Дом, расположенной возле фонтана Лёвенбруннен в Линденфельсе. Здесь супружеская чета тяжело заболела. В июне умерла жена, а 19 августа – сам Людвиг Пассарге. Оба были похоронены на кладбище в Линденберге. Могила не сохранилась.

Как писатель, Пассарге прославился описаниями пейзажей и заметками о своих путешествиях. По сути дела, он явился предшественником современных репортёров. Людвиг Пассарге создал множество новелл, баллад и стихов. Его первое произведение – «Из дельты Вислы»

(1857). Самым знаменитым творением стали записки о путешествиях «Из балтийских стран» (1878).

«Письма с морского побережья» — это описания величественного дюнного ландшафта, а также обычаев и привычек жителей Куршской косы и Замланда. В воспоминаниях «Молодые годы в Восточной Пруссии» (1903) Пассарге описал своё детство и юность, проведённые в родительском имении Волиттник.

Он также осуществил новый перевод всех произведений Кристиана Доналитуса (Донилайтиса) с литовского языка на немецкий.

По материалам сатри «Wolittnick (Приморское)» Сергея Довлатова ресурса «Калининград.лайф».

20. Эпоха грюндерства в Хайлигенбайле

Ровно 150 лет тому назад в 1871 году была образована Германская Империя. 18 января спустя 170 лет после роскошной церемонии коронации Фридриха I и «через 10 лет после коронации в Кёнигсберге, Вильгельм I стал германским кайзером. Как известно с весьма малым воодушевлением, так накануне провозглашения империи, он писал:

«Завтра мы понесём прусскую королевскую власть к могиле». «Предчувствовал ли любящий символику и склонный к пессимизму Вильгельм I, что изготовленная специально для него корона сегодня исчезнет бесследно?», – рассуждал Эрик Ломатч в своей работе "Preussische Allgemeine Zeitung".

Новая традиция коронации, возобновлённая прусским королём Вильгельмом I, как-то не задалась с образованием Германской Империи. Гогенцоллерны как императоры Второго рейха не имели «привычки» короноваться. Вильгельм I, как известно, был не «коронован», а «провозглашён» императором. Впрочем, мы подробно останавливались (ниже ссылки на публикации) на немецком понятии «Huldigung» («Присяга» или «Чествование», или «Почитание», в зависимости от контекста), выяснили, чем отличается Huldigung (присяга) от Krönung (коронации), и пришли к выводу, что прусские короли, вступая на престол, не «короновались», а именно «принимали Присягу».

1 – <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/292458149120322>

https://vk.com/wall-168806484_1311

2 – <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/293330682366402>

https://vk.com/wall-168806484_1313

3 – <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/293770218989115>

https://vk.com/wall-168806484_1315

4 – <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/294925085540295>

https://vk.com/wall-168806484_1318

5 – <https://www.facebook.com/ProektHistoryk39/posts/294931255539678>

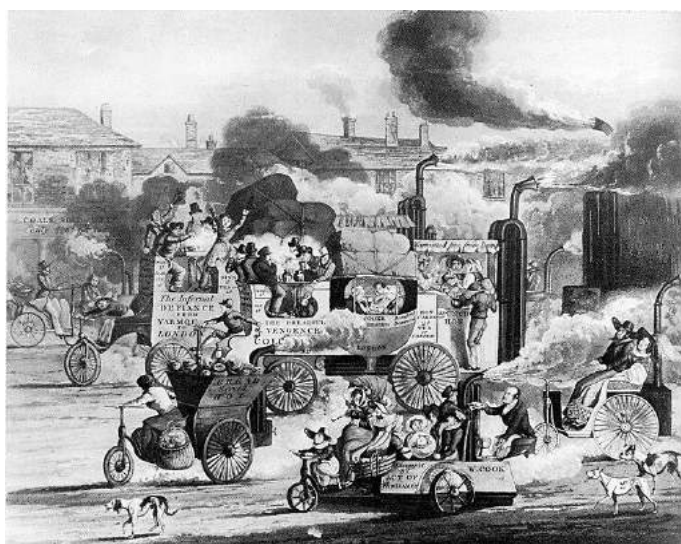
https://vk.com/wall-168806484_1319

Но мы сейчас не об этом... С созданием Империи в 1871 году Восточная Пруссия стала частью великого единого государства – Фатерланда (Vaterland).

С разгромом Франции в войне 1870-1871 годов и объединением Германии в единое государство вокруг Пруссии начиналась новая эра в истории немецкого народа – Второй рейх. Вильгельм I утверждал, что принимает императорское звание в надежде, что «отныне немецкий народ в награду за свою тяжелую и мужественную борьбу сможет пользоваться длительным миром в границах, которые обеспечат Германии безопасность от новой агрессии со стороны Франции, безопасность, которой она в течение столетий была лишена». Временной отрезок с момента провозглашения Германской империи до 1914 года стал одним из самых продолжительных периодов в истории Европы без крупных войн.

К империи быстро присоединились государства, не входившие в состав Северогерманского союза — Бавария и прочие южно-германские страны. Австрия частью Германии не стала. Пять миллиардов франков, которые французы выплатили немцам в качестве контрибуции, стали прочным фундаментом для немецкой экономики.

33 года – с 1871 по 1914 – стали периодом мира и благосостояния, прогресса и веры в будущее, сытости и самодовольства... Богатую экономическую и общественную жизнь Германии стимулировала и техническая революция – новый виток в истории человечества сопровождался демонстрацией могущества его разума – наступила эпоха пара, прославляющая инженеров.

Изобретатели создали паровой двигатель, которому предстояло изменить мир.

Индустриальная революция – и всё то, что она принесла с собой, от дешёвой одежды до эксплуатации рабочих на фабриках – началась при помощи энергии воды, но ускорилась под руководством пара.

Путешествия, войны и империи до неузнаваемости изменились после создания железных дорог и пароходов. Сила пара влияла и на другие области техники и науки. В конце XVIII и в XIX веке, в пору расцвета пара, разработка паровых двигателей извлекала выгоду из прорывов в металлургии и науки о тепле, и подстёгивала их развитие.

Десятилетия после провозглашения Германской империи, для которых характерно массовое спешное учредительство банков, торговых домов, страховых компаний и акционерных обществ, вызванное мощным влиянием в промышленность и банковский капитал контрибуции от Франции и рассчитанное на быстрое

обогащение, вошло в историю Германии как эпоха грюндерства (от слова грюндер — основатель).

Новый стиль жизни стали диктовать учредители компаний. Формировался новый класс — промышленная буржуазия. Возникали целые империи. Однако аккумуляция капитала сопровождалась инфляцией и кризисом.

Новая эпоха обозначилась не только для экономики, но и для моды — появляются роскошные особняки и интерьеры по заказам нуворишей; громоздкие и подчеркнута дорогие модели одежды; эклектизм в подражании историческим образцам «пышности». Фирмы наиболее успешных представителей грюндерства, срачиваясь с крупным банковским капиталом, разрастались в концерны («AEG», «Mannesmann», «Tyssen» и др.).

Достойным примером эпохи грюндерства в Хайлигенбайле станет «Восточно-Германский завод сельскохозяйственного машиностроения» Рудольфа Вермке.

21. «Восточно-Германский завод сельскохозяйственного машиностроения» Рудольфа Вермке. "RUD-WERMKE-HEILIGENBEIL".

Поговаривают, в российской глубинке до настоящего времени встречаются плуги, сделанные в Хайлигенбайле. О том, что эти изделия сельскохозяйственного назначения из Хайлигенбайля на них чётко указано — сохранились надписи «Ostdeutsche Maschinenfabrik vorm. Rud. Wermke A.G. Heiligenbeil».

Собиратели всего, что связано или было связано с Мамоново – Хайлигенбайлем сотрудники Мамоновского городского музея, щедро делятся своими находками в самом музее и фотографиями на его страницах в соцсетях, в том числе и на форумах сообщества «Подземелья Кёнигсберга». Известно, что предприятие сельскохозяйственных машин Хайлигенбайля имел свой сталелитейный

цех, который выпускал бытовые и так необходимые для города изделия – люки и решётки, питьевые фонтанчики – встретить их можно было на улицах в любом прусском городке и даже обнаружить под ногами в наше время. Итак, достойным примером эпохи грюндерства в Хайлигенбайле становится «Восточногерманский завод сельскохозяйственного машиностроения» Рудольфа Вермке.

Ostdeutsche Maschinenfabrik vorm. Rud. Wermke Akt.-Ges.

Фирменной маркой продукции завода Рудольфа Вермке являлись две скрещенные секиры, как на гербе города Хайлигенбайля, и дополнительно помечались тремя заглавными буквами «О.М.Н.» – «Ostdeutsche Maschinenfabrik (vorm. Rud. Wermke A.G.) Heiligenbeil».

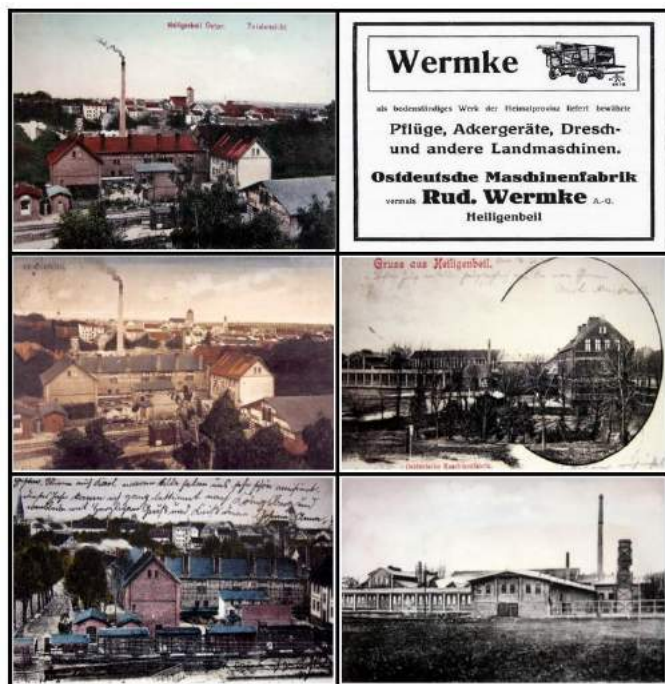
1 декабря 1870 года официально оформляется предприятие по производству сельскохозяйственных машин, которое впоследствии получило название

Rudolf Wermke
(21.09.1842 – 28.01.1897)

«Восточногерманский завод сельскохозяйственного машиностроения». Большую помощь в основании завода оказывает человек по имени Виен. Хорошо разбирающийся в людях, образованный и дальновидный владелец имения Брегден, помог начинаниям молодого Рудольфа Вермке (Rudolf Wermke) и предложил стартовый капитал в 2000 талеров. И не прогадал!

Рудольф Вермке родился 21 сентября 1842 года в Штольценберге, недалеко от Хайлигенбайля. В Хайлигенбайль Рудольф приехал в 1853 году. Здесь отец Вермке овладел кузней, обучал своего сына кузнечному искусству, позднее тот стал кузнецом на отцовском предприятии. В 19 лет Рудольф Вермке перенимает право собственности, строит недалеко от вокзала новую кузницу и рядом жилые помещения.

Грюндерцайт – время основателей – в Хайлигенбайле началось именно с Восточногерманской фабрики сельскохозяйственных машин. Основателем и первым руководителем предприятия, производившего плуги, сеялки, молотилки и т.п., становится Рудольф Вермке. Продукция фабрики пользовалась большой популярностью в Германии и за рубежом, получает высокую оценку и отмечается премиями на выставках.

Только с 1884-го по 1896 год было более ста наградений. Восторженные отклики о продукции завода шли из Кёнигсберга,

Магдебурга, Мемеля, Риги, Амстердама, из Венгрии и из других мест. Р. Вермке совершает поездки в Петербург, Женеву, Париж, Лондон, а в 1896 году присутствует на Всемирной выставке в Чикаго.

На средства Рудольфа Вермке в городе построены здание почты в 1895 году и несколько жилых зданий.

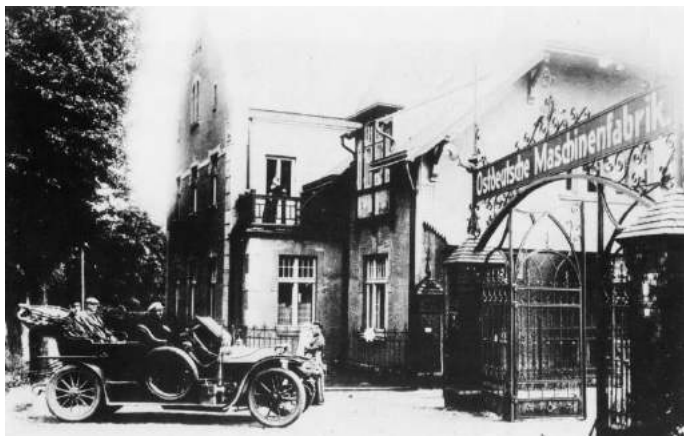
Рудольф Вермке скончался 8 января 1897 года. После кончины основателя предприятия завод набирал новые обороты. В 1905 году открывается филиал Восточногерманской фабрики в Тильзите.

Интересный специалист работал на ведущем заводе Восточной Пруссии до 1898 года – инженер Франц Комник (1857-1938 гг), впоследствии организовавший производство автомобилей «Комник» в Эльбинге. Эта марка автомобилей незаслуженно забыта... А после революции в России транспортные компании закупали несколько сот грузовиков и автобусов этой марки. Кстати, в Кёнигсберге Франц Комник жил в престижном районе на Луизеналлее (ул.

Комсомольская). Об этом предприятии и его продукции

<http://www.gruzovikpress.ru/article/2996-marka-komnick-iz-vostochnoy-prussii-i-perviy-vsesoyuzniy-ispytatelnyy-avtomobilnyy-i-mototsikletnyy-probeg-kto-pomnit-komnik/>

Новым директором завода с 1 января 1903 года становится Фредерик Бартельс. Его можно рассмотреть на фотографии с первым легковым автомобилем не только в городе, но и в районе. Господин Бартельс приобретает его в 1907 году для служебных поездок.

К 1914 году на заводе сельскохозяйственного машиностроения,

кроме нескольких модификаций плугов с одним, двумя и тремя лемехами, выпускались сеялки, молотилки, сенокосилки, маслобойки, сепараторы, торфопрессы. Всё это поставлялось не только на Запад, но и на Восток – в Россию и на Балканы.

1 августа 1914 года Восточногерманский завод сельскохозяйственного машиностроения проводил в городе традиционный летний праздник.

Праздничная колонна примерно из 200 человек прошла по улицам города. Возглавлял колонну духовой оркестр, за ним под флагом предприятия шёл генеральный директор Ф. Бартельс. Далее шествовал главный инженер в окружении

руководства завода, за которыми шли рабочие и служащие. Пройдя с музыкой по городу, колонна направилась в сад Шнайдера... В разгар веселья бургомистр Луис Шрёдер объявил, что поступил приказ Вильгельма II о срочной мобилизации... Началась давно назревавшая Первая мировая война...

После Второй мировой войны на территории предприятия сельскохозяйственного машиностроения функционировал Мамоновский рыбоконсервный комбинат (МРКК), его знаменитым шпротам красуется памятник в центре города.

По материалам книги «Самый западный город России» Г. Н. Лебединцева 2012 года.

22. Хайлигенбайль в XX веке

Начало XX века в жизни города характеризуется размеренной жизнью и благоустройством. В Розенберге (Краснофлотское) устанавливается памятный камень в честь 200-летия Прусского королевства, перед зданием нынешней школы – камень в честь Бисмарка. В 1910 году открывается Общественный дом евангелической общины и здание новой школы.

На 1910 г. в Хайлигенбайле проживал 4821 человек. В городе существовало товарищество садоводов и огородников, которое занималось выведением новых сортов овощей и фруктов для снабжения города. В 1912 г. в городе дважды в неделю разворачивалась рыночная торговля (по средам и субботам).

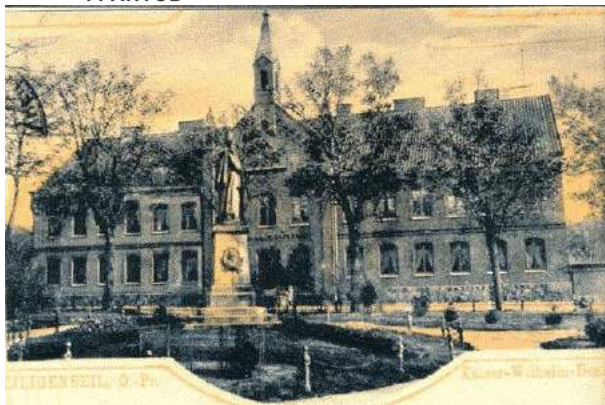
В годы Первой мировой войны боевые действия в районе города не проводились. Мужское население было отобилизовано. 12 российских солдат, погибших в плену от ран были захоронены на местном кладбище. После окончания войны последовала инфляция и медленный выход из кризиса.

К середине 1920-х гг. население возросло незначительно: на 1925 г. в нем насчитывалось 5147 жителей (в том числе 2437 мужчин); с точки зрения конфессиональной принадлежности, евангелистов было не менее 4649, католиков — 328, иудеев — 10, атеистов — на одного больше, 11. Статистика свидетельствует о том, что в 1931 г. в городскую общину входило 6 пригородных

населенных пунктов, городу принадлежало 2219,3 га земли. Развитие городской инфраструктуры продолжалось и в тридцатые годы. В 1935 г. к городу отошла рыбацкая деревня Розенберг вместе с причалами (сейчас здесь находится копильный цех Мамоновского рыбоконсервного комбината), в 1938 г. закончилось строительство железнодорожной линии Хайлигенбайль—Цинтен.

В 1930-е гг. в Хайлигенбайле производили продукцию завод по обработке легких материалов, авиаремонтный и газовый заводы, машиностроительная фабрика Р. Вермке, паровая лесопилка, пивзавод, молокозавод, фабрика порошка для пудинга, мебельные фабрики, мельница.

В городе имелись вокзал, товарная станция, железнодорожные мастерские, две водонапорные башни; здесь находились городские и районные административные органы, финансовые учреждения, суд, кадастровое управление, районный крестьянский союз, госпиталь им. Св. Георга для престарелых, районная больница, городская народная школа со спортзалом, средняя,

сельскохозяйственная и музыкальная школы, летняя школа, размещался гарнизон, выходила газета "Хайлигенбайль цайтунг"...

К 1939 г. в Хайлигенбайле насчитывалось 12,1 тыс. жителей; город был центром одноименного района (правительственный округ Кёнигсберг).

Источник: http://gako2006.narod.ru/M_goroda/mamonovo.htm

23. Камень Бисмарка в Хайлигенбайле

Рассказ Бруно Гезиена

Мой прадед, отец двоюродного деда, Роберт Гезиен, направил своих работников вспахивать поле, а те случайно наткнулись на большой камень. Поскольку достать его из земли своими силами не представлялось возможным, местонахождение камня отметили воткнутой в землю палкой с намерением вытащить его позже.

За обедом вольнонаёмный по фамилии Бергау рассказал Роберту Гезиену о находке и тут же получил задание выкопать камень сразу после обеда. Если же попытки вытащить его лошадьми не увенчаются успехом, то камень надлежит расколоть. Роберт Гезиен ждал несколько часов, но Бергау всё не возвращался. Тогда Гезиен сам отправился в

путь и ещё издали увидел гору земли, росшую буквально на глазах. Бергау продолжал обкапывать камень со всех сторон. Оказалось, что это огромный ледниковый валун высотой 2,5 метра, объёмом 3,5 кубометра и весом, «явно более 150 центнеров».

Как-то раз Роберт Гезиен прочитал в газете о том, что городской совет Хайлигенбайля намерен поставить памятник основателю рейха Отто фон Бисмарку, в связи с чем шли поиски подходящего валуна.

Роберт Гезиен сразу направился в ратушу. Увидев камень, городской инспектор Блум произнёс лишь одну фразу: «То, что нужно!»

Тут же договорились о цене и ударили по рукам. Валун был выкуплен за 30 марок. При этом Роберт Гезиен должен был своими силами доставить камень на место. Предстояло проделать путь длиной 3 км. Гезиен запряг 8 лошадей в деревянные волокуши, на которых и собирался везти находку. Предварительно рабочие из Хайлигенбайля вытащили камень из ямы с помощью тали.

Поначалу лошади весьма бодро потянули нелёгкий груз, поскольку дорога шла под горку, к тому же земля была покрыта снегом. Однако проехав 20 или 30 метров, лошади остановились, чтобы перевести дух. Теперь дорога шла в гору, да и снег начал таять, поэтому даже 8 лошадей не были

в состоянии везти дальше гигантский валун. Пришлось воспользоваться услугами перевозчика грузов Хоппа, выделившего дополнительно 12 лошадей, которые, впрочем, не смогли переломить ситуацию. Ведь снег, ранее лежавший хотя бы местами, совсем растаял, из-за чего волокуши перестали скользить по земле.

В конце концов, на берёзах, росших возле дороги, были закреплены тали. С помощью этих блоков и лошадей колосс, в итоге, удалось привезти на место – к развилке дорог в Кёнигсберг и Цинтен (угол Кёнигсбергской улицы и улицы Бисмарка). Здесь валун обработали зубилом и установили в честь «Железного канцлера», сделав на камне надпись „Bismark“. Однако камнетёс допустил ошибку, написав фамилию без буквы „с“. Кстати, многие жители Хайлигенбайля узнали про это обстоятельство лишь совсем недавно. Ошибка, разумеется, была выявлена и исправлена: „Bismarck“ написали через „ск“. Для этого правую сторону валуна пришлось обработать в большей степени, чем левую.

Источник: <http://www.kirchspiel-bladiau.de/>

После 1945 г. бронзовый барельеф объединителя Германии был срублен. Сейчас на камне указана информация о присвоении 25 июля 1947 г. городу имени Николая Васильевича Мамонова.

24. Хайлигенбайль в конце Второй мировой войны.

В феврале 1945 г. окрестности Хайлигенбайля и Бальги стали последней позицией перед заливом Фришес-Хафф для остатков 19 немецких дивизий, составлявших хайльсбергскую группировку. Такая заметная масса войск, способная поддерживать связь с Кёнигсбергом, вынудила командование 3-го Белорусского фронта прекратить наступление на Замландском полуострове и перенацелить первый удар на Хайлигенбайль.

Подготовка советских войск к ликвидации хайльсбергской группировки продолжалась с 22 февраля по 12 марта. Помимо мощной фортификации и большого количества войск неприятеля, заметной проблемой для наступающих стали погодные условия — весенняя распутица и туман. Ликвидация группировки силами 3-й (будущий комендант Берлина генерал-полковник А. В. Горбатов), 28-й (генерал-лейтенант А. А. Лучинский) и 31-й армий (генерал-лейтенант П. Г. Шафранов) была начата 13 марта. К 18 марта, после захвата 11-й гвардейской армией Людвигсорта (г. Ладушкин) и Бранденбурга (совр. пос. Ушаково Гурьевского района), Хайлигенбайль оказался окончательно отрезан от Кёнигсберга.

Последний перед Бальгой рубеж обороны проходил от города по дороге к Браунсбергу (совр. Бранёво, Польша) и был взят в результате ночной атаки 25 марта. Те части хайльсбергской группировки, которые не успели отступить через Фришес-Хафф, были уничтожены к 29 марта.

Важным стратегическим пунктом Хайлигенбайля был аэродром — "первоклассная авиационная база", по словам летчика "Нормандии—Неман" Франсуа де Жоффра. Потеря немцами последнего оборудованного аэродрома обеспечила советской авиации полное господство в воздухе. Здесь же, в Хайлигенбайле, французские летчики из "Нормандии"

встретили День Победы.

Источник: http://gako2006.narod.ru/M_goroda/mamonovo.htm

25. Хайлигенбайль после войны.

В результате боевых действий сгорели либо были разрушены машиностроительная и мебельная фабрики, газовый завод, трансформаторная подстанция городского значения, маслозавод, а лесопильный и самолеторемонтный заводы были демонтированы. В ноябре 1945 г. приказом Кёнигсбергской таможни здесь был организован таможенный пост. На июнь 1946 г. в городе восстановлен водопровод, работали мельница, магазин военторга, несколько позже были открыты семилетняя школа, больница, швейная и сапожная мастерские райпромкомбината, пункт областной конторы "Заготзерно". Тридцатого октября 1946 г. открылась Хайлигенбайльская семилетняя школа. В том же году начала работать изба-читальня.

В результате войны численность населения существенно сократилась: в ноябре 1946 г. в Хайлигенбайле проживало 1608 человек, в том числе 751 немец.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 17 июня 1947 г. Хайлигенбайль был переименован в населенный пункт Мамоново.

Имевший до Второй мировой войны статус города, данный населенный пункт, войдя по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июля 1947 г. в состав Ладушкинского района Калининградской области в качестве населенного пункта "Мамоново", вплоть до 1951 г. относился к категории поселков. И лишь Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 28 марта 1951 г. он получил статус города районного подчинения, находившегося в составе Ладушкинского района. Новое название было дано в 1947 г. в честь Героя Советского Союза, подполковника Н. В. Мамонова, принимавшего участие в штурме Хайлигенбайля.

Первыми русскими жителями города были военнослужащие и репатрианты, впоследствии к ним присоединились переселенцы и направленные после окончания учебных заведений специалисты.

Трудными были первые годы в послевоенной жизни города. Не хватало

продовольствия, частыми были вспышки инфекционных заболеваний. Но жизнь постепенно входила в нормальное русло.

В ходе военных действий населенный пункт был сильно разрушен. Насчитывалось лишь 198 домов, пригодных для жилья. Организацией восстановительных работ занимались различные органы:

- вначале — районное Управление по гражданским делам, находившееся в Ладушкине,
- затем, с июля 1947 г., — Мамоновский сельский Совет,
- и лишь с марта 1951 г. — Мамоновский городской Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет (первыми его председателями были Н. П. Литвиненко, М. Ф. Архипова, Л. П. Емельяненко).

К концу 1947 г. в черте населенного пункта уже размещались рыболовецкий колхоз и моторно-рыболовная станция, началось строительство рыбзавода. Было очевидно, что развитию рыбоперерабатывающей отрасли здесь будет уделено первостепенное внимание. Из непромышленных учреждений в Мамоново находились семилетняя школа и изба-читальня (с 1947 г. — городская библиотека). Для советского народа главным искусством по-прежнему оставалось кино: уже 14 августа 1948 г. в приспособленном здании открылся кинотеатр.

Первыми в сентябре 1946 г. прибыли переселенцы из Куйбышевской области, затем — эшелоны из Горьковской, Тамбовской, Ростовской областей. В октябре 1947 г. в Мамоново проживало 2948 человек, в том числе 950 человек немецкого населения. К тому же, возле Мамоново находился аэродром, где дислоцировались четыре авиаполка и батальон аэродромного обслуживания.

Источник: http://gako2006.narod.ru/M_goroda/mamonovo.htm

26. Мамоновский городской музей.

Не все знают, не многие были. И, совершенно, напрасно. Рассказывать о нём, как, впрочем, и о любом музее или выставке, занятие неблагодарное. Всё равно, что пересказывать фильм или побывав на концерте филармонического оркестра, сказать: «Счас – напою ...»

Скажем лишь вкратце. Музей был открыт 11 лет назад, в 2010 году, усилиями одного человека – Дмитрия Адольфовича Шилова. Первые экспонаты, которые легли в основу музейной экспозиции – предметы из коллекции самого Дмитрия. Затем подключились горожане, друзья, знакомые. Через шесть лет появился помощник – Константин Косенков. На сегодня музей имеет статус муниципального автономного учреждения культуры «Мамоновский городской музей». Два человека, по сути, в одиночку пытаются решить проблему государственного масштаба. Музей – основная достопримечательность города. Туристы едут в музей. Больше некуда. Здесь они узнают и о богатой истории края, как довоенной, так и послевоенной. Здесь богатая коллекция с необычными экспонатами. Многие из которых удивят даже знатоков истории и местного краеведческого колорита.

Добро пожаловать в Музей города Мамоново <http://www.mamonovomuseum.ru/>

На территории крайса Хайлигенбайль располагались два города – Хайлигенбайль и Цинтен.

27. Поселок Корнево

Город Цинтен (Zinten), ныне посёлок Корнево Багратионовского района, располагается на левом берегу реки Штрадик/Корневка. В средневековье эта территория находилась на пограничье прусских земель Вармии и Натангии. Предполагается, что здесь у подножия холма Штаблак (Ausläufern der Stablack) на берегу небольшой реки Штрадик ранее находилось прусское поселение Синтен, от

которого произошло название города. Территория вокруг Цинтена – это земля древних поселений. При строительстве железнодорожной ветки на Хайлигенбайль было обнаружено 58 могил и богатых находок, относящихся к III – VI векам до нашей эры.

Недалеко от слияния рек Штрадика с Пашмаром, вдоль небольшой реки были участки невероятной красоты. Когда-то живописные пешеходные тропы вдоль Штрадик, проложенные государственной службой труда в 1930-х годах, теперь это трудно доступные дикие места, но все же красоты местности очаруют вас и пригласят задержаться. И качество воды в маленькой реке в настоящее время настолько хорошее, что здесь снова можно найти раков.

После завершения покорения прусских земель Тевтонским орденом в конце XIII века, это место было выбрано для размещения переселенцев из немецких и польских земель.

Abschnitt der Stadtmauer vor dem Krieg
(aus Jenkner, Von Alt Passarge bis Zinten)

В качестве первой известной даты существования здесь немецкой деревни на месте прусского поселения обычно упоминается 1290 год. Однако эта дата достаточно условна. Известна жалованная грамота прусскому нобилу Суленко, по которой он получил «восемь гуф при Поррн (Porrn) и сверх этого одну гуфу при Эйцервассер (Eyszerwasser), находящихся вне границ города (stadtgrenitzcer) и между Маравнен (Marawnen) и Клингебеке (Clingebeke) (...) [с тем, чтобы] наследственно и навечно владеть [ими] на кульмском праве в области Бальги и каммерамте Цинтен (cammerampt Czcinthen)».

Датировка документа представляет значительную сложность, поскольку его подлинник не сохранился. Дошедшее до нас его изложение – это вставленный в текст одной из подтвердительных грамот комтура Бальги (от 28 августа 1494 г.) перевод на немецкий, снабжённый к тому же более поздней обширной припиской, уточняющей права собственника надела. В самом документе дата отсутствует, а донатор назван лишь по имени – Людвиг – причём с явно ошибочным титулом великого магистра. Издатели документа полагали, что речь может идти как Людвиге фон Балдерсхайме, который был ландмейстером Пруссии в 1263 – 1269 гг., так и о Людвиге фон Шиппе (ландмейстер Пруссии в 1299 г.), склоняясь к первому варианту. В целом же время составления документа определяется предельно широко – от 1263 до 1299 гг.

Несмотря на то, что запись сделана на основе подлинной грамоты, упоминание каммерамта Цинтен и «городских границ» (это выражение, судя по всему, относится к Цинтену) является, вероятно, анахронизмом.

Самый древний Цинтенский документ датируется 1325 годом. Однако принято считать, что Цинтен, как город был основан в 1313 году комтуром Бальги Генрихом фон Изенбергом (Айзенбергом). При этом учредительная грамота не сохранилась, и впервые это поселение именуется «городом» (civitas) в грамоте от 13 июля 1341 года. Вместе с уставной грамотой город получил печать, рисунок которой стал основой городского герба. Он изображал выходящие из серебряной кирпичной с зубцами стены две скрещенные серебряные башни с червлёными шатровыми крышами в лазоревом поле. Между башнями — золотая, смотрящая прямо голова быка.

Говоря о причинах, которые обусловили появление города именно здесь, следует отметить, что Тевтонский орден нуждался в немецком чиншевом поселении, которое стало бы экономическим центром и торговым местом в области с прусским населением. Чиншевое право – особый вид поземельных отношений, которые устанавливались между феодальными землевладельцами (сеньорами) и держателями земли (чиншевиками). Оно

закрепляло бессрочное наследуемое пользование землей за оброк (чинш), чаще всего денежный. Основанный здесь город должен был упорядочить торговые связи внутри каммерамта Цинтен (который упоминается в 1343 г.) и развиваться как местный экономический и духовный центр. Его кирха должна была стать центром местного прихода.

В 1343 году город стал центром амта из административно-территориальных единиц, в которые входило 80 местечек с прусским населением. Великий магистр ордена Винрих фон Книпроде 19 ноября 1352 года выдал городу Устав. В связи с этим город получил важное право на проведение рыночных дней. Поскольку прежняя грамота к тому времени была утрачена, возникла необходимость вновь подтвердить Кульмское городское право.

Wohlfahrts-Postkarte der „Ostpreußenhilfe“ - Foto Oskar Gutzeit, Pr. Eylau. - Zinten von Ost nach West.

К 1363 году было завершено строительство новых городских укреплений, начатых около 1360 г. по распоряжению великого магистра Винриха фон Книпроде. В этом году горожане получили от великого магистра разрешение платить разложенный под домами чинш для постройки и содержания стен. Помимо ворот стены имели несколько специальных

калиток. Вплоть до начала XIX в. содержание в порядке стен и городских ворот требовало значительных средств. В XVIII в., когда в Цинтене находился воинский гарнизон, стены препятствовали дезертирству солдат. В западной части города сохранились остатки городской стены. В настоящий момент они представляют собой выступающий примерно на 0,5—1,5 м от дневной поверхности остаток стены из крупных полевых камней, поверх которой растёт кустарник и небольшие деревья.

В Цинтене никогда не было замка, но окружающие замки Бальга, Бранденбург, Кройцбург и Пройсиш Эйлау обеспечивали некоторое прикрытие. Однако есть предположение, что церковь в юго-западной части города, где находилась кирха Св. Николая и Св. Барбары, уже существовала к этому времени, поскольку приходской священник Матиас среди прочих подписал орденский документ от 1341 года о передаче Цинтену участка леса.

Первая кирха была предположительно основана около 1313 г. (дата условна), в 1341 году, как чуть выше сказано, упоминался её пастор. Церковь была посвящена Св. Варваре (Св. Барбаре) и Св. Николаю. Однако есть сведения, что в XIV в. в Цинтене была построена кирха, посвященная св. Анне (или госпитальная), сгоревшая в 1716 г. И в тоже время, что «в

1341 году в Цинтене была построена кирха имени святых Николая и Барбары, которая в 1716 году сгорела. В 1411 году на средства польских прихожан и бюргеров строится вторая, каменная кирха, развалины которой сохранились до сих пор».

Blick auf Zinten 1843
(aus Jenkner, Von Alt Passarge bis Zinten)

Однако скорее всего речь может идти о том, что при госпитале могла существовать небольшая капелла, которую после городского пожара 1716 г. решили не восстанавливать. Учитывая небольшие размеры города и малое число его жителей, существование ещё одной кирхи представляется крайне сомнительным. При кирхе в 1399 г. по разрешению великого

магистра Ульриха фон Юнгингена был основан госпиталь, сгоревший в 1818 году. Первоначально церковь в Цинтене, руины которой наблюдаем в посёлке Корнево, была построена из полевого камня, древний контрфорс её был снесен в 1801 г. Нижняя часть башни с профилированным западным порталом, скорей всего, относятся к периоду готического строительства.

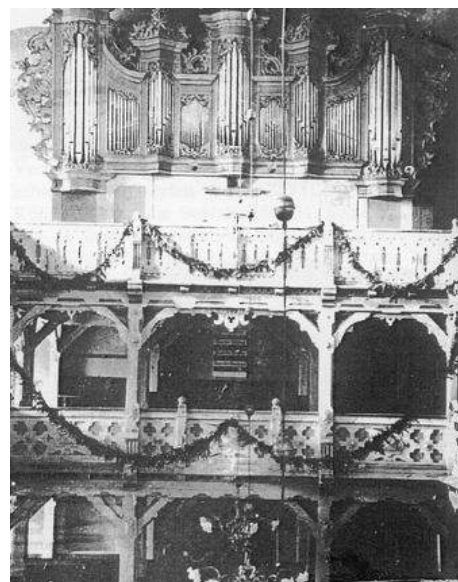
После пожара 1716 г. длительное время церковь перестраивалась с использованием охватывающих стен постройки второй половины XIV в. в четырехугольное оштукатуренное здание из кирпича и была освящена только в 1741 г. Западная башня была построена в 1781 г., фронтоны на башне были сделаны в 1930 г. Притвор с севера – второй половины XV в., со звёздчатыми сводами. В 1801, 1902 и 1930 гг. проводились реставрационные работы. Во время последних работ была отреставрирована ризница, представлявшая собой небольшую пристройку типа капеллы в северо-восточном углу.

Кафедра и алтарь (1739 г.) являлись одним целым.

Первый орган кирха получила в 1640 г. Затем он был куплен кирхой в Пеллен (ныне Пиле в Польше) и использовался там ещё долгое время – первый случай, когда старый инструмент был передан другой церковной общине. Новый орган был создан в 1756 г. Адамом Готтлибом Каспарини, в 1902 г. переделан Фёлкнером-Дюнновым (Völkner-

Dünnow) из Померании.

Колокола были отлиты в 1717 и 1736 годах.

Кирха в 1945 году сильно пострадала, а после войны постепенно разрушалась местными жителями; затем в 80-х годах XX века была взорвана на кирпичи.

Стоявшая в 20 м к северо – востоку от руин гранитная чаша для святой воды в 1994 году была утрачена (как выяснилось позднее, перевезена любителем старины в п. Пограничное). В целом внутреннее убранство, относившееся к 20 – 30-м гг. XVIII в., уничтожено. По состоянию на 2012 год от кирхи остался только западный фасад башни, с профилированным входом (портал) и грудой кирпичных обломков.

Как почти все восточнопрусские города, Цинтен имел правильную планировку. Его центром была прямоугольная рыночная площадь с расходящимся от неё под прямыми углами улицами, ведущим к городским стенам и воротам. Городские ворота были местом взимания акцизов с ввозимых в город товаров. На западе находились Средние (Миттельтор) и Горшечные (Тёпфертор)

ворота, на северо-востоке – Нижние или Мельничные ворота (Мюлентор), на юге – Верхние ворота (Обертор). Как отмечалось выше, ворота окончательно потеряли своё значение в 1818 г. и постепенно были снесены. В Горшечных воротах размещалась городская тюрьма, поэтому они были снесены позже всех, в 1847 г.

Кроме лесного массива в Бартланген город, как и все маленькие города, располагал «деревней рядом с городом» (dorff vor der Stad), 67 гуф которой делились между 48 дворами. Полноправные бюргеры, которые также имели право заниматься пивоварением, могли пересдавать свои гуфы крестьянам или рабочим – садовникам. Упомянутые в 1447 г. 48 дворов, вероятно, принадлежали городу ещё в момент его основания. В последующем они неоднократно делились и к XVI в. сохранились лишь немногие, но наряду с ними существовало множество крестьянских усадеб. В 1520 г., когда город был сожжён поляками, сгорело 42 крестьянские усадьбы, при этом погибли 33 человека. В 1528 г. существовало лишь 36 «хуфнеров» (владельцев небольших участков земли) и 10 владельцев отдельных домов, а также 10 рабочих – садовников. В 1552 г. насчитывалось 56 с половиной дворов. В 1575 г. было 96 полных дворов, полу – и четверодворок, 23 владельца отдельных домов, 20 жителей форштадта, 64 «хуфнера» с наделами от 0,5 до 2 гуф. Таким образом, на протяжении XVI в. идёт интенсивное дробление пригородных земельных участков и обнищание их владельцев.

Город неоднократно страдал от войн, польских набегов и пожаров. В 1414 году в ходе войны польско-литовского государства с Тевтонским орденом Цинтен был разорён польским набегом. Как сказано в одной из хроник, «женщины и девушки были обесчещены [прямо] в церкви, распятие было поперано ногами, 27 бюргеров убиты и 10 юношей угнаны [в плен]».

В 1440 году Цинтен стал одним из городов, которые объединились в Прусский союз для противодействия Тевтонскому ордену, однако в следующем году перешёл на сторону Ордена.

В июне 1454 года он стал одним из 14 прусских городов, которые присягнули на верность польскому королю Казимиру IV, но в следующем году, после первых военных успехов Ордена в Тринадцатилетней войне, вернулся на сторону последнего. В 1480 году великий магистр уступил Цинтен капитанам наёмников Ансельму и Гансу фон Теттау. В 1496 году город был переуступлен епископу Помезании, который до 1501 года являлся сюзереном города. В 1520 году в ходе последней войны между Орденом и Польшей Цинтен был вновь захвачен и разграблен поляками, при этом в ходе возникшего пожара он «сгорел до основания».

По итогам Краковского мира 1525 г. Цинтен вошёл в число городов, переданных герцогу Альбрехту в наследственный лен от польского короля.

Поскольку город Цинтен находится недалеко от католической Вармии, он был популярным убежищем для многих евангелистов из Вармии со времен Реформации. Реформация одержала верх в Цинтене. Еще в 1524 году католический пастор Кемпе открыл для себя учения Лютера и в 1525 году обратился в лютеранство. В результате Цинтен стал одним из первых городов Восточной Пруссии, принявших новую веру.

В 1526 году епископ Эрмланды Маврикий Фербер получил постановление синода, запрещающее не католикам постоянно проживать (в течение полного года) на территории этого диоцеза. Было сказано, что им не разрешается оставаться «на целый год». Чтобы обойти это регулирование, которое позже было ужесточено и тщательно контролировалось, протестанты, которые, тем не менее, жили в католической епархии, в канун Нового года на Рождество на несколько дней отправились в соседнее государство Пруссию – герцогство или королевство, в так называемую «заграницу». Так жителям Браунсберга (совр. Бранёво, Польша) удавалось находиться больше дней в новом году по возвращению из Цинтена после вынужденного пребывания на его территории и получить разрешение на продолжительное проживание в Вармии.

Это нашло ироническое отражение в широко известном стихотворении:

«Johann, spann an.
Zwei Katzen voran,
Zwei Ziegen nach hinter,
so geht es nach Zinten».

«Иоганн, запрягай,
Двух кошек вперёд,
Двух коз назад,
Мы едем в Цинтен».

Видимо, в том числе с этим следует связывать возникновение устойчивого выражения «иностранец из Циттена» – так называли человека, который пытался представить себя не тем, кто он есть на самом деле, или старался выделиться одеждой или манерами. Это было якобы связано с тем, что однажды два загулявших в Хайлигенбайле подмастерья из Цинтена пытались выдать себя за иностранцев. Однако истоки подобных

представлений следует искать в полиэтничности местного населения (среди населения города имелась польская прослойка), что было обусловлено как пограничным положением Цинтена, так и частым нахождением здесь иностранцев, что было в целом нехарактерно для других городов в северной части провинции Пруссия. Вероятно, по этой же причине с Цинтеном было также связано идиоматическое выражение «Чёрт побери, Хайлигенбайль и Цинтен!» (Pots Heiligenbeil und Zinten!) – так говорил уроженец Восточной Пруссии, если чему-либо удивлялся. В целом местность между Цинтеном и Прейсиш – Эйлау (Багратионовск) именовалась «собачьей Турцией» (Hundstürkei) (вероятно, чтобы подчеркнуть её никчемность и слаборазвитость). В то же время к середине XVI в. относятся первые сведения о существовании в Цинтене школы – в 1548 г. упомянут священник, который одновременно являлся учителем.

Цинтен неоднократно занимали иностранные войска. Во время войны между Польшей и Швецией с 1656 по 1660 гг. Цинтен был занят шведским военным гарнизоном. Зимой 1703 – 1704 гг. в период Северной войны России со Швецией в Цинтене и его пригородах были расквартированы шведские войска Карла XII. Во время Семилетней войны Пруссии с Россией в 1758 – 1762 гг. в

Цинтене стояли эскадроны и штаб Каргопольского кирасирского полка (одного из старейших кавалерийских полков в русской армии) под командой полковника фон Билова. В 1807 – 1808 гг. после поражения Пруссии в войне с наполеоновской Францией в Цинтене размещался французский военный гарнизон. В январе 1813 г. через город отступали французские войска маршалов Мюрата и Макдональда, преследуемые войсками 3-й русской армии под командой адмирала П. Чичагова.

С 1700 г. по 1810 г. город был местом размещения различных прусских пехотных и гарнизонных подразделений; с 1938 г. здесь постоянно дислоцировался 1-й батальон 10-го танкового полка.

Центральная площадь до пожаров

Городские пожары в Цинтене были обычным явлением. На протяжении XVI-XVIII веков город пережил 6 крупных пожаров, причём 16 августа 1716 года город сгорел полностью. После него многие старые семьи эмигрировали или вымирали. Из известных по источникам в XVI в. семей после 1716 г. ни одна в Цинтене больше не проживала.

На рубеже XIX-XX веков систематическими пожарами был серьёзно затронут центр города. В результате пожаров, которые в 1898 году уничтожили дома в восточной, в 1901 году – в западной, в 1904 году – в северной и в 1913 году – в южной стороне рыночной площади, центр города окончательно потерял свой средневековый вид.

Войны XV, XVI, XVII веков, городские пожары и частые вспышки эпидемий долгое время тормозили развитие города, до начала XIX века это был абсолютно сельскохозяйственный и ремесленный город.

В 1818 году Цинтен был окончательно объявлен открытым городом, то есть городские ворота больше не запирались на ночь, и больше не было привратников (писаря при воротах). В том же году Цинтен стал районным городом одноименного района. Такое положение дел продлилось только до следующего года, потому что население и администрация вызвали сильное сопротивление из-за вытянутой географической конфигурации района, мало благоприятной для ведения управления крайсом.

В 1819 году более компактный по своей структуре Хайлигенбайль стал уездным центром округа.

В мирный период, начавшегося после освободительной войны от наполеоновской оккупации, Цинтен стал процветающим городком. В 1830 году были вымощены шведской брусчаткой

дороги, в 1837 году рядом с городом на реке Штрадик швейцарец Рудольф Киндельман построил первое индустриальное предприятие с железным молотом, а позднее здесь возникло большое мукомольное предприятие «Рудольфсхаммер».

Ещё с момента основания Цинтена здесь была заложена водяная мельница, она впервые упоминается в документе 1417 года и несколько раз перестраивалась. В силу существовавшей в орденской Пруссии мельничной регалии она принадлежала Тевтонскому ордену. В 1533 году мельник Ганс Маттерн построил рядом с уже существовавшей водяной мельницей лесопилку.

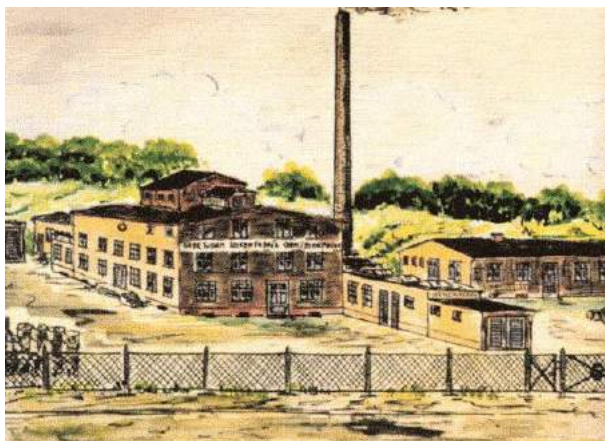
До 1751 года мельница являлась государственной и её сдавали в аренду, затем она была продана на аукционе. Первая цена ставкой в 50 талеров от действующего арендатора мельницы была перекрыта Иоахимом Хойером в размере 620 талеров. Несмотря на высокую цену, новый собственник выгодно вложился, заключив эту сделку, – через пять лет

мельница ушла за 1800 талеров. Позднее последовало несколько смен владельцев. В 1827 году строгие ограничения и обязательства по содержанию и реконструкции мельницы были отменены. В 1853 году мельник Вильгельм Август Патчке, предки которого переехали из гор Гарца в 18 веке, приобрел водяную мельницу, оснастил её режущими механизмами и сделал частью своей мельничной империи, которая в лучшие времена насчитывала 20 мельниц. При новом владельце Поли с 1863 года и его сыне до 1918 года, мельница была перестроена в 1886 году в соответствии с самыми современными требованиями того времени. В результате помол зерна составлял от 200 до 300 центнеров в день, через 25 лет – от 300 до 450 центнеров в день. В 1902 году мельница была оснащена собственной электростанцией, от которой выиграл и город Цинтен. В первые десятилетия XX в. мельница была оборудована двумя современными турбинами и превратилась полноценное в индустриальное предприятие (ежегодный объем помола составлял до 12 тыс. т.). Последним владельцем предприятия с 1918 года являлся Пауль Фроммхаген (24 мая 1889 г. – 27 октября 1942 г.), до 1945 г. – его жена Маргарет, урожденная Дикс (умерла 18 июля 1965 г.). В настоящее время сохранились только руинированные охватные стены без крыши.

В 1847 году в Цинтене снесли последние городские ворота, использовавшиеся в качестве тюрьмы. Другие ворота разобрали еще раньше.

Строится городская школа, учреждается Союз банков (Vereinsbank), начинает свою работу пожарная команда, создается молокозавод, строятся новые колодцы.

Население за сто лет увеличилось с 1367 в 1800 году до 3 585 в 1900 году. В 1939 году в Цинтене насчитывалось 5 800 жителей.

В XVII – XVIII веках в Цинтене была сильная гильдия суконщиков – на пике своего развития в 1740 году в городе насчитывалось 65 мануфактур, которые в основном производили ткани для униформы прусской армии. В 1693 г. в Цинтене произошло восстание подмастерьев-суконщиков, которое на время нанесло

серьезный ущерб сукнодельному производству. В 1746 г. существовавшая в городе сукновальня сгорела, что поспособствовало упадку сукноделия. Суконная фабрика на берегу реки Штрадик просуществовала до 1885 года и была снесена только в 1892 году.

Основным работодателем в Цинтене был пивовар Гуттцайт (Guttzeit), который основал пивоваренный завод в 1880-х годах по производству баварского пива. Но поскольку завод не составлял сильной конкуренции в пивном секторе Восточной Пруссии, его перепродавали. После очередной смены владельцев в 1902 году на его территории был создан кооператив и открыт винокуренный завод. Но и этот завод не было успешным. Тогда братья Ворм основали здесь мыловарню, которая процветала до конца 1945 года. В дополнение к чистящим средствам, таким как сода и мыло, функционировал второй цех по производству машинных и моторных масел. Предприятие обеспечивало работой 120 человек.

С появлением железной дороги Цинтен стал небольшим железнодорожным узлом. Первый железнодорожный поезд сообщением Кёнигсберг – Алленштайн совершил остановку на станции Цинтен 1 июля 1885 года. По расписанию в Цинтен прибывали и отправлялись три поезда в день, смешанные по своему составу – пассажирские и товарные вагоны. Вторая железнодорожная ветка, соединяющая

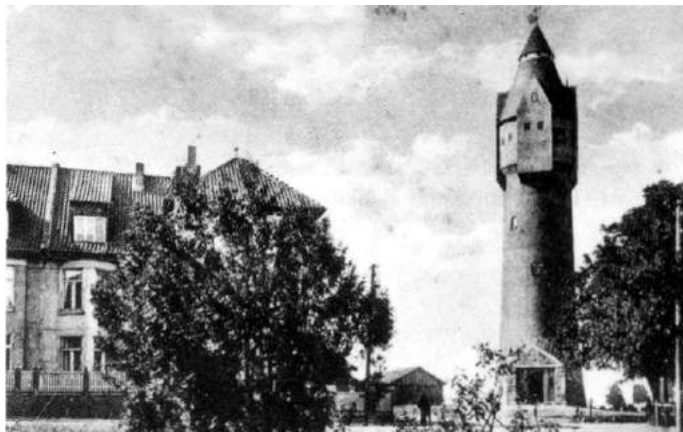
Кенигсберг и Хайльсберг, начала работать 15 сентября 1898 года. Железнодорожное сообщение от Хайлигенбайля до Прейсиш Эйлау через Цинтен последовало в 1938 году. После Второй мировой войны сообщение от Хайлигенбайля и от Мельзака до Цинтена было демонтировано.

Однако появление железной дороги в Цинтене не привело к значительному росту города и городского населения.

К 1910 г. в Цинтене проживало 3382 человека. В городе находился суд, почта, дважды в неделю работал рынок. Невысокая плотность населения в таких небольших городах, как Цинтен, была следствием слабого развития торговли и ремесел, отсутствия местного сырья, к тому же, рост налогов тормозил развитие производства.

Первая мировая война прошла мимо общины бесследно; только несколько русских были замечены на обширной территории вокруг Цинтена.

В 1914 году в Цинтене была построена городская водонапорная башня – основание сложено из булыжников, выше – кирпичная кладка. Практически аналогична водонапорной башне в Прейсиш-Эйлау (Багратионовск). Получила повреждения во время Второй Мировой войны. При сравнении с довоенной фотографией очевидно, что верхняя часть башни не перестраивалась

(сохранилась форма навершия и каркасы декоративных машикулей), однако кровля заменена на дощатую. В настоящее время не используется, однако сохранилась система водопроводных труб.

В 20-30-х гг. XX в. городе развивается мукомольная промышленность (три разные мельницы), действовала лесопилка, электростанция, водонапорная станция, молокозавод, фабрика по производству мыла, завод цементных изделий, кирпичный завод, лесопилка, бойня, мельница, школы, высшее женское училище, районный сиротский дом, дом для престарелых, стадион, молодежная турбаза, а также банк, сберкасса, городская типография, почтамт и два отеля — "Пеликан" и "Гленц". Здесь же располагался военный гарнизон. Религиозная жизнь Цинтена отличалась разнообразием: здесь находились евангелическая кирха и общинный дом, а также новоапостольская, баптистская и католическая капеллы, синагога. С 1902 года

выходил еженедельный листок новостей.

С начала 20-го века Цинтен все больше и больше превращался из сельскохозяйственного города в оздоровительный курорт. Для этого были созданы соответствующие условия – строились теннисные корты, площадки для верховой езды и турниров, оборудовались дорожки в парках и лыжный трамплин.

В 1920-х годах поселок, окруженный очаровательным природным ландшафтом в районе конечной морены, благодаря своему лесопарку Дамерау с «Лесным замком» – Цинтен и деятельности двух бургомистров Цинтена, Гуго Хольцманна (1890-1911 гг.) и Карла Рупрехта (1931-1934 гг.), приобрел известность как климатический курорт.

Официально курорт был открыт 31 июня 1933 г., но фактически Цинтен с его ближайшей округой начал развиваться в этом направлении задолго до этого. В 1896 г. один из горожан Цинтена, часовых дел мастер Иоганн Вайст купил на ремесленной выставке (на территории, предшествовавшей зоопарку) в Кёнигсберге маленький деревянный дом, который поставил в городском лесу Цинтена (на южной окраине города) как гостевой дом. Вскоре он стал очень популярным среди местных жителей, и 5 ноября 1902 г. магистрат принял решение о строительстве большого дома. Работы, продолжавшиеся около двух лет, были выполнены под руководством строительного мастера Г. Паули и обошлись в 75 тысяч марок. Это было практичное здание в виде виллы, за которым быстро закрепилось название «Вальдшлоссен». Через городской лес, носивший название «Домерау», площадью 1000 моргенов, были проложены прогулочные тропы, оборудованы игровые площадки и скамейки для отдыха. Главная тропа получила название в честь бургомистра Хольцманна – Хольцманналее.

9 августа 1913 г. во время торжеств, посвященных 600-летию юбилею Цинтена, в здании гостевого дома возник пожар, и оно полностью сгорело.

Спустя несколько лет было отстроено новое здание, в котором разместился отель (26 комнат, 40 спальных мест) и ресторан.

С конца 20-х гг. XX в. городской лес Цинтена стал превращаться в один из самых популярных восточнопрусских курортов. В 1929 г. в качестве его самостоятельного звена было благоустроена территория для конных

прогулок и конных состязаний.

Ежегодно здесь проводилось 2 – 3 турнира. Зимой стали проводиться так называемые «зимние спортивные дни», в которых принимали участие многие спортивные союзы и общества. По обоим берегам Штрадика проходили лыжные трассы длиной до 15 км.

С 1936 г. в городском лесу начал функционировать фуникулёр длиной 500 м. Летом на берегах Штрадика оборудовались пляжи для купания, зимой – заливался каток площадью до 4 тысяч кв. м. Если курортные места ежегодно принимали около 4 тысяч иногородних посетителей, то в 1936 г. в их число возросло до 15 тысяч человек

В 30-е годы прошлого века было основано туристическое бюро, Имперской службой труда построен современный лесной бассейн у подножия городского леса, рядом с рекой Штрадик, питавший большой бассейн. По окончании строительства «Waldbad» лесной купальни или бассейна под открытым небом рядом был установлен памятный камень.

В 2014 году камень вывезен в г.Мамоново силами Мамоновского историко-географического общества, существующего при Мамоновском городском музее, и установлен при входе в музей для его сохранности и реставрации.

«Бывший руководитель бюро труда из Хайлигенбайля Карл Домник (Karl Domnick, с 1930 по 1938 гг, умер в 1974 году) написал в 1969 году подробное описание деятельности конторы (данная работа хранится в крайс-архиве в Бургдофе). В ней есть и описание проделанных работ в Цинтене, начиная с 1931 года.

Основной задействованной трудовой силой были молодые люди в возрасте до 25-ти лет. Предпочтение отдавалось молодым неженатым безработным мужчинам, которые и были завербованы как добровольцы для осуществления следующего проекта: на краю города в лесной зоне был выбран участок земли, одобренный бургамистром Цинтена др. Рупрехтом (Dr. Ruprecht) и муниципальными властями Хайлигенбайля.

Под руководством архитектора Пауля Розенбаум (Paul Rosenbaum) из Цинтена и руководителя строительных работ Бакшата (Bakschat) был построен объект под названием "Waldbad". Финансовые расчёты проводило бюро из Хайлигенбайля, рабочую одежду и инструменты предоставил город Цинтен.

После завершения строительства Цинтен приобрёл ещё большую туристическую привлекательность, а лесной бассейн (купальня) гармонично дополнил уже существующие Waldschloss и Tunierplatz.

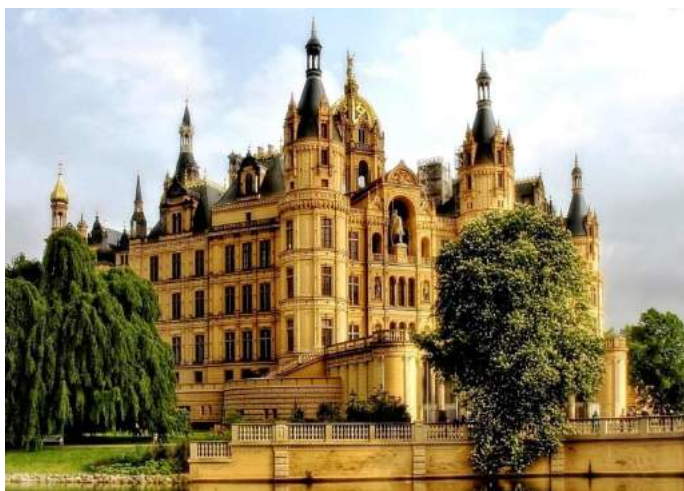
А вообще данный объект строительства был первым в Восточной Пруссии из, так называемой, "программы добровольной трудовой повинности"». (Heimatblatt-ы крайсгемайндшафта Heiligenbeil, Bildarchiv, архивы Мамоновского городского музея).

В Цинтене, соответственно, стала расти численность населения. Если до конца XVIII в. в городе насчитывалось не более 1200 жителей, то в 1861 г. его население составляло 3138, в 1890 г. – 3360, в 1925 г. – 3549, 1930 г. – 2800, в 1939 г. – 5800 человек. В 1931 г. в городскую общину входило четыре соседних с Цинтеном населённых пункта. Город владел землёй общей площадью 1443,1 га (360 жилых домов и 959 хозяйственных построек).

Рядом с городским лесом находилось имение «Вильденгоф» с усадьбой. Оно находилось во владении рода графов Шверин, славившихся своей любовью к искусству и картинной галереей (руины замка находятся на территории Польши).

Шверинское графство до ликвидации монархии в 1918 году считалось основным владением мекленбургских (великих) герцогов, имевших титул графов Шверинских. Владения графов Шверинских сосредоточены были в основном на левом берегу реки Эльбы. Происхождение графов Шверин восходит к 1161 году, после завоевания Генрихом Львом вендской крепости в Шверине в 1160 году. Первые письменные

свидетельства о существовании деревянной крепости Эверин в богатом озерёрами крае датируются 965 годом, а принадлежала она в тот период славянскому племени ободритов, потеснившему в начале 8 века германцев. В 12 столетии германцы вернулись на эти земли. Генрих Лев передал эти земли своему вассалу Гунцелину фон Хагену, упрочившему в последующие годы свою власть в этом регионе. В середине 14 века род Гунцелинов прервался и замком стали владеть герцоги Мекленбургские.

Каждое из семи полей герба Мекленбурга символизирует часть мекленбургского государства: герцогство Мекленбург, княжества (бывшие епископства) Шверин и Ратцебург, Шверинское графство, а также владения Росток, Верле и Штаргард. Согласно Гамбургского договора 1701 года появились герцогства Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Стрелиц, но в тоже время династия сохраняла целостность, а

правители обеих частей носили одинаковый титул, что приводило к дипломатическим казусам. На Венском конгрессе 1815 года оба правящих герцога получили титул «великий герцог Мекленбурга» с обращением «королевское высочество». Обе части Мекленбурга с этого времени стали именоваться великими герцогствами. Помимо двух правителей, двух наследников и соответствующих супругов все остальные члены правящей семьи продолжали носить титул герцогов и герцогинь Мекленбурга, вопреки общей традиции, и принцы, и принцессы тоже. Правители Мекленбург носили титул «великий герцог Мекленбургский», а также «князь вендов, Шверина и Ратцебурга и граф Шверина, земли Ростка и господин Штаргарда».

К концу монархии Мекленбургский дом был одним из древнейших непрерывно правивших родов Германии. В Веймарской республике прежний титул был заменён на гражданскую фамилию «герцог цу Мекленбург».

Из династии Мекленбургского дома известны:

София Луиза Мекленбург-Шверинская — герцогиня Мекленбург-Шверина, третья супруга короля Пруссии Фридриха I, вторая королева Пруссии (<http://kulturar.ru/info/софия-луиза-мекленбург-шверинская/>);

генерал-фельдмаршал Курт Кристоф фон Шверин с 1740 года, в период Семилетней войны, в 1757 году, направился в Богемию

соединиться с Фридрихом II. В битве под Прагой командовал левым флангом и там был убит. Его гибель со знаменем в руках была «образцовой смертью прусских генералов» (<https://all-generals.ru/index.php?id=1321>).

Династия известна государственными и политическими деятелями, военачальниками Первой и Второй мировых войн.

Иоганн Людвиг (Лутц) граф Шверин фон Крозиг — немецкий политический и государственный деятель, по образованию юрист. В 1932—1945 годах министр финансов Германии. После самоубийства Адольфа Гитлера совместно с gross-адмиралом Карлом Дёницем сформировал т. н. «Фленсбургское правительство», где занимал должности главного министра (премьер-министра) и министра иностранных дел вплоть до его роспуска 23 мая 1945 года. Родился в семье Эриха Адольфа фон Крозига (1829—1917) из нетитулованной ветви старой дворянской фамилии из Ангальта и его второй жены Луизы, урождённой графини фон Шверин (1853—1920). Эрих Адольф фон Крозиг был сыном баронессы Лизетты фон Вестфален (1800—1863) и, следовательно, племянником Женни фон Вестфален, жены Карла Маркса. Сам Л. Шверин фон Крозиг называл жену основателя марксизма «тётя Женни» и в конце жизни написал её биографию. С рождения носил фамилию фон Крозиг, 27 мая 1925 года был усыновлён своим бездетным дядей — графом Альфредом фон Шверин, и с тех пор именовался граф Шверин фон Крозиг.

В отличие от Дёница, Шверин фон Крозиг не предстал перед основным Нюрнбергским процессом.

Однако граф был подсудимым на «Процессе министерств» («Дело Вильгельмштрассе», «США против Вайцзекера и др.»), происходившем в американском военном трибунале в Нюрнберге в 1947—1949 годах. 11 апреля 1949 году осуждён на 10 лет лишения свободы; 31 января 1951 года амнистирован и освобожден (фактически отбыв 6 лет со дня ареста). Оставил мемуары.

Ещё один представитель династии – **граф Ульрих Вильгельм Шверин фон Шваненфельд** – землевладелец и офицер вермахта, участник заговора 20 июля.

Родился в семье дипломата Ульриха графа фон Шверина и Фриды фон Бетман-Гольвег, двоюродной сестры Теобальда фон Бетмана-Гольвега и всё детство провёл за границей. В двенадцатилетнем возрасте переехал в Дрезден, изучал агрономию в Мюнхенском техническом университете. Став свидетелем Пивного путча 1923 года, пришёл к выводу, что нацистская идеология противоречит его христианским убеждениям, а к 1935 году окончательно пришёл к мысли о том, что Адольф Гитлер должен быть либо убит, либо отстранён от власти. С 1938 года поддерживал контакты с членами кружка Крейзау, в 1939 году призван в армию и приписан к штабу генерал-фельдмаршала Эрвина фон Вицлебена, с 1942 года служил в Утрехте, пока в марте 1943 года генерал-майор Остер не перевёл его на службу в абвер.

Принимал участие в заговоре 20 июля, несмотря на то, что считал шансы на успех минимальными; арестован в ночь на 21 июля в здании Верховного командования вермахта, центрального элемента управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах, 21 августа был приговорён Народной судебной палатой к повешению. На суде, постоянно прерываемый Фрейслером, граф объяснил свою позицию «неприятием многих убийств в Германии и за рубежом». Повешен в тюрьме Плётцензее 8 сентября, похоронен на берлинском Далемском лесном кладбище.

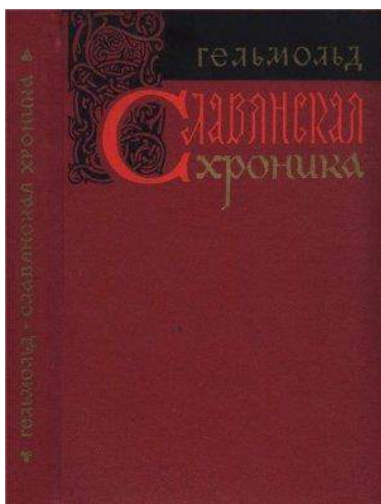
Не менее любопытен представитель дома **Пауль Фридрих Мекленбург-Шверинский**, названный в честь своих дедов — императора Павла и герцога Фридриха Франца, сын наследного принца Фридриха Людвиг Мекленбург-Шверинского и русской Великой княжны Елены Павловны. При Пауле Фридрихе были проведены реформы правовой системы и инфраструктуры великого герцогства. Он перевёл столицу герцогства в Шверин и планировал построить новый дворец, поскольку старый более не соответствовал представительским функциям. Пауль Фридрих умер вскоре после начала строительства. Он простудился, участвуя в тушении пожара в Шверине.

Имя великого герцога Пауля в Шверине носит городской район и дамба. По инициативе Пауля Фридриха в Мекленбурге было начато строительство первой железной дороги в Германии (<https://www.liveinternet.ru/users/3251944/post452624049/>).

Напомним, что правители Мекленбург носили титул **«великий герцог Мекленбургский»**, а также и **«князь вендов»**. Венды, венеды, венеты, собирательное наименование группы западных славянских племен, некогда (по крайней мере с 631–632) занимавших обширную часть территории современной Германии между Эльбой и Одером вдоль побережья Варяжского моря.

«Славянская хроника» Гельмольда из Босау сообщает о том, что весь народ венедов, преданный своим взглядам, всегда странствующий и подвижный, промысляющий разбоем, постоянно беспокоит, с одной стороны, данов, с другой – саксов. При этом сам термин и обозначение народа как балтийские славяне-венды призван был лишь в последствие утратить слово венеды и предать забвению историю целого народа – slave (первое обозначение славян).

Впервые термин был засвидетельствован у Прокопия Кесарийского в трактате «Войны», затем в произведении Иордана «О происхождении и деяниях гетов». Византийский автор, описывая события тех лет, отмечает: *«...большие полчища склавинов, перейдя реку Истр, стали грабить тамошние места... язык у них один и тот же язык, достаточно варварский... И имя встарь у славян и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами», как раз из-за того, думаю, потому что они населяли страну, разбросанно расположив свои жилища... Именно поэтому-то они занимают невероятно обширную землю: ведь они обретаются на большей части другого берега Истра...»*.

В действительности воинствующий настрой венедов был связан не столько с близостью к морю, сколько тем обстоятельством что они просто защищали свои территории от незваных гостей. Все южные гавани Варяжского моря были изначально портами венедов, что позволяло кроме развития судоходства иметь возможности для пиратства как реагирования на продвижение латинян под эгидой престола Святого Петра. По сведениям северогерманского хрониста XI века Адама Бременского о Рюгене и ближайших к нему островах: *«Оба эти острова полны пиратами и кровожадными разбойниками, которые не щадят никого из проплывающих мимо. Всех пленников, которых другие обычно продают, они обычно убивают»*.

Вот что пишет английский историк XIII века: «Послал Всемогущий Бог толпы жестоких языческих народов, датчан и норвежцев, готов и шведов, вендов и фризов, опустошавших около 200 лет грешную Англию...».

О тесных же контактах венедов со скандинавами уверенно говорят частые торговые и династические связи с датчанами, которые помогали друг другу, объединялись для походов и набегов на английские земли, бывало, что и сражались против друг друга.

Набеги на Германию продолжались до начала 10 в., когда император Генрих I начал наступление на вендов, выставив в качестве одного из условий заключения мира принятие ими христианства.

Покоренные венды часто восставали, но всякий раз терпели поражение, после чего все большая часть их земель переходила к победителям. В 1147 церковь

санкционировала крестовый поход против вендов, одобренный и св. Бернаром Клервоским. Поход сопровождался массовым уничтожением славянского населения, и впредь венды не оказывали германским завоевателям сколько-нибудь упорного сопротивления.

На некогда славянские земли пришли немецкие поселенцы, и основанные новые города стали играть важную роль в экономическом развитии северной Германии.

Приблизительно с 1500 года область распространения славянского языка свелась почти исключительно к Лужицким маркграфствам – Верхнему и Нижнему, позднее вошедшим соответственно в Саксонию и Пруссию, и прилегающим территориям.

Источники: «БАЛТИЙСКИЕ ВЕНДЫ»

<http://swargas.ru/news/baltiyskie-vendy-te-samyane-slavyane-vikingi-ili-varyagi>

«ПОЯВЛЕНИЕ СЛАВЯН: ВЕНЕТЫ, АНТЫ, СКЛАВИНЫ» <http://novaum.ru/public/p1150>

«ВЕНДЫ» <https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VENDI.html>

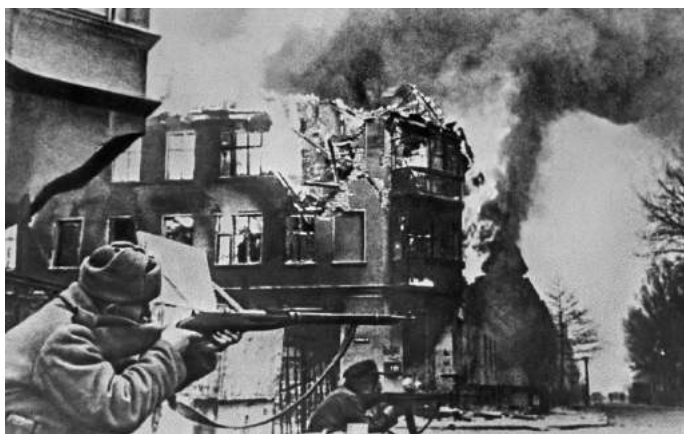

Сохранился Дворец Швэрина — барочный дворец в центре Берлина 1690 года постройки. В 1698 году его приобрёл прусский государственный министр Великого курфюрста Фридриха Вильгельма Отто фон Шверин. Для реконструкции дворца он пригласил Жана де Бодта, гугенота на прусской службе. После смерти графа дворец перешёл в 1765 году во владение прусского государства.

В нём последовательно размещались табачная монополия, уголовный суд и тюрьма. Почти век до 1889 года «дворец Шверина» означал для берлинцев «тюрьма». В ГДР до 1951 года во дворце Шверина размещалась государственная комиссия по вопросам искусства, затем до объединения Германии министерство культуры ГДР.

В 1944 году в «Вильденгоф» близ городского леса Цинтена была перевезена часть коллекций Харьковского художественного музея (картины западноевропейских мастеров и русских художников XIX в.). В июне 1945 г. здесь побывал занимавшийся поиском перемещённых культурных ценностей профессор А. Я. Брюсов, который сделал в своём дневнике следующую запись: *«Замок князей Шверинских совершенно разрушен, до основания. До подвалов. Следов вывезенных туда коллекций не найдено. (...) Но в трёх комнатах подвала разбросан архив Шверинских – рукописи, переписка, деловые и судебные бумаги XVI века. Всё сброшюровано и пронумеровано. (...) архив как следует рассмотреть не смогли, с собой взяли только несколько образцов».*

Серьёзным образом Цинтен пострадал в ходе Второй мировой войны.

Бои за Цинтен, бывший ключом к выходу на залив Фришес-Хафф, оказались среди самых затяжных во всей Восточно-Прусской операции. В городе скопилось большое количество эвакуирующихся гражданских, находились лазареты для раненых и больных военнослужащих

вермахта. Цинтен и его окрестности были превращены в мощный укреплённый район, который прикрывал подходы к транспортным коммуникациям на побережье залива Фришес-Хафф, через который осуществлялась эвакуация и снабжение блокированной немецкой группировки 4-й армии. В районе Цинтена оборонялись отдельные части 24-й танковой дивизии, 547-й народно-гренадёрской и 170-й пехотной дивизий, отряды фольксштурма.

36-й гвардейский стрелковый корпус (генерал-лейтенант П. К. Кошевой) подошел к окраинам Цинтена еще 10 февраля 1945 г. Упорные встречные бои продолжались до 24 февраля, когда немецкие войска наконец покинули город. За предыдущие заслуги и за действия под Цинтеном летчица-штурмовик лейтенант Т. Ф. Константинова получила звание Героя Советского Союза. Штурмуя 21 февраля позиции немецкой артиллерии, Т. Ф. Константинова уничтожила 4 орудия и до 15 солдат и офицеров. К 9 февраля 1945 года части 352-й стрелковой дивизии Красной армии захватили некоторые стратегические позиции в окрестностях города и во время ночной атаки неожиданно для немцев ворвались на окраины Цинтена. Однако быстрая контратака врага заставила бойцов отступить и перейти к обороне.

18 февраля 1945 года начался штурм города и развернулись жесточайшие бои за каждый дом. Гарнизон Цинтена состоял из остатков подразделений 3 немецких пехотных дивизий. Упорная оборона немцев объяснялась приказом удерживать город, не считаясь ни с какими потерями, поскольку этим прикрывали эвакуацию войск с побережья Фришес-Хафф. Штурм осложнялся планировкой города, улицы

которого имели не сплошную, а индивидуальную застройку: каждый дом был окружен палисадником и фактически представлял собой долговременную огневую точку.

Ситуацию удалось переломить только с вводом свежих резервов. Части 221-го полка сумели прорваться в центр города, к кирхе, которая находилась на высоком холме и являлась ключевой позицией обороны противника. Группа бойцов из 2-го батальона полка под командованием сержанта Р. В. Плисенко сумела водрузить над кирхой красный флаг. 21 февраля город Цинтен был окончательно взят. Весь центр города превратился в руины.

Город был на 80–85 % разрушен, остались неповреждёнными лишь около 30 домов вне центра города. Цинтен оказался единственным городом Восточной Пруссии, непосредственно бои в котором шли так долго – 11 дней (<https://gov39.ru/75let/21-fevralya.php>).

Первоначальная регулярная планировка города перестала существовать, населения не было, находилась только погранкомендатура. Сохранилась мельница, которая после ремонта могла эксплуатироваться. В октябре 1946 г. упоминается кирпично-черепичный завод. Осенью того же года здесь был организован колхоз имени В. М. Куйбышева.

До официального переименования Цинтен имел несколько вариантов нового названия: Баграмянск, Шаумян, Пограничный. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 17 июня 1947 г. Цинтен был переименован в населенный пункт Корнево и вошел в состав Ладушкинского района (с декабря 1962 г. — в состав Багратионовского района).

К октябрю 1947 г. в поселке числилось 315 жителей, в том числе 17 немцев.

В ходе штурма города Цинтен погибло несколько тысяч бойцов Красной армии. В настоящее время в посёлке 2 воинских захоронения, в которых в общей сложности покоится более 6.900 воинов. В послевоенный период было принято решение не восстанавливать руины города. Местность была спланирована тяжёлой техникой.

В 2011-2012 году на месте проектируемого строительства вышки в посёлке Корнево, были проведены охранные археологические раскопки. Исследуемый участок находится в историческом средневековом центре бывшего Цинтена.

К востоку от места строительства вышки ранее располагалась городская рыночная площадь с ратушей. Последняя, третья по счёту ратуша Цинтена была построена в 1724 году и перестроена в 1895 году. После разрушения в 1945 году не сохранилась. К югу от участка находилось здание городской аптеки, фронтон которой выходил на рыночную площадь. Таким образом, к участку примыкала правая (если стать лицом к фронтону) торцевая стена этого здания. К западу от участка проходила Хинтерштрассе. К северу располагалась Фризештрассе.

Фризештрассе была замощена, так называемым, шведским камнем (мелкая прямоугольная брусчатка). В 1990-е годы шведский камень был разобран местными жителями и сейчас обнажена более ранняя булыжная мостовая.

На территории проектируемого строительства объекта в посёлке Корнево было заложено 3 раскопа. Были выявлены фундаментные конструкции и подвальные помещения различных периодов, начиная с XVII века и заканчивая XX веком.

В процессе работ было установлено, что за пределами фундаментных конструкций и подполом подвальных помещений присутствуют участки сохранившегося археологического культурного слоя XIV-XVII веков, насыщенного находками из керамики, кости, железа и цветного металла.

В районе посёлка Корнево расположены известные археологические памятники.

В 1938 г. в ходе работ по строительству железнодорожного пути на Хайлигенбайль в так называемом «Оттервальде» (Otter Wald) было вскрыто 58 погребений с инвентарём, датированных III – VI вв.

Кроме того, на вершине так называемой «Священной горы» (Heiligen Berg) при распашке земли был обнаружен каменный блок, атрибутированный как жертвенный камень. На основании этих находок был сделан вывод о существовании здесь прусского поселения и, вероятно, святилища.

Обнаружены поле погребений периода – IX в. Лангендорф (Langendorf, не существует, находился севернее Корнево на р. Корневке) и поле погребений с трупосожжениями и находкой двух монет римского периода при фольварке (не существует) периода – от I-II до IV-V вв. Якнитц (Jäcknitz, не существует, находился юго – западнее Корнево).

Близ посёлка Пограничное найдено гранитное антропоморфное изваяние Хуссенен высотой около 1,1 м. с отчетливо выделенной головой и остроконечной бородой. Обозначены глаза, массивный нос и рот. Руки с растопыренными пальцами скрещены на груди. Ниже рук высечена окружность диаметром 0,37 м (щит, барабан?), в которой «выделяются» две косые линии. Местное название: «каменный человек» (Mankestein, Männchestein), «ленивая девушка» (faule Mädchen), иногда «ленивая девушка из Шкервиттена» (Skerwitten) (посёлок не существует).

1

2

3

Каменная баба из Хусенена-Росситена (Багратионовский р-н).

1. Гипсовая копия скульптуры, обнаруженная в фондах Берлинского музея до-и-праистории. Фото Кристофа Яна, 2015 г.

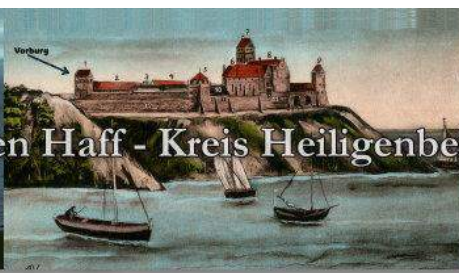
2. Скульптура во время нахождения во дворе музея «Пруссия» в Кёнигсбургском замке. Фото из статьи Вольфганга Ля Бома, 1927 г.

3. «Гнусная девчонка из Скирвитена» in situ в поле между тремя посёлками, до вывоза в музей «Пруссия». Фото из статьи Адальберта Беценбергера, 1891 г.

Согласно местной легенде, в камень была превращена девушка, проклятая матерью за лень. Каменное изваяние было найдено на границах старых деревень Хуссенен (Пограничное), Росситен и Вакерн (Елановка). В 1891 г. перевезено в Кёнигсберг и установлено у входа музея «Пруссия» в Королевском замке. Дальнейшая судьба неизвестна, вероятно, было уничтожено.

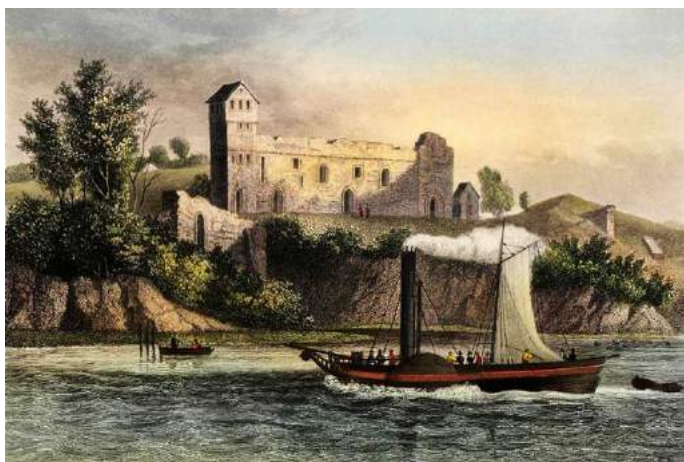
Источники: Новиков А.С., Сходнов И.Н. История города Цинтен (поселок Корнево Калининградской области). <http://www.archaeology39.ru/nashy-proekty/zinten>
<https://ostpreussen.net/ostpreussen/orte.php?bericht=1272>
http://gako2006.narod.ru/M_goroda/kornevo.htm
https://visitprussia.com/prussia/kamennye_baby_prussov/

Бальга

«Бальга! Бесчисленное множество людей знают об этом историческом месте, об этой прекрасной деревушке с нарядными домиками, о маленькой церквушке и собирающейся там общине, а также об ухоженном церковном дворе.

Побережье Бальги, отвесные, крутые берега, молодежная турбаза, почтенные руины с возвышающейся сторожевой башней (наблюдательным постом) и краеведческим музеем, массивные древние стены и развалины крепости привлекают посетителей со всех концов света.

Бальга была любимым местом отдыха для жителей округа Хайлигенбайль, обитателей Кенигсберга, многих людей из

провинции и бесчисленных иностранцев. Они начинали приезжать весной, однако особенно часто их можно было здесь увидеть летом и осенью, по воскресеньям и рабочим дням, во время государственных праздников и на мероприятиях, организованных различными фирмами для своих работников. Они приезжали сюда искупаться, отдохнуть, погулять, чтобы поиграть и потанцевать, повеселиться и провести время в тишине.

Бальга была родиной и убежищем, она приносила удачу и радость, вселяла покой и мир, однако для многих она была также символом борьбы, пролитой крови, противостояний, боли, страданий и смерти...»

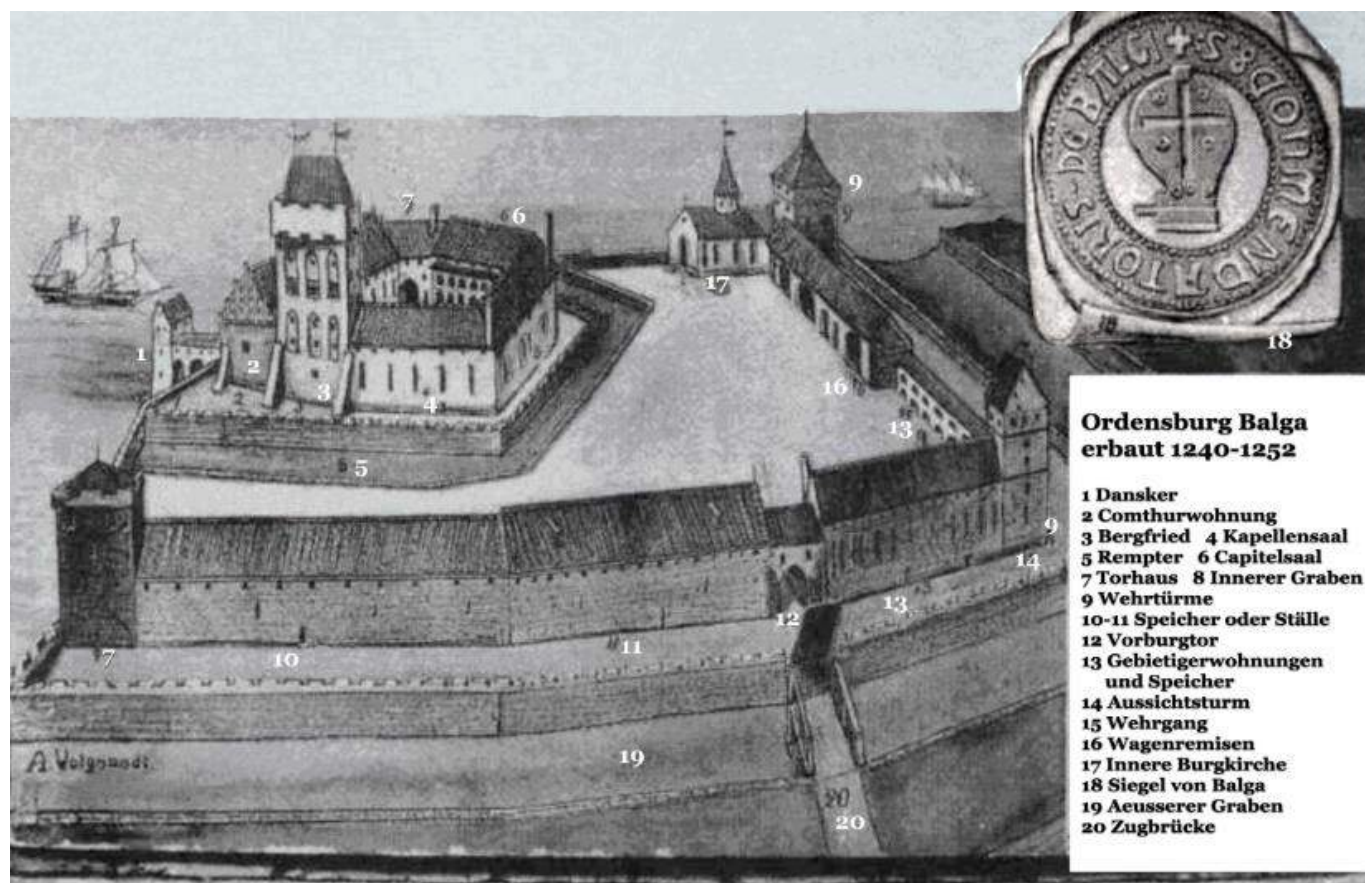
В 2021 году Бальге 782 года. Сегодня Бальга находится в Калининградской области, в России...

«Давайте же откроем книгу истории!» – такой призыв вы найдёте на странице сайта о Бальге <http://www.balga.de> от автора монографии истории Бальги Эмиля Иоганна Гутцайта (*1898 Кёнигсберг – †1984 Бад Эмс), ученого-краеведа и историка.

Последуем и мы в таинственный мир посёлка Весёлое Багратионовского района (а мы предупреждали, что не покидаем этот район), – полуострова Бальга, с которого началось продвижение отрядов рыцарей Тевтонского ордена в Натангию, Самбию, Надровию...

Итак, Бальга...

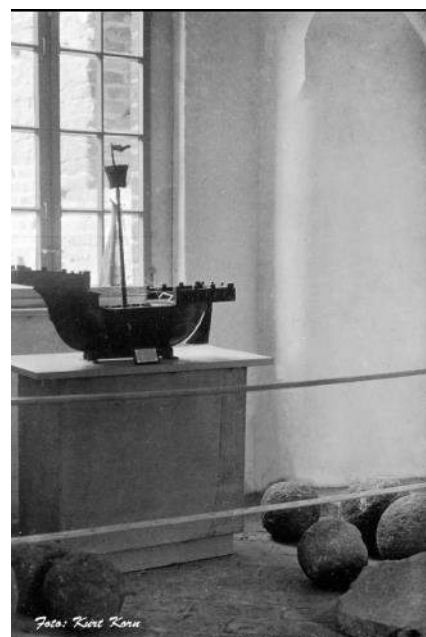
28. Крепость Тевтонского ордена.

В 1238 году рыцари Тевтонского ордена отправились в разведку из порта Эльбинг по Вислинскому заливу (нем. название Frisches Haff – Фришес Хафф) на двух кораблях «Пилигрим» и «Фридланд», подаренных маркграфом Герником фон Майсеном, продвигаясь вдоль берегов Вармии на север в местность близ Бальги. С высоких берегов на рыцарей ордена смотрели защищенные крепкими стенами прусские крепости, владения которых включали воды залива и всю землю вокруг.

Попытка захвата крепости не увенчалась успехом. Орден потерпел поражение. Поэтому в следующем, 1239 году, рыцари ордена и крестоносцы предприняли новый поход. После тяжелой борьбы крепость все-таки перешла в руки Тевтонского ордена благодаря прусскому правителю Кодруну, который предал свой народ.

Эта первая немецкая крепость на «древней земле восточной Пруссии» стала плацдармом для дальнейшего покорения прусских земель. В том же году ландмейстер начал перестройку крепости. С первого же упоминания крепость называлась Бальге или Бальга. Поэтому факт, что прежде она называлась Хонеда, весьма сомнителен.

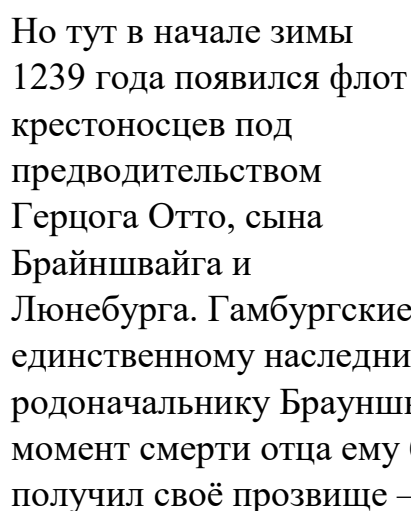

Im Turn-Museum: Ordenszeitlicher Holk (Lastschiff),
ungefertigt von Bildhauer Kross
aus Heiligenbeil. Steinkugeln für die Schleuder.

Мюленфлис, коммуна, находящаяся в Хоппенбрухе, к югу от Замка около самого залива, и Волигте, деревня, позднее получившая название Шифсграбен, относились к Бальге, так что, возможно, именно жителям Бальги они и обязаны своими именами. Пролив Нерунг (фарватер) напротив Бальги появился в первое десятилетие 14 века, и далекий водный путь у замка Лохштед едва ли мог прийти на ум, когда для крепости выбирали имя.

Благоприятное положение Бальги сделало замок ордена «ключом к восточным землям» Пруссии. Пруссы хорошо это знали и поэтому пытались отвоевать замок. Они взяли замок в осаждение, построили укрепления Партегал и Шрангенберг и планировали взять Бальгу измором. Гарнизон испытывал крайнюю нужду.

[illegible]

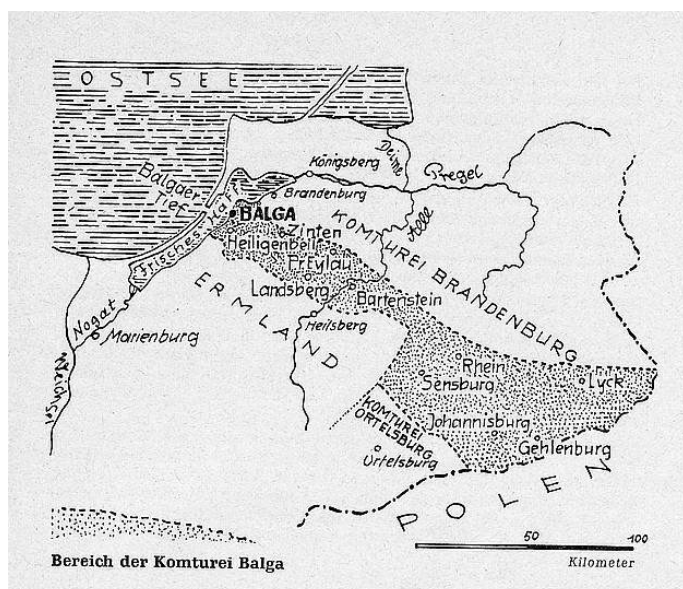

Tumulus (Hügelgrab), Inneres eines Grabhügels der jüngeren Bronzezeit. Das Grab wurde in Keimkallen bei der Aufteilung des dortigen Gutes in Siedlungen freigelegt und nach Balga überführt (ungefähr 1923-34). Weitere Funde befinden sich im Prussia-Museum in Königsberg.

Верхушки тех замков хранятся сейчас в поселке Партайнен (Нусберг) и в Гросс Хоппенбрухе (Шрангенберг). По прошествии года герцог возвратился в Нижнюю Саксонию.

Рыцари ордена захватили близлежащие к Бальге области и закрепились на них, построив новые замки. Уже тогда начались активные работы по строительству Бальги. Много раз Бальга упоминается как мощный рыцарский оплот. В то время как

герцог Померании Свантеполк (Святополк Великий) был побежден, и прусские области Погезания, Вармия и Натангия пали, Эльбинг и Бальга всё ещё сопротивлялись врагам.

По достоверным сведениям, с 1250 года Бальга была резиденцией комтура (духовного лидера) и рыцарского конвента. В 1251 году Эберхард фон Сайн, исполнявший обязанности Ландмейстера, утвердил дом ордена Эльбинг в качестве главной резиденции в Пруссии и резиденции Великого капитула. К нему в случае необходимости должны были присоединиться по меньшей мере восемь Братьев из Бальги и Христбурга. Это говорит о большом значении Бальги.

Во время Великого прусского восстания 1260-1273 годов Бальга была неуязвимой. В 1261 году, после неудачной для ордена битвы при Покарбене у селения Покарвис на реке Фришинг (Прохладной) 22 января ее пытались осадить, но напрасно.

Поводом для сражения послужили события в печально известной в истории Пруссии крепости Ленценберг, считавшейся усадьбой вождя Генриха Монте.

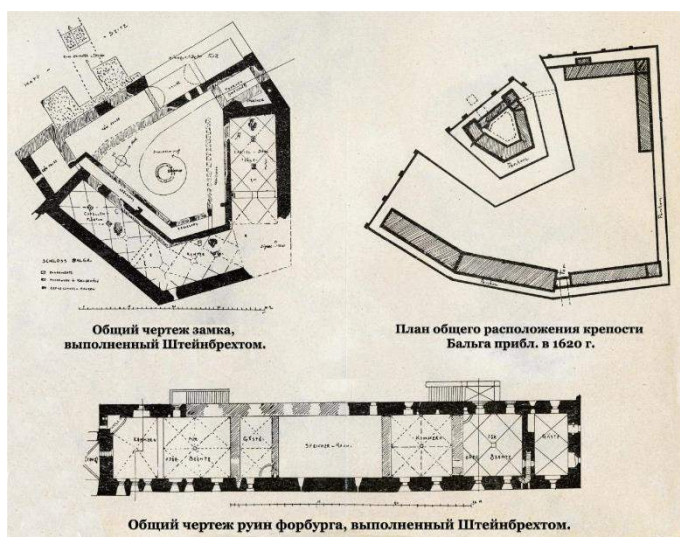
Занятая тевтонами крепость стала местом гибели нескольких десятков прусских вождей, приглашенных для проведения мирных переговоров, и коварным образом сожженных в одном из её строений. Это и вызвало волну прусского гнева и явилось поводом для Великого восстания. Именно за эти невинные жертвы мстили пруссы в битве при Покарвисе. После победы все пленённые немецкие рыцари были принесены в жертву прусским богам.

Крепость Ленценберг возвышалась на крутом берегу залива в районе современного посёлка Лодыгино, на северной границе «Ладушкинского городского округа». Здесь рельеф заметно повышается – это начало Вармийской возвышенности, которая живописно обрывается в Калининградский залив и на холмах которой лежит Ладушкин.

Покарбене устояла и в последующие годы. Когда Монте и Глаппе, предводители Натангии и Вармии, были казнены, орден поработил жителей этих областей. Они остались верны ему даже в 1277 году, во время прусского восстания в Погезании.

В семидесятых и восьмидесятых годах 13 века орден смог провести масштабную перестройку замка в камне. Конструкция главной крепости позволяет заметить, что строители ордена при возведении замка использовали прусский опыт строительства.

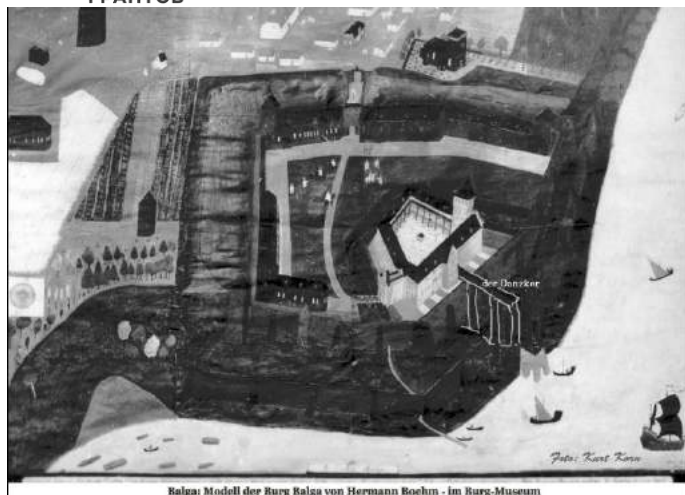

Главный замок представляет собой неправильный шестиугольник. Он состоит из трехчастного главного флигеля, зала капитула, трапезной (рыцарская столовая) и часовни, а также флигеля со стороны залива, в котором были расположены спальни. Во флигеле со стороны залива, с двух сторон огражденном высокими башнями, был данцер (туалет), из которого нечистоты сливалось прямо в залив. Вход туда поддерживался двумя

подпорками. На первом этаже флигеля со стороны залива располагались, вероятно, кухня и пивоварня, а над спальнями были хранилища. Непосредственно во флигеле со стороны залива, на северной стороне, были ворота. Эти сведения об укреплениях появились в основном благодаря Конраду

Штейнбрехту, который в восьмидесятых годах 19 века (примерно в 1880 г.) вёл раскопки на Бальге.

Balga: Modell der Burg Balga von Hermann Boehm - im Burg-Museum

Точное расположение данцкера установил житель Бальги, краевед и первый автор макета замка Херман Бём. Неясным остается то, была ли южная башня главной или всего лишь сторожевой.

Внутри главного замка по периметру трехчастного главного флигеля проходила крытая галерея, которая покоилась на массивных колоннах. В середине крепости был колодец. Его добавили уже в середине 19 века. В том месте, где он находился, до

недавнего времени росли липы и бузина. Вокруг главного здания располагался пархам (сад), отгороженный от стен замка рвом. Позже от всех укреплений остался только ров и несколько хранилищ.

Balga - Luftaufnahme 1923

В форбурге, к которому на севере ведет подъемный мост, непосредственно на крутых берегах залива располагались жилые помещения. Там были комнаты для гостей, которые позже были перестроены в жилые комнаты и кабинеты.

В 17 и 18 веках в них жили чиновники, например, окружной начальник и окружной писарь. В конце 17 века здесь размещалась школа. Между флигелем со стороны залива в форбурге и сторожевой

башней проходила крепостная стена, которая сохранилась до самого последнего времени.

В 1929 году угловая башня приобрела свой первоначальный вид. Руины 62 метра в длину, примыкающие к башне, представляли собой здание из трех этажей. На первом этаже были жилые помещения для высших чинов ордена, а также для знатных гостей. В камере рядом с башней был подвал. Лестница, которую еще можно разглядеть у стены, вела к дверям жилого помещения.

Burg Balga - Vorburg im Jahr 1939 - zu erkennen sind 2 Geschosse (im Turm 3) und Spuren von Kaminen. Zwischen dem 2. und 3. Geschoss des Turmes springt die Treppe im Innern in ein Türmchen vor. Diese Abweichung musste aus bautechnischen Gründen bei der Sanierung in Kauf genommen werden.

Burggraben der Burg Balga - 1935

Трактир «Burgkrug», построенный в 1939 году, был возведен на фундаменте одного из этих древних орденских строений.

На северо-востоке от форбурга, в 200 метрах от замка, располагались башни и госпиталь. На плане Бальги от 1810 года видно одно здание, построенное в поле.

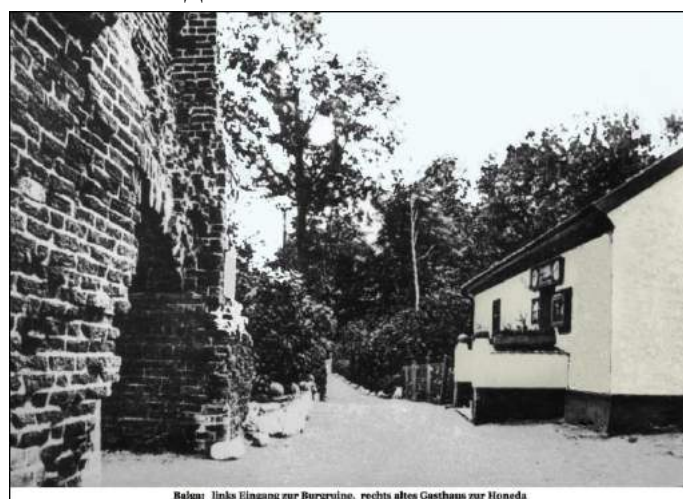

Ordensburg Balga von Norden 1300

1 Aussichtsturm 2 Baumeisterwohnungen 3 Äußeres Tor 4 Wirtschaftsgebäude 5 Wehrturm 6 Remter
7 Bergfried 8 Komturwohnung 9 Dansker 10 Kapelle 11 Ringmauer 12 Karwan 13 Inneres Tor

Средняя часть руин представляла собой зал на первом этаже, рядом с которым располагались жилые помещения. По сведениям Бернарда Шмидта, там, возможно, располагалась овчарня, спальня братьев ордена (пастухов и управляющих), которые ведали торговлей. В 1382 году в Бальге впервые упоминается о пастухе. Рядом с овчарней находилась квартира викария (который ведал делами церкви).

К руинам примыкали ворота форбурга, к которым снаружи вел разводной мост. Эта часть рва давно засыпана. От форбурга по направлению к заливу располагался комплекс зданий.

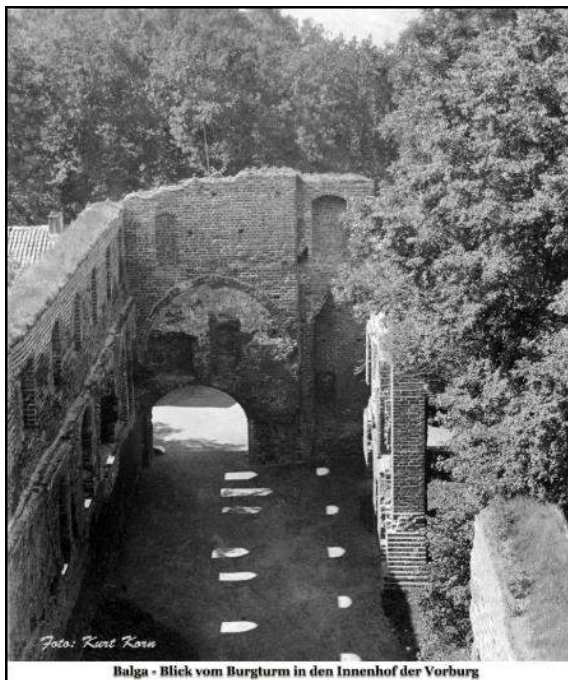
Balga: links Eingang zur Burgruine, rechts altes Gasthaus zur Honeda

Уже в конце 13 века Бальга стала одним из красивейших и самых укрепленных замков Тевтонского ордена. Его конструкция привела к разработке других строительных конструкций ордена, что было значительным изменением для немецкого средневековья. К сожалению, раскопки на Бальге нужно было проводить срочно, так что четкую и ясную картину расположения замка сложно себе представить.

Бальга был замком у залива, который благодаря Шиффсграбен и древней Волиitte (река) имел выход в залив и порт. Великий магистр Конрад фон Юнгинген в 1403 году отправился из Бальги на корабле в Байстерн.

В 1412 году конвент в Бальге владел двумя кораблями. У бухты Волитта жили фишмайстеры, чиновники ордена, которые поставляли рыбу для орденского стола. В 1337 году в Бальге впервые упоминается фишмайстер.

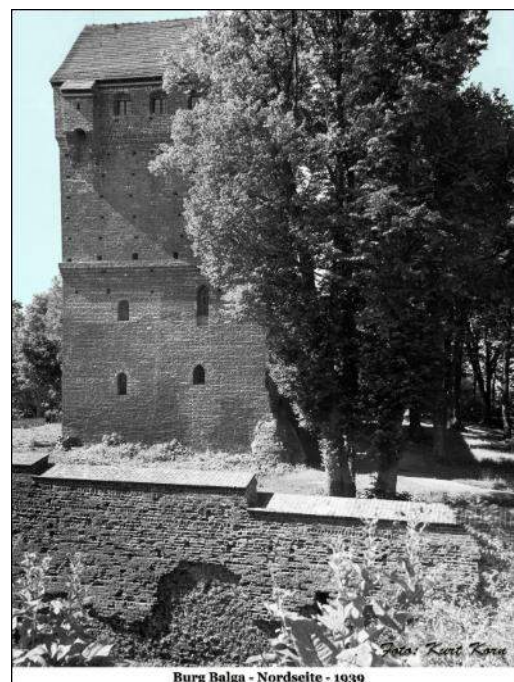

В период с 1250 по 1499 год Бальга была центром комтурства и рыцарского конвента, который состоял минимум из двенадцати рыцарей. Вероятно, до конца 13 века комтур Бальги был одновременно фогтом Натангии. С середины 14 века он является исключительно фогтом Натангии. С 1451 по 1499 год комтур считался Верховным интендантом (ответственным за военную технику), который был военным советником и высшим чиновником ордена в комтурстве. Под покровительством комтура Бальги в 1400 году также находился суд (ланддинг) комтурства Бальги. Он также обладал известным влиянием.

Вследствие своего выгодного расположения и своей силы Бальга была одной из самых важных крепостей Тевтонского ордена в стране. Комтуры Бальги действовали от залива и до польской границы расширяющегося комтурства. Многие комтуры Бальги заняли самое высокое положение.

30. Замок на полуострове Бальга

В 13 веке Бальга стала отправной точкой для многочисленных завоеваний прусской земли, областей Вармии, Натангии, Земландии, а позже также и Литвы. В сообщении «Hohenloheschen Bericht» говорится: *«От замка были завоеваны и крещены все земли Натангии, Малой Бартии и Большой Бартии, Погезанской земли (Погезании) и Витании, земли веведов (около Мельзака) и земли Схлуниен (около Калген). И покрестились все и стали подчиняться Ордену».*

В 1300 году Бальга стала центром оживленной деятельности в районах Хайлигенбайль и Прейсиш-Эйлау по основанию новых населенных пунктов. После 1320 года эта деятельность стала особенно активной. В первой половине 14 века появилось около пятидесяти немецких деревень в Вальдаме Ейзенберг, после чего были основаны оба города, Хайлигенбайль и Цинтен, а позже город Ландсберг. После разделения Бартии в 1326 году комтурство Бальги получило часть обширной местности, в которой комтурство основало крепости Бартии в 1325 г, Лейненбург

в 1326 г, Растенбург примерно в 1329 г, Йоханнесбург в 1345 г, Зеехестен в 1350 г., Рейн незадолго до 1376 г и Лик в 1398 г. Кроме уже названных городов, на территории комтурства Бальги были основаны крепости Бартенштейн и Прейсиш-Эйлау, а также города Кройцбург, Бартенштейн, Шиппенбейль, Рейн, Зенсбург, Лик и др.

Бальга стала источником распространения немецкого права и немецкого языка, немецкой культуры и христианской веры. Комтуры Бальги отправляли немецких строителей в города и деревни, чтобы строить церкви и ратуши, а также отправляли священников, чтобы те возвещали Слово Христа. Войны и насильственные переселения не смогли искоренить самобытные черты немецкой нации.

Balga - an der Burg 1935

В военное время Бальга образовывала твердый оплот против врагов. Ее стены останавливали штурмы литовских и польских отрядов, останавливали повстанцев. А когда они, подобно Альбрехту Каршау после проигранной битвы при Танненберге и Ремшелю фон Криксен в начале 13-летней войны, занимали крепость Бальга, их правление было кратковременным и не оказывало значительного влияния.

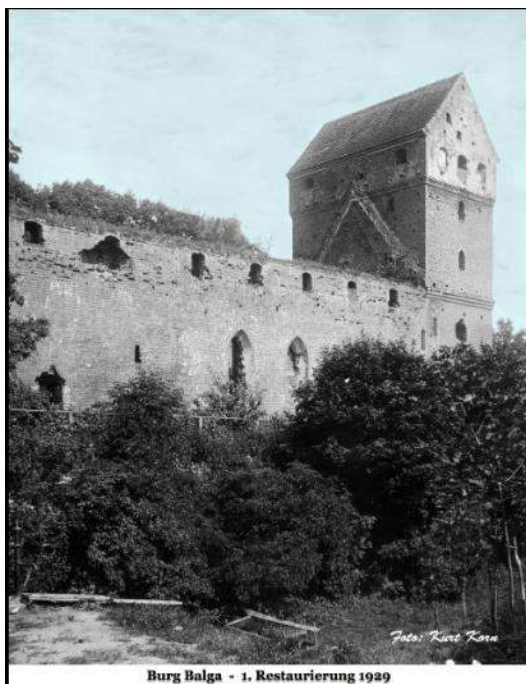
В 1457 и 1518 годах Бальга была основательно обновлена.

Оборона крепости Бальга
Настенное изображение в Большой трапезной Мариенбурга
Западная Пруссия
Картина профессора Шалпера - Ганновер

В 1516 году Великий магистр Альбрехт защитил главную крепость от огнестрельного оружия стенами, которые можно видеть и в более поздние дни.

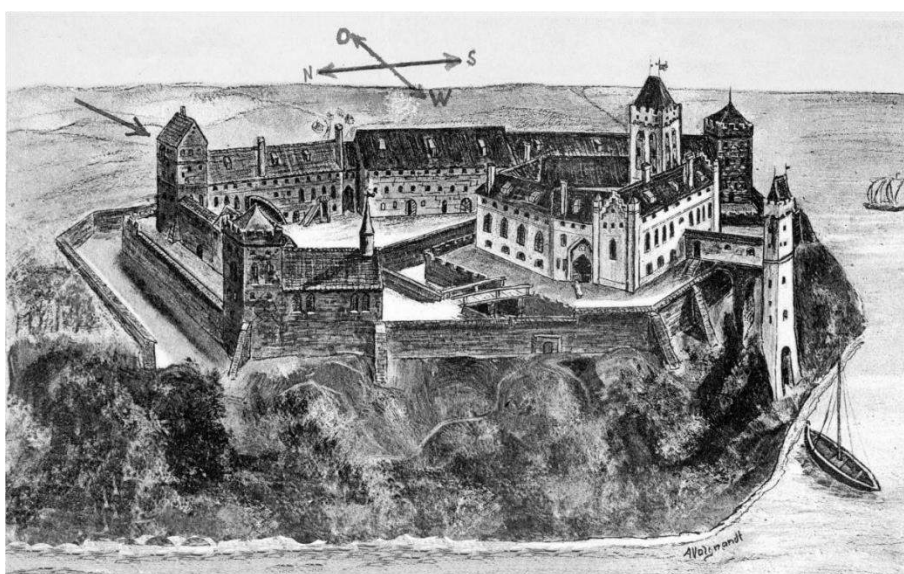

Burg Balga - 1. Restaurierung 1929

Они хорошо послужили замку в 1520 году, когда поляки окружили крепости и в течение трех дней вели обстрел. Позже Бальга только однажды сыграла роль в военных действиях. Когда король Швеции Густав Адольф осадил Пиллау, он сделал Бальгу под руководством Оберста фон Вюрцбурга на короткое время своей шведской базой. Об этом времени напоминает заложенная в мае 1627 года дорога «Schwedenweg» или «Hohlweg», которая ведет от деревни к заливу.

Бальга потеряла свое стратегическое значение, когда в конце 16 века залив был занесен песком и обмелел. Стены замка повреждали ветер и непогода, ледоходы и волны залива, однако людская халатность и равнодушие также сыграли роль в его

разрушении.

1239 замок завоеван и вновь построен Тевтонским орденом
1242 - 53 и 1263 - 73 Прусское восстание
1620 шведская осада - 1770 каменоломня для постройки Пиллау

С 1525 года и до самой своей смерти в 1550 году Георг фон Поленц, первый прусский протестантский епископ, жил в Бальге. Герцог Альбрехт сделал его чиновником и обеспечил ему пожизненный доход. Именно епископа обвиняют в том, что он проявлял халатность и не уделял должного внимания состоянию построек на Бальге.

В 1565 году Бальга все еще была крепкой постройкой, но ее упадок был уже не за горами. В 1584 году во флигеле главного здания со стороны залива появились глубокие трещины. Данцкер, находящийся у залива, был сильно поврежден. В 1620 году вода почти затопила основные стены. Известно, что во время шведской войны 1620 года король Густав Адольф использовал Бальгу как свою базу. Позже в одном из помещений крепости был открыт трактир, а башня служила маяком.

В 1687 году Георг фон Шлюбхут («25 августа 1731 года военный советник фон Шлюбхут (Schlubhut) был повешен во дворе Замка за растрату казённых денег». Х. М. Мюльпфорд «КЁНИГСБЕРГ от А до ЗЕТ»). Любопытно было бы уточнить тот ли?..) устранил основные дефекты в исторической трапезной для рыцарей, служившей теперь в качестве спальни. В 1699 году разрушилось несколько сводов главного здания. Окружной чиновник и писарь в то время уже переехали в форбург.

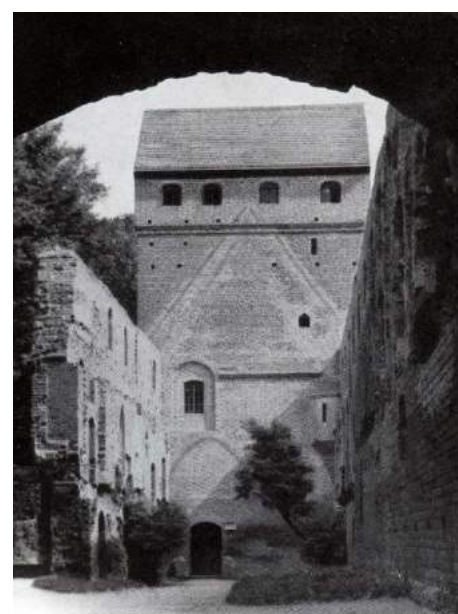
Окончательное разрушение замка Бальга началось, когда после королевского указа от 28 января 1701 году тысячи камней были взяты отсюда для строительства крепости Пиллау. Для этого использовали большое количество камней из Бальги и из других мест в округе Хайлигенбайль. Вскоре практически все главное здание, кроме пивоварни, исчезло. В 1806 году оно полностью обветшало, а в 1810 году прекратило свое существование.

В 1525-1752 гг в замках Бальги жили высшие чины ордена, их представители, или действующие главы администрации Бальги. Кроме того, здесь также жили окружной писарь и секретарь суда. Главные орденские чины, а также их представители и действующие главы администрации Бальги несли

ответственность за обитателей крепости, за гражданское, уголовное и полицейское правосудие, а также за передовые оборонительные сооружения.

Высшие чиновники должны были ремонтировать и содержать замки, в которых жил король Фридрих Вильгельм I, причем на их содержание по распоряжению короля тратилось ежегодно только 500 талеров. На помощь государственной казны можно было рассчитывать только в случае больших разрушений. В Бальге же ничего нельзя было сделать, так как разрушение главного замка зашло слишком далеко.

Die Küste von Balga

Разрушение форбурга зашло еще дальше – в 1718 и 1741 годах частые штормы сильно повредили флигель форбурга со стороны залива. В 1753 году он полностью разрушился. В 1811 году крыша была разобрана, а балки распроданы. Сторожевая башня Зегертурм (часовая башня), которая в конце 17 и 18 веков имела часы и колокольню, в 1807 году превратилась в конюшню, а позднее там

содержали крупный рогатый скот.

В эпоху романтизма каммер-президент фон Ауэрсвальд решил сохранить руины. Возможно, за их сохранение стоит также благодарить строителя Карла Фридриха Шинкеля. В 1836 году у замка появилась новая крыша.

Burg Balga 1909 - in diesem Jahr erfolgte die 1. Instandsetzung

Шинкель посетил Пруссию и Бальгу во время командировки и написал в своем дневнике:

«Бальга, 28 июля 1834 г.

Знаменитый древний замок Бальга располагается в заливе Фришес Хафф. Высота его фундамента 70 футов. Стоит он в самой что ни на есть плодородной местности, однако теперь видно лишь остатки старой трапезной с примыкающей башней, кроме высоких стен с широчайшей кладкой, которые тянутся на огромное расстояние. Мощь этого разрушающегося строения, которое находится посреди прекрасной природы высоко над уровнем моря, настолько поражает воображение, что чиновники обязательно должны позаботиться о сохранении этих руин».

31. Кирха на Бальге

Всякий раз, когда в орденских книгах упоминается церковь на Бальге, то имеется в виду часовня в орденском замке.

Foto: Karl Korn

Balga 1938 - „Kirche zum Heiligen Nikolaus“

Balga - Kirche - evang.-luther. Beichtstuhl

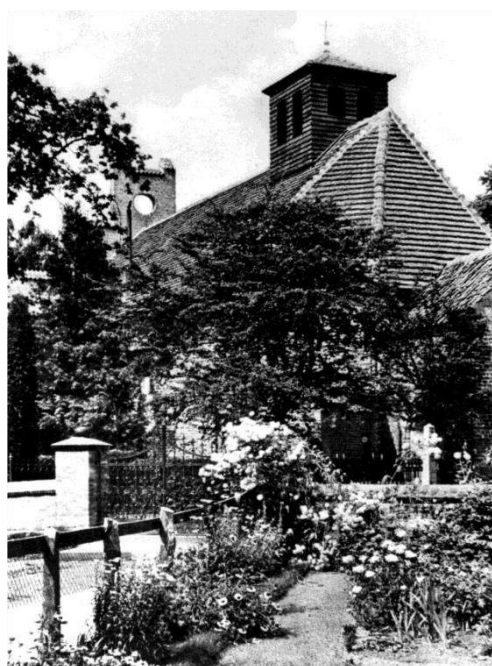
Она была чрезвычайно богато украшена золотой и серебряной церковной утварью, множеством изящных риз, алтарными скатертями, коврами и духовными книгами. Существовал образ Богоматери (Frowenbild off dem Huse zsur Balge), для которого Ренскрюгеры (держатели постоянных дворов) в соответствии с оформленной в 1350 году и обновленной в 1387 году официальной бумагой ежегодно должны были поставлять половину куска каменного воска (позже ежегодно 4 марки). Кроме того, ежегодные налоги на Сретенье в размере 18 марок выплачивали жители деревень Зонненштуль и Пагендорф на содержание крепостной капеллы, а позднее ставшая деревенской кирхой.

Как деревенская церковь, она

упоминается лишь в конце правления ордена. В 1499 году сын школьного учителя Гансвальде должен был заплатить 15 марок штрафа Свято-Никольской церкви на Бальге за убийство священника, а в 1500 году фогту Прейсиш Эйлау настоятельно порекомендовали заплатить 10 марок на содержание «кирхи Святого Николая в замке Бальга». Во всяком случае, она была построена в самом конце 13 века для ремесленников, рабочих и слуг, которые жили перед "домом" (замком).

Balga 1938 - Die Kanzel in der Kirche zum „Heiligen Nikolaus“ - unter der Kanzel Moses

Кирха в Бальге

Однонефная церковь, построенная без башни, имела форму вытянутого прямоугольника, который с восточной стороны был закрыт с трех сторон; здесь располагалась сакристия. Внешние стены были сложены готической сцепкой, такая кладка образовывала рисунок в виде «ромба» или «змейки». «Стены не имели контрфорсов, поэтому нечем было поддерживать арочные своды». За высоким алтарём церкви Святого Николая располагались, привлекающие внимание простые узкие окна, которые заканчивались остроконечными сводами, закрытые поразительно широкими круглыми профилями брусьев, заметные на углах здания, что свидетельствовало о древней постройке деревенского храма.

Никольская кирха в Бальге – готический западный портал

Стоит обратить внимание не необычный средневековый западный портал. Дверь расположена глубоко в сводчатой, богато сочленённой нише и закрыта широкой рамой – своеобразной полосой с пересекающимся равным поперечным орнаментом. Четырехступенчатые резные арки, были выполнены вручную из необработанной сухой глины и затем обожжены. С обеих сторон портала находилась панель со вставленной заостренной аркой. Законченность им придавала кайма в виде полосы с характерным орнаментом в качестве верхней отделки.

Похожий нарядный портал имела только кирха в Хайлигенбайле. Обе кирхи были построены в одно время, между 1320 и 1330 годами.

В 1518 году кирху планировали снести и перестроить в другом месте. В таком случае нужно было перенести и захоронения. Епископ Хайльсберга уже дал на это разрешение. Возможно, надвигающаяся «война всадников» (1520-21) нарушила все планы. В 1586 году церковь обветшала и была восстановлена в 17 веке. В 1642 году в церкви был уставлен орган с 12 трубами. Церковные колокола висели в отдельно стоящей колокольне, которая была перестроена в 1764 году. Сигнатурка, где висел колокол, была возведена в 1936 году.

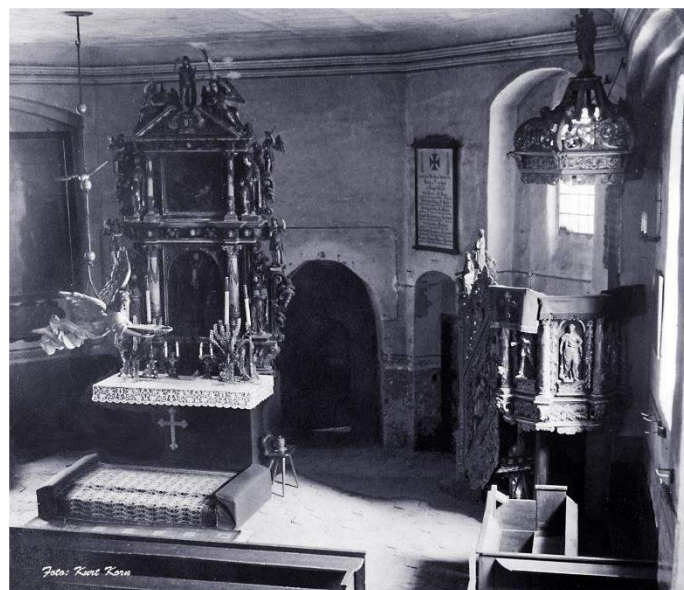

Balga - Altar der Kirche zum „Heiligen Nikolaus“

Церковный инвентарь на 1575 год состоял из четырёх серебряных потир для богослужения при освящении вина и принятия Святого Причастия – глубокие чаши на длинных ножках весом в 2½ фунта с небольшим круглым основанием из золота или позолоченного серебра, возможно, украшенные драгоценным камнем, – а также золотых или из позолоченного серебра блюдца для гостий (хлеба для евхаристии – причастия), оловянной потиры, оловянной фляги для лампадного масла, двух медных напольных алтарных подсвечников, двух древних священнических облачений, богослужебных книг, двух старых купелей и сосудов для омовения, а особый интерес был к одному старому кованому сундуку.

Вероятно, интерьер церкви был изменен в 1844 году, когда западный фронто́н был перестроен и сама церковь была обновлена.

Довольно простой и плоский деревянный потолок опирался на пилястры, соединенные друг с другом арками. Алтарное украшение было выполнено в 1649 году в стиле барокко и содержало три картины: «Распятие», «Положение во гроб» и основная в триптихе – «Тайная вечеря». Все это венчала резная деревянная фигура Христа. Появившаяся в 1650 году церковная кафедра в 1693 году была обновлена и заново украшена. Кафедру украшала фигура Христа с ягненком, по бокам ведущей к ней лестницы стояли также резные деревянные фигуры Петра и Павла. Исповедальня в церкви появилась в 1698 году, раньше, чем ангел, парящий под потолком, и установленный орган, появившиеся в церкви в начале 18 века.

Бальга: Кирха – Алтарь середины 17 века и кафедра

Эпитафия священника Балтазара Зигфрида (†1630) содержала картину распятия. Кроме того, в кирхе висели портреты священников Копинуса, Штайнвендера и Шнеллера, которые служили в церкви на Бальге в 19 веке.

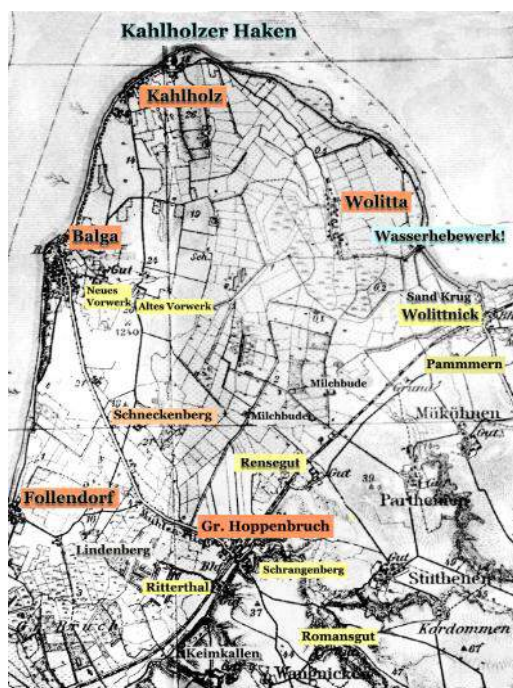
von links: Kirchengestühl der kurfürstlichen Regierung, die in den Jahren 1642-1643 wegen der ausgebrochenen Pest in Königsberg ihren Sitz nach Balga verlegte. - Weihwasser-Becken, 1603-1698 als Taufstein benutzt. Engelsfiguren von 1715, früher in der Kirche Balga vor dem Altar zu Taufhandlungen aufgestellt.

В этом же музее крепостной башни находились ещё две фигуры ангелов 1715 года, стоявшие когда-то перед алтарем в церкви, и каменная купель для крещения, использовавшаяся приходом с 1603 по 1698 год.

Выставленная в местном музее, расположенном в крепостной башне, скамейка с символами Веры, Любви, Милосердия датируется временем, когда из-за чумы в Кенигсберге избирательное правительство располагалось на Бальге с 1642 по 1643 год.

Balga Kirche - Treppenaufgang - Ost- und Nordseite

К церковному приходу Бальги относились деревня и поместье Бальга, а также деревни Гросс Хоппенбрух с Шрангенбергом, Кольхольцем, Волитта, Фоллендорф с Линденбергом, Риттерталем, с 1564 века Ньюеккен, Ренгегут и Романсгут.

Из-за малого прихода эти три деревушки отошли к церкви на Бальге. В 1680 году площадь прихода составляла 124 хуфа, 26 моргенов и 37 рут.

Богослужение в деревенской церкви во время ордена, безусловно, совершали священники и капелланы орденового замка. Имена некоторые из них известны, поскольку присутствовали в качестве свидетелей при оформлении документов и официальных бумаг или даже в качестве писарей. Например, священник Якоб

Кустьфельд в 1508 году подписал соглашение 3 июля с трактирщиком Климентом Лангом из Шёлена о погашении долга в размере 100 марок в счёт казны деревенского прихода «церкви Святого Николая на Бальге» в рассрочку. Известны также и имена некоторых капелланов.

Das Pfarrhaus in Balga

После распада Тевтонского государства и проведённой Реформации, с 1546 года на Бальге появились протестантские священники. Поскольку Никольская церковь изначально находилась под совместным управлением с орденскими монахами, то условий для проживания и содержания приходской семьи никаких не было.

У священников не было своих земельных наделов. Для выплаты жалования священникам использовали доходы старейшей орденовой капеллы.

В 1575 году священнику полагалось жалование в размере 70 марок, и в тоже время главный управляющий ведомства предоставил ему шесть моргенов в поле. От замкового поместья священник ежегодно получал один ласт ржи и один ласт ячменя.

Бальга – Катцентайх – Школа и церковь - 1934

Balga - Blick von der Burg nach Kahlholz

Спустя, однако, сто лет, как сообщается в 1680 году, священник всё ещё не имеет земельного надела, и от ведомства он получает по одному ласту зерна и солода. Лишь в 18 веке земли были переданы приходу. В 1781 и 1819 году духовные лица на Бальге пользовались земельными наделами площадью 2 хуфа 19 моргенов 294 руты по кульмскому праву или 181 морген 8¼ руты по прусским меркам.

Das Pfarrhaus einige Jahre später

Эти поместья священник обрабатывал сам или сдавал в аренду, в большинстве случаев крестьянам Бальги и Кальхольца.

Первый церковный хозяйственный двор появилась на Бальге в 16 веке. Однако в 1575 году хозяйство не имело собственного инвентаря, а в 1586 году совсем обветшало.

Последний дом священника с большим садом и красивой живой изгородью был перестроен и расширен в 1909 году.

Летом 1939 года саперный взвод привез из Эльбинга большой валун с пляжа у залива и установил его на деревенской улице перед домом священника, как памятный знак в честь

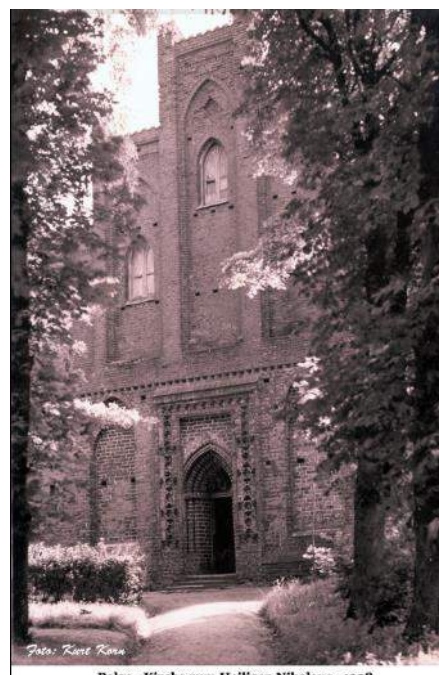
Balga - Gedenkstein vor dem Pfarrhaus zur 700 Jahrfeier

700-летия Бальги, который был торжественно открыт 1 июля 1939 года.

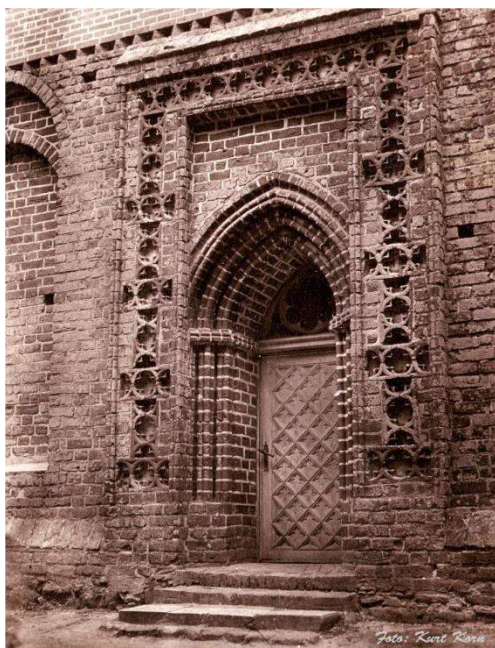
32. Портал кирхи Бальга

На мысе, выступающем в Вислинскую лагуну, стоял Командорский замок Бальга, который был важной административной резиденцией тевтонских рыцарей.

Как ранее мы успели рассказать, церковь на Бальге была построена за стенами крепости, у замка Бальга.

Balga - Kirche zum Heiligen Nikolaus - 1938

Бальга: портал кирхи Святого Николая

Церковь строилась между 1320 и 1330 годами из обожженного кирпича и местного строительного материала.

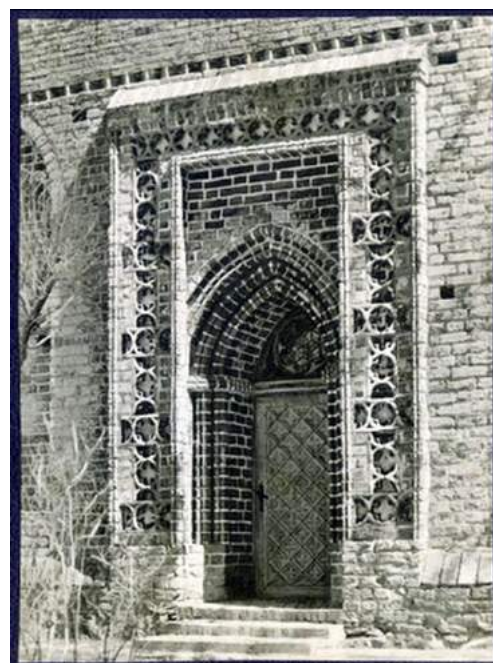
Особой достопримечательностью этой деревенской кирхи являлся её удивительный узкий портал. К слову сказать, и это не станет преувеличением, достопримечательность церкви на Бальге служила не только достопримечательностью деревни Бальга, но и всего края, для которого значимость замка Бальга, ставшего отправной точкой при завоевании прусских земель вглубь на восток, выражалась в содержании деревенского прихода «церкви Святого Николая на Бальге».

О богатстве церковного прихода мы уже упомянули в прошлый раз, чуть описали и оформление нарядного портала, но всё же решили немного задержаться у легендарного западного фасада этой церкви.

Необычный для деревенских церквей портал поражал стройностью по своей структуре, но, учитывая, что церковь на Бальге служила часовней орденского замка, имевшего важное значение для рыцарей-крестоносцев, вход воплощал собой своеобразный вид на христианское начало в языческой Пруссии.

Реальное воплощение нравственного идеала рыцаря-крестоносца в образе жизни рыцарей из замка Бальги в Пруссии видел и Петр из Дусбурга. *«Какова была чистота жизни, и какова добродетель воздержания, и какова суровость правил дисциплины среди братьев Балги... — пишет он в «Хронике земли Прусской», — неведомо никому, кроме Того, Кому открывается каждое сердце и от Кого ничто не утаивается. Молельни почти никогда не бывали без молящегося, и не было угла в упомянутом замке, где после вечерни и заутрени не оказывался бы какой-нибудь брат, занимавшийся самобичеванием».*

Несомненно, этот образ соответствует аскетическому идеалу, а, значит, должен быть воплощён и в архитектуре, — а именно в стройном средневековом художественно-декоративном ансамбле портала из четырёхступенчатых пилонов.

Balga - Kirchgängerin

Искусно выполненный декоративный орнамент из обожженной глины обрамлял вход в дом Божий на Бальге и направлял все взгляды внутрь, словно приглашая войти. Дверь была расположена глубоко в сводчатой, богато сочленённой нише и закрытой широкой рамой – своеобразной полосой с характерным поперечным орнаментом. Вход разделялся устремляющимися вверх стрельчатыми сводами и глубокими рамами. Законченность порталу придавала кайма в виде полосы с узнаваемым орнаментом в качестве верхней отделки. Небольшая лесенка создавала удивительный архитектурный эффект. Видимый торцевой орнамент и боковые стрельчатые окна визуально

смягчали тяжелую конструкцию здания.

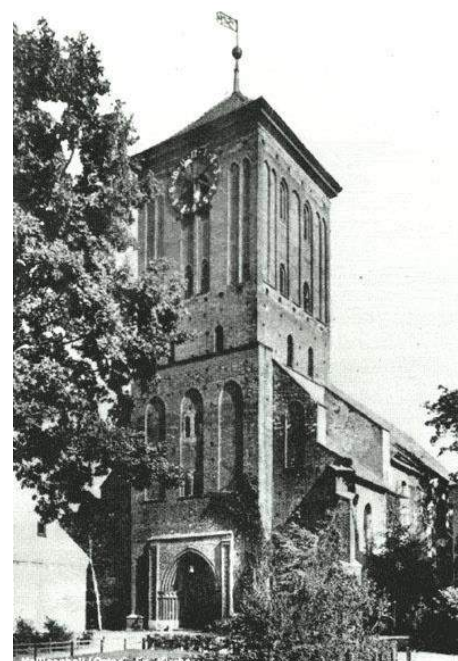
Мало где существовали, сохранившиеся орденские постройки, по которым можно было изучить работу с обожженным кирпичом. Сохранилось несколько фотографий церкви на Бальге, но эффект работы с кирпичом хорошо виден только на одной фотографии. Мы видим каждый кирпич, четко видим все швы, можем узнать размеры и расположение кирпичей.

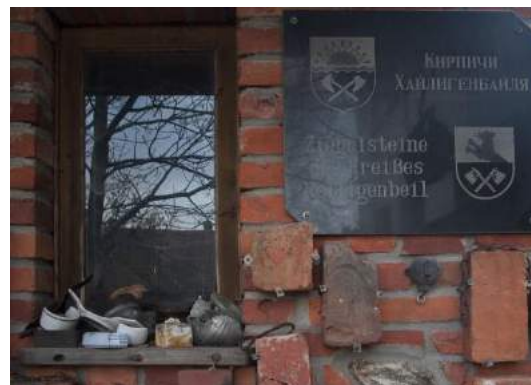
Такое же необычное и очаровательное впечатление производит главный портал лютеранской приходской церкви в Хайлигенбайле и также лишь на фотографиях...

Изначально однефная церковь из обожженного кирпича была построена в одно время с церковью на Бальге и той же артелью каменщиков. А то, что она уже существовала в 1330

году доказывает старейший документ, в котором упоминается город под именем «Heiligenbeil» с церковью, выполнявшей оборонительные функции, построенной на священном для пруссов месте...

Кстати! А те самые кирпичи с замка Бальга вы непременно найдёте в частном музее... Верно! У Дмитрия Адольфовича. Его частная коллекция поражает своим многообразием, но с особым трепетом демонстрируются те самые – древнейшие на земле нашей...

33. Популярность Бальги

An der Burg Balga - 1935

Растущая популярность Бальги среди туристов, осознание ценности культурного наследия родины после Первой мировой войны привели к тому, что исторические места и постройки начали восстанавливать и охранять. Районному администратору округа Крайс Хайлигенбайль д-ру Фридриху Грамшу удалось получить средства на восстановление разрушенной сторожевой башни в её первоначальном виде.

Burg Balga 1939 - nach der Restaurierung und Eröffnung eines Heimatmuseums

Строительная фирма Werning из Хайлигенбайля в 1929 году провела реконструкцию. Первый этаж башни имел цилиндрический свод. Выше располагалось еще пять этажей, первые два из которых имели простые перекрытия и деревянный потолок. Верхний, под самой крышей, этаж являлся оборонительным.

С 1931 года власти округа Хайлигенбайль организовали в сторожевой башне краеведческий музей, которым управлял автор этих строк, ученый-краевед и историк Бальги Эмиль Иоганн Гутцайт.

Когда в 1939 году на фундаменте бывшего форбурга был построен новый трактир «Burgkrug», Бальга стала одним из самых привлекательных и посещаемых мест залива Фришес Хафф.

Balga 1938/39 der neue Burgkrug - erbaut vom Fremdenverkehrsverband Ostpreußen und dem Kreis Heiligenbeil
Pächter Konrad Jordan - links der alte Burgkrug, er wurde geschlossen

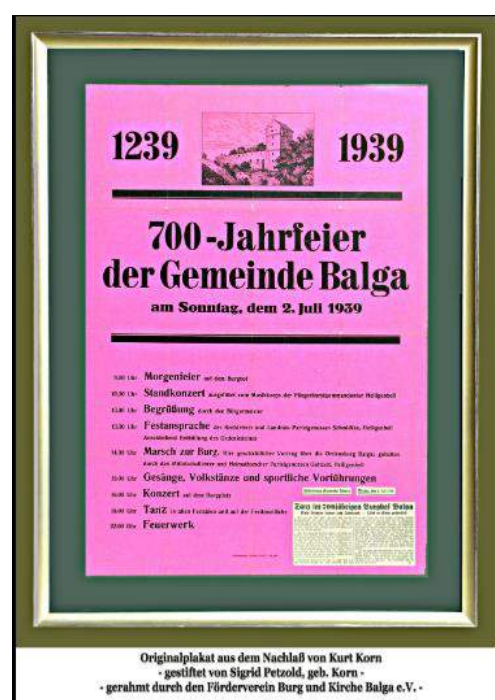
700-летний юбилей Бальги стал исключительно самым красивым, восхитительным и посещаемым праздником, который и сегодня многие соотечественники с нескрываемым восторгом вспоминают.

Специально изготовленные для этого праздника 1200 памятных значков были раскуплены уже к полудню, а гостиницы Бальги не могли вместить всех посетителей. По случаю своего 700-летия Бальга получила звание образцовой деревни, и ей был пожалован специальный значок барона фон Штайн.

Те дни, 1 и 2 июля, 1939 года стали последним кульминационным моментом в истории Бальги.

В конце злополучной Второй мировой войны столь почитаемые руины Бальги были уничтожены.

Только жалкие остатки стен и камни фундамента, скрытые под землёй, смогли пережить падение Бальги.

Кстати, о трактирах на Бальге...

Alter Burgkrug Balga - Gastwirtschaft zur Honeda

В орденские времена в замке Бальга проживало множество людей: рыцари ордена, священники, кнехты, наемные работники и прислуга. Как правило, здесь также жили нотариусы, писари и переводчики. Сюда часто приезжали гости. Любопытно, что в 14 веке многие люди имели фамилию Бальга. Возможно, они были родом отсюда.

1437 году в Бальге жили 36 монахов ордена, а в 1508 году в замке насчитывалось уже 50 человек. Обо всех нужно было заботиться – снабжать и кормить.

За это отвечали, в частности:

*кюхмейстер –
ответственный по кухне

(Küchenmeister); келлермейстер – ответственный за подвал (Kellermeister), который, скорее всего, отвечал за хранение запасов продовольствия и обеспечением всем необходимым проживающих в замке впрок;

*фишмейстер – ответственный по рыбному хозяйству (Fischmeister);

*шухмейстер – ответственный за обувь (Schuhmeister), починка обуви, её пошив и доставка сырья для ремонта и изготовления обуви ложилось на плечи этого немаловажного лица любого орденского замка (наверное, каждый готов представить те средневековые дороги, нередко являвшимися дорогами войны и во что превращалась обувь шагающих по тем дорогам того европейского качества);

*мюльмейстер – главный мельник (Mühlmeister), как мы помним, в орденские времена помол зерна можно было осуществить исключительно на орденских мельницах, или имевших разрешение на помол от ордена, контролировавшего эту деятельность, строгое наблюдение оборота сопровождалось сбором налога, а главный мельник замка Бальга следил за помолом зерна на ветряной мельнице, которая существовала уже в 1447 году, позднее в самом начале 16 века здесь появится водяная мельница прямо на берегу залива к югу от Бальги, и в то же время мюльмейстер занимался поставками муки с мельницы для Бальги;

*вихмейстер – ответственный за скот (Viehmeister), а как же без скотины-то... сюда же, помимо скотоводства, относится и птицеводство и коневодство;

*фирмариенмейстер или кrankenмейстер – ответственный за лечебное дело (Firmarienmeister, Krankenhausmeister), задачей этого лица была одна из первой составляющей ещё при образовании самого братства: в создании госпиталя для больных и раненных, поэтому обеспечение всем необходимым для орденских больниц – не последний вопрос в каждом орденском замке.

О потребностях поселенцев замка и многочисленных посетителей заботился трактир, он был впервые упомянут в 1430 году.

Комтурство (административная единица рыцарского ордена) отслеживало поставки для замка в фиксированные сроки зерна, гусей, курей, рыбы, меда, воска и прочего, так что зачастую имелись в наличии

огромные запасы продовольствия, а также оружия и боевой техники. *«Комтурам (командирам) дано указание держать запасы продовольствия в течении двух лет, чтобы иметь резерв на случай нужды».*

Комтуры замка получали большинство продуктов из собственного хозяйства, при каждом замке был свой хозяйственный двор. Земельные угодья располагались в защищённой области вокруг замка, и примерно составляла 338 га. Здесь держали лошадей, крупный рогатый скот, овец, свиней, а зачастую держали и пчел.

Хозяйственным двором заведовал «хофманн» (дворецкий), на Бальге о нём упоминается с 1408 года. Он руководил, прежде всего, полевыми работами, а «хофмутер» (переводится дословно, как «мать двора», но всё же переведём слово, как дворецкая), в большинстве случаев это жена хофманна, руководила скотным двором. Поэтому ее также называли скотницей.

Примерно в 1400 году земледелие (пахотное хозяйство) для ордена стало важнее, чем скотоводство.

Hof in Groß Hoppenbruch - 1936

Bauernhaus in Balga - 1938

Земли хозяйственного двора обрабатывали во времена ордена крестьяне близлежащих деревень и наёмные работники, а в герцогский период и позднее – крестьяне трудовых колоний, шарверкбауэры, имевшие обязательства перед законным владельцем пахотных угодий (в случае хозяйственного двора на Бальге – управляющим замка) собственной техникой и на собственных животных

обрабатывать замковые владения, а также выезжать на заготовку зерна, сена и леса, строительство дорог и другие общественные работы в замке, а зимой – в поставке муки. Эти крестьяне получали землю и строения от замка в долгосрочную бесплатную аренду и, как зарегистрировавшие владения, могли управлять хозяйством всю жизнь и передавать его по наследству одному из своих детей. Такого крестьянина нельзя было без всякой причины лишить двора, но и ему невозможно было покинуть его без разрешения управляющего замка. Об этой крестьянской трудовой колонии мы подробно рассказывали на страницах проекта во время работы в Краснознаменском районе – этот класс отчётливо формировался именно при колонизации востока прусской провинции.

Balga - Bauernhaus von Hermann Boehm, links Artur Tiedmann, rechts kommt dann das Pfarrhaus

Начиная с 15 века, крестьяне стали селиться близ замка Бальга, на его хозяйственных (пахотных) землях. Например, в церковном приходе Бладиау существовали целые крестьянские трудовые деревни Кёнигсдорф и Хальбендорф. Позднее крестьяне-землепашцы имели право на свободу передвижения, они заключали с управляющими замковых владений

трехлетний договор с правом покинуть свое место, уведомив за два месяца об этом, если нашли себе замену.

На рубеже 16 и 17 веков организация работы изменилась. Пахарей освободили от этой обязанности, а за плуг поставили волов.

По поручению комиссии (Visitationskommission), проверявшей в 1583 году хозяйство на Бальге, десять из двадцати крестьян должны были пахать землю, согласно принятых стандартов.

Для этого нужно было использовать три тяжелых немецких плуга, которые лучше справлялись с сорняками. Каждый крестьянин-земледелец обязан был обрабатывать один морген земли, а в качестве оплаты труда шли продукты, так как должность его приравнивалась к роттауренам (Rottauern) – женатым кнехтам-пахарям.

Balga - Viehwirtschaft auf grünen saftigen Wiesen

Большое значение замком Бальга придавалось содержанию лошадей и крупного рогатого скота. Для большого количества лошадей и рогатого скота держали обширные поля, луга и пастбища. Крестьяне-земледельцы и наёмные работники не имели в собственности землю или имели, но совсем небольшие наделы. И церкви также ничего не выделялось.

Balga - Herr Augustin trägt die Post aus

Только у трактирщика (хозяина постоянного двора) была своя пахотная земля, переданная во владение ещё в 1559 году. До 1826 года трактирщик был также деревенским старостой (вершил правосудие), он пользовался известной властью. К его двору были прикреплены двенадцать крестьян-шаркверков, которые, кроме своих прочих повинностей, должны были «разносить письма».

Большинство фотографий с Бальги, благодаря которым мы имеем представления о территории полной таинственности и имевшей однозначно важнейшее значение, как ставшей отправной точкой при завоевании прусских земель вглубь на восток, сделал Курт Корн в 30-е годы 20 века, учитель средней школы, сын Гертруды Корн и Оскара Корн – главного секретаря почты.

Семья Фриды и Карла Корн владела рестораном Зандкруг у вокзала Волигт.

Kahlholz - Geburtshaus von Oskar Korn

Бальга хоть и лежит прямо на берегу лагуны, но она никогда не была рыбацкой деревушкой. Только трактирщик, согласно своему положению получил в 1536 году право рыбачить в заливе 15 сачками и небольшими снастями для нужд своего стола. В 1559 году это право было расширено: трактирщик мог рыбачить в заливе 30 сачками, шестью сетями и одним донным неводом.

Лишь намного позже рыбаки Бальги получили право рыбачить в заливе. Рыбный промысел Бальги не имел постоянного значения. В последующие годы жены рыбаков носили свежепойманных угрей, судаков, ершей и других рыб по домам жителей Бальги. Блюда из угрей, приготовленные в гостиницах, а особенно в гостинице Шрёдера, по праву высоко ценились.

Трактиры ещё в 16 веке становились основными пунктами торговли и транспортных путей. Крюгеры (фермеры с правами на продажу пива, содержание трактиров и постоялых дворов) назначались государственными лицами, это были, в основном, немцы с большим земельным наделом. У них было право не только на продажу официального монопольного пива и ведомственного бренди, но и разрешение торговать различными товарами (торговля мелочами).

Земля трактирщика Бальги располагалась на «черной земле», по которой шла церковная дорога от Кальхольца в Бальгу, а называлась Мюленвег (Мельничной дорогой). Те земельные угодья достались последнему владельцу трактира Пультке.

В конце 17 века из-за сложного экономического и правового положения крестьян сельское хозяйство пришло в упадок, а к началу 18 века достигло полного кризиса. В 1709-1711 годах эпидемия чумы больно ударила по сельскому населению, фактически они стали наёмными работниками и к тому же безземельными. В результате земельные наделы крестьян стали скупаться крупными землевладельцами, перекраивались границы владений некогда орденских замков и превращаться в поместья. Замок Бальга со всеми прилегающими земельными наделами с 1712 года стал сдаваться в аренду, а арендаторы называться «амтманнами».

После наполеоновской кампании в первые десятилетия 19 века прусское государство было вынуждено продать многие королевские поместья. Когда-то принадлежавшие поместью Бальга в 1849 году четыре крестьянских двора от 20 до 80 акров были разделены на 50 в большей степени сенокосных угодья и распроданы.

Известно, что усадьба Бальга возникла на территории хозяйственного двора. Дом владельца поместья был построен на месте дома амтманна, который был возведен во второй половине 18 века с полувальмовой крышей и навесом. Неизвестно, были ли несущие стены возведены на месте старых стен замка, но это вполне вероятно.

Поместье семьи Глазов

После 1931 года Петер фон Глазов также продал Линденбергскую усадьбу с ее землями, и она перешла в собственность общине Фоллендорф. Да и сама усадьба Бальга с фруктовым садом, заложенным около 1858 года, площадью в 12 акров, переходила из рук в руки – с 1920 по 1926 год её арендовал Зигфрид Воллерманн у Вальтера Киндера, а в последнее время она принадлежала Эмилю Бланку.

Земельный надел Линденберг, чьи территории служили исключительно для выпаса скота, приобрела семья фон Глазов. Ещё одни угодья для выпаса скота Шнекенберг, площадью 54 га на 1931 год, отошли семье Нойманн и затем с 1931 года стали собственностью Ричарда Шрёдера.

Balga - Gutshaus der Familie von Glasow

Die Wiesen hinter dem Haus Balga

В 1931 году территория усадьбы Бальга составляла 522 га, из которых 310 га – пахотные и садовые земли, 83 га – луга под сенокос, 76 га – пастбища, 48 га – лесные угодья и 5 га – непригодной к обработке земли, территории двора и дорог. Петер фон Глазов держал здесь в том году 50 лошадей, 100 коров (голландской породы), 20 овец и 120 свиней.

Бальга – на Кауэрштайг 1929

С середины 19 века население Бальги значительно выросло, её живописное расположение привлекало и иностранцев, которые нашли здесь свой новый дом. В 1846 году в деревне и поместье Бальга насчитывалось 65 жилых домов, в 1905 году их было 81, а в 1925 году 86. Перед началом Второй мировой войны на Бальге стояло 96 домов, не считая усадьбы и домов крестьянина и инспектора, а также ремесленной мастерской, нового и старого домов, относившиеся к хозяйству мельницы.

Подмечено, что образовавшееся население Бальги, да и сама структура деревни и растущее число приезжих иностранцев способствовали тому, что нижненемецкие диалекты в Бальге почти полностью

вымерли. Перед Второй мировой войной на них говорили лишь некоторые престарелые жители. Молодежь же говорила на верхненемецком диалекте.

Бальга: старый трактир – основан в 1559 г. в правление Альбрехта Старшего, герцога Пруссии - 1811 при короле Густаве IV. Здесь был Адольф Шведский во время бегства от Наполеона – послед. владелец Пультке

До середины 19 века в Бальге был только один трактир. Он принадлежал старейшей здешней гостинице. Во времена ордена комтурство Бальги, а позднее во времена герцогства – хауптamt (главное управление) округа Бальги, в назначенные дни принимал налоги, чаще всего в виде натуральных выплат, относившиеся к нему городов, деревень и поместий, трактиров и мельниц.

Поэтому в день Святого Мартина, Рождество, Сретенье и на Пасху в Бальгу

устремлялись старосты, свободные горожане и благородные господа на лошадях.

При этом в дорожной пыли оставляли следы и массивные фургоны. Они везли пшеницу, рожь, овес, ячмень, кур, гусей, мед, воск и прочее в дом управления или замок ордена. В такие дни зачастую происходила большая суматоха и толкотня. Извозчики и слуги должны были иногда часами ждать, пока они и их хозяева не будут приняты, и не заберут причитающиеся проценты и товары.

Der Burgkrug in Balga

Ожидания длилось в трактире, где визитёры съедали принесенные с собой запасы и пили пиво или медовуху. Если у кого-то были деньги, то покупали в трактире хлеб, рыбу, мясо, продукты и напитки. Торговля вразнос и много приезжего народа означало веселье и развлечения.

На Бальгу приезжали и зарубежные гости, готовые выразить своё почтение господам

замка или иметь дело с ними. Рыцарям ордена было запрещено посещать трактиры. Но через века после правления Ордена в Бальге заседали чиновники, которые любили бывать в трактире, поболтать и выпить.

Groß Hoppenbruch - Gasthaus Fritz Knorr

Почти три столетия с 1536 по 1826 годы трактирщик одновременно был деревенским старостой, он давал консультации, устраивал совещания и заседания жителей деревни в своем трактире. Здесь деревенские жители и члены церковного прихода проводили праздники с играми и танцами, а также заключали мелкие и крупные сделки.

Неизвестно, насколько более упорядоченно и тихо было в трактире во время ордена, когда в замке жили строгие рыцари. Известно только то, что трактир имел большое значение в те далекие столетия, здесь вершилось правосудие.

Поскольку трактир на Бальге подчинялся ответственному замкового винного погреба келлермейстеру, то владелец двора и корчмы обладал привилегированными правами.

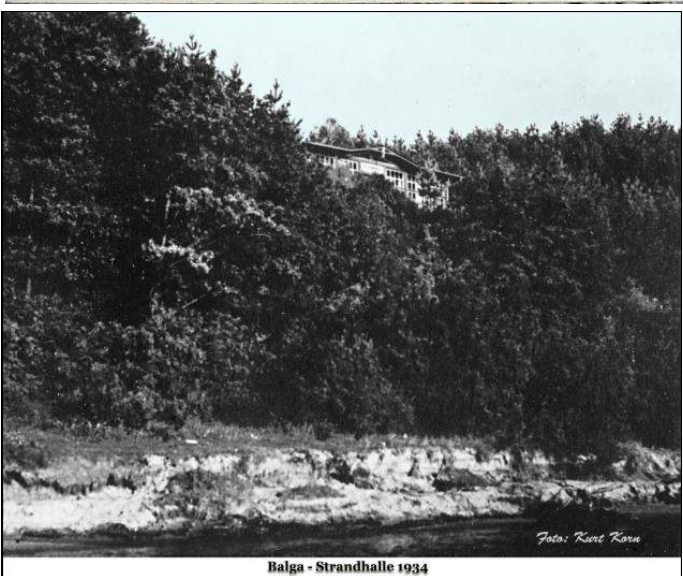

Haus Weinreich - später Will und Adler - ganz links der „Guten Tag“ Stein

Bandkrug Wolfhnick / Ostpr. am „Fräulein Hoff“

Balga - Strandhalle 1934

В Большой книге налогов Тевтонского ордена крепости Бальга в 1417 году говорилось, что келлермейстер передаёт сумму «от кабака», отсюда следует вывод о расположении трактира непосредственно перед замком. В документе от 1439 года упоминается как комтур Бальги и фогт Натангии Йобст фон Штрупперг позволил крюгеру (обладателю права на содержание постоянного двора) Гансу Штольценбергу построить трактир в новой деревне Волитта, 30 ноября 1430 года тому была дана расписка. В Большой книге налогов Бальги говорится: рыбакам из Фрауэнбурга не разрешается пить пиво нигде больше, кроме трактира в Бальге и нового трактира в Волиitte.

На берегу залива было много гостиниц, но только эти два трактира имели привилегированные права. Все доходы от трактира Бальги поступали в кассу смотрителя винного погреба. Его трактирщик был доверенным лицом высших чинов ордена.

Именно по этой причине трактир Бальги так редко упоминается в документах орденского времени.

Неизвестно какую роль трактир сыграл в Тринадцатилетней войне (1454-66). Определенно, его разрушали в многочисленных сражениях за замок

Бальга насыщенной событиями этой войны и в том числе в войне всадников 1520-21 годов. По данным 1521 года, «в Бальге были сожжены мельницы и дома», а также близлежащие поселки, трактир в Ренсе, деревня Паммерн лежала в руинах. Из Кенигсбергской хроники тех дней известно, что поляки в середине мая 1520 года разрушили деревни около крепости Бальга, людей убили, а скот увели в Хайлигенбайль и Цинтен, где их зарезали для армии. Молодых и слабых животных они просто протыкали и оставляли лежать. То было трудное время и для трактира на Бальге.

Dorfbild in Balga vor 1942 - im Hintergrund Mitte das Ständesamt

А дружелюбная деревенька Бальга в течение столетий была популярным местом отдыха. Красивая кирха с великолепным порталом, прекрасные молодежные турбазы в пихтовых рощах, романтические руины крепости на высоких берегах, пляж из мелкого песка, где приятно было купаться, и постоянно ухоженное кладбище привлекали посетителей отовсюду. Несколько

аккуратных гостиниц, ранее называвшиеся трактирами, заботились обо всех посетителях.

34. Берега Бальги

Mühlenfließ in Groß Hoppenbruch - 1936

Побережье залива Бальги начиналось с Гросс Хоппенбрухе вдоль мельничного ручья и доходило почти до деревни Кальхольц. Почти у самой крепости начинался крутой берег примерно 20-25 м высотой, по большей части из глинистой почвы.

Над этим крутым берегом проходила «Церковная дорога» от Бальги в Кальхольц – поселение на самой вершине полуострова, так называемом «Кальхольцский крючок» («Kahlholzer Naken»). Деревня находилась около залива и береговые укрепления постоянно повреждались сильными штормами весной и осенью, так что крутые склоны все больше осыпалась, и дорогу пришлось проложить через поместье.

Balga - der Cauersteig - er führt von der Burg bis zum Haff

Самые крутые берега полуострова Бальги начинались за третьим ущельем, вдоль которого пролегал путь животных к водопою.

Schwalben an Balgas Küste

Берега Бальги с сигнальным пилонем

Повсюду обрывистые берега полуострова Бальги сопровождает лишь тонкая полоска песка. Посетителям этих мест грозит опасность от набегающих волн залива, а весной – от возвышающихся ледяных глыб, напоминающих айсберги. Волны и огромные льдины подмывают и подтачивают крутые берега, так что земля часто осыпается. Поэтому берег залива разрушается и местами отходит все больше назад, а во время шторма смытая земля возвращается на берег...

Balga - Winter am Haß

Этот факт объясняет и обрушение больших фрагментов крепостных стен бывшего орденского замка. Ещё в 1620 году глава ведомства Бальга Георг Зауцен в сообщении правительству в Кенигсберг жаловался, что у замка «стены со стороны залива имеют трещины, а земля на склонах осыпается». В орденские времена такой опасности у замка не было. Как описывал хронист Лукас Давид,

«воды залива никогда не подходили так близко к стенам замка, как сейчас (в 16 веке), потому как под замком пролегали прекрасные луга». Башня данцкера, возможно, была построена на этом лугу, который был образован случавшимися наводнениями при западных ветрах и затоплен. Остатки фундамента башни теперь лежат в 50 м от побережья на дне залива. Вот как далеко земля с течением последних лет отошла назад и насколько расширился залив.

Бальга – берега залива

Берега под крутыми склонами полуострова в последнее время нагромождены мощными каменными глыбами. К разрушению берегов привело не только воздействие волн. Люди тоже поучаствовали в этом процессе, вырубая на склонах леса и, таким образом, создавая волнам и штормам удобное пространство для разрушений.

Прилегающие к замку территории были государственными землями. Крутой берег был засажен деревьями, а под ним в качестве

защиты от волн специально складывали укрепления из тяжелых гранитных камней. Здесь никогда не было пляжа.

Дорога Кауэрштайг в Бальге – прим. 1912

Signalberg in Balga

Берег залива на Бальге

Над камнями и остатками стены пролежала пешеходная дорожка Кауерштайг (Cauersteig, Кауер был строителем укреплений и береговых дамб во Фрише Хаффе в 1878 г.).

Дорожка вела из замкового сада в лагуну, где крутые берега были засажена большими деревьями.

Выше находилась сигнальная гора Шлосберг до лестницы, ведущей от замка и кладбища к заливу. До окончания Первой мировой войны территория Бальги находилась под управлением главного портового ведомства в Пиллау. Тогда у залива каждую весну сооружали пристань, которую осенью разбирали. Позднее управление землями вокруг замка перешло Хайлигенбайлю, граница между церковной общиной Бальга пролежала вдоль лестницы, по дороге Треппенберг.

Склоны здесь засаживали пихтами. Выше находился памятник погибшим в 1914-1918 годы и 2 скамьи, откуда открывался прекрасный вид на Пиллау и Нерунг (косу).

Balga - Denkmal für Gefallene des 1. Weltkriegs 1914-1918

По сведениям Вальтера Пультке, пешеходная тропа доходила почти до пляжного павильона.

Владелец трактира Фридрих Пультке, отец последнего владельца трактира на Бальге Вальтера Пультке, был известен как оригинал не только в округе Хайлигенбайль, но и далеко за его пределами благодаря своему врождённому чувству юмора и таланту рассказчика. Он умер на 85 году жизни в Дании.

Знаменитый трактир на Бальге Фридрих Пультке приобрёл в 1905 году у семьи Фенор, владевшей трактиром почти 80 лет, и который ещё до Пультке в течение ста лет оставался единственной гостиницей в деревне Бальга.

Только в середине 19 века появился второй под названием «Schrödersche Krug» (трактир Шрёдера).

В конце двадцатых годов 20 века владелец трактира «Корн» построил на въезде в деревню «Дом на Бальге» (Haus Balga), а примерно в 1936 году на территории форбурга старого орденового замка был

построен аккуратный отель «Бургкурт» в орденовом стиле. Он являлся собственностью района Хайлигенбайль и находился под управлением семьи Йордан.

Во время тяжёлых и кровопролитных боев за полуостров Бальга в марте 1945 года все трактиры Бальги да и сама прекрасная деревня были разрушены.

Вплоть до 15 века земли между деревнями Бальга, Кальхольц и Шнекенберг были покрыты лесами. Здесь находился «Кольвальт», который в 15 и 16 веках был полностью вырублен.

Деревья и заросли кустарника облепихи крушиновидной и ивняка были практически уничтожены, что оказалось большой ошибкой. Облепиха представляла собой отличное укрепление для рыхлых песчаных берегов залива. Эти растения росли вокруг Бальги большими участками.

Пляж Бальги

Balga: 1934 - Blick vom Berg „Sinai“

Бальга – Молодежная турбаза -1928

Директором турбазы с 1928 года был Фритц Хюбнер, погибший в 1945 году. Некоторое время турбаза служила трудовым лагерем. В последние месяцы войны здесь был лазарет.

Там, где сохранились её заросли, обрушения берегов не наблюдается. Наоборот, облепиха укрепила берега, так что они стали крепкими, как стена, и могли выдержать любые шторма и удары волны.

Церковная дорога вела через три ущелья, по которым шли тропы к водопою. Второй путь принадлежал фермеру Георгу Маллиену, склоны этого ущелья были засажены кустарником, облепихой и другими растениями. Здесь берег был немного ниже и принадлежал церковной общине. Отсюда церковная дорога слегка отдалялась от берега. Пляж у залива был узкий и каменистый. Крутые берега вдоль ущелий принадлежали владельцам земель, находившихся сверху. Ущелье непосредственно перед замком принадлежало фермеру Вилли Бёму.

В 1927-28 годах посреди пихтового леса на высоком берегу была построена молодежная турбаза. Она была одной из самых посещаемых турбаз восточной Пруссии.

Die Jugendherberge in Balga

Подобные организации на Бальге обеспечили на полуострове общественную жизнь. Около 1900 года на Бальге существовал стрелковый клуб, но вскоре который распался. С 9 декабря 1906 года и до конца истории Бальги был организован Йохеном фон Глазов и кантором Хуго Бесмёном военный союз. Кантор Бесмён в течение многих лет был его бессменным председателем. В 1932 году его

заменил учитель Пауль Герлах из Кальхольца, а после его эмиграции – мясник Эдмунд Кройц. Также в 1906 году священник Корн и кантор Бесмён основали сельскохозяйственную кредитную кассу на Бальги «Райффайзенкассе». Бесмён был в течение 25 лет заведующим ссудной кассы. Примерно в 1934 году она объединилась с кредитной кассой Хайлигенбайля – первой и старейшей кассой в Восточной Пруссии, функционировавшей с 1 января 1842 года. Сама контора кассы на Бальге располагалась в трактире Густава Шрёдера, а бухгалтером в течение 20 лет служил Эдуард Вихерт.

В 1927 году учитель Глинка основал спортивный союз, которым управлял в качестве председателя. Позднее его заменил директор молодёжной турбазы Фриц Хюбнер. На Бальге, благодаря кантору Нитчу возникли смешанный хор и школьная капелла, но после его смерти они прекратили свое существование.

Бальга располагалась в стороне от больших дорог, однако на полуостров было легко добраться по железной дороге и на машине.

В конце 19 века была проложена и обсажена березами дорога от железнодорожной станции в деревушке Гросс Хоппенбрух до Бальги.

Благодаря проложенному в 1860 году железнодорожному маршруту Берлин – Кенигсберг – Эйткунен, Гросс Хоппенбрух приобрело большое значение.

Der Bahnhof

На станции не останавливались скорые поезда и экспрессы, однако близлежащие 4 деревни и несколько поместий имели железнодорожное сообщение с Хайлигенбайлем, Браунсбергом и Кенигсбергом. Железнодорожная станция особо была оживлённой по утрам и вечерам, некоторые уезжали на работу в Хайлигенбайль, ученики отправлялись в

средние школы. Летом по воскресеньям на станции было очень весело.

В Бальгу приезжало много туристов и отдыхающих, особенно из Кенигсберга. Их забирали с вокзала на фургонах, запряженные лошадьми. До начала войны существовало регулярное автобусное сообщение между Бальгой и Гросс Хоппенбрухом. Одна поездка стоила 50 пфеннигов, но не каждый мог позволить себе такую роскошь, поэтому многие шли 5 км пешком. На Бальге устраивали

корпоративные вечеринки кенигсбергские фирмы, и добирались они сюда по железной дороге.

Посещение церкви по воскресеньям было частью обычного ритуала, владельцы поместий и крестьяне приезжали для этого на Бальгу в своих экипажах. Фургоны ставили на время около трактиров Пультке или Шрёдера.

Balga im Regen

Дорога на Бальгу, которую называли церковной, была для пешеходов непростой. Перейдя мельничный ручей, дорога вела к

Balga - auf dem Weg nach Follendorf

песчаной тропе, на которой часто пасли свиней. Именно поэтому эти небольшие поля, принадлежавшие владельцам мелкого скота из Бальги, и назывались Швайневайде.

Местные крестьяне пользовались более широкой проезжей дорогой.

Интересно было узнать, что в маленькой деревушке Фоллендорфе, куда вела небольшая красивая улица от высаженной берёзовой аллеи, до 1945 года не было электричества.

Weg zwischen Balga und Follendorf

Это была уютная деревушка, расположенная поблизости от залива, где были такие же крутые берега, как и на Бальге. Ее жителями были крестьяне, рыбаки и моряки. Население Фоллендорфа было совсем небольшим, но в деревне была своя начальная школа.

Однако самым важным домом в деревне был небольшой магазин Фрау Берты Вольгетан, любимой всеми жителями тети Берты. Здесь

можно было приобрести всё необходимое.

Между поселками Гросс Хоппенбрух и Гнадентхаль в 1934 году была построена дорога с искусственным покрытием Кенигсберг – Хайлигенбайль, а в 1939 году соединили дорогой до Бальги от Кальхольца.

Groß Hoppenbruch - Mühlenfließ - 1936

Balga 1934 - Blick vom Berg „Sinai“

Маленькая спокойная деревушка Кальхольц находилась на самой вершине полуострова Бальга, так называемой «Kahlholzer Naken» («Хальцхольский крючок»). Отсюда открывался великолепный вид. Крутой берег обрывался перед глубокими водами, которые постепенно подмывали его, так что в склонах

появлялись глубокие расщелины.

По этому узкому краешку берега проходила церковная дорога (Кирхенштайг). Это был кратчайший путь к кирхе, примерно 2 с половиной километра.

Деревня располагалась недалеко от лагуны и береговые укрепления постоянно повреждались сильными весенними и осенними штормами.

Kahlholz - Häuser direkt am Strand

В 1939 году в деревне было 240 жителей, в два раза больше соседнего Фоллендорфа. Здесь, как и в других поселках, жили крестьяне, рыбаки и моряки.

Жители Кальхольца были набожными людьми, усердно посещали церковь, у крестьян этого прихода в церкви имелись свои собственные стулья, подобно владельцам поместья Глазов, которые имели свою оборудованную галерею, её называли хорами.

В Кальхольце была своя школа, свой трактир, а в 1938-39 годах от Кальхольца прямо до Бальги построили широкую улицу.

Но тем не менее, местные жители продолжали пользоваться довольно часто церковной тропой.

Говорят, случалось, что для пешехода или велосипедиста, выпившего слишком много шнапса, узкая тропа становилась опасной, и те внезапно оказывались на берегу.

Упростив путь многочисленным посетителям Бальги, Бернارد Августин организовал сообщение на конных экипажах от железнодорожной станции Гросс Хоппенбруха. Летом по воскресеньям фермеры предоставляли несколько лестничных повозок, украшенных зеленью, для доставки посетителей за 50 пфеннигов до Бальги.

Фриц Корн, владелец трактира «Haus Balga», запустил в 1931 году первый автобус по маршруту Бальга – Гросс Хоппенбрух. Позже Фриц Шулат занялся организацией автобусного сообщения. Он и хозяин гостиницы Густав Шрёдер предоставляли на прокат автомобили.

35. Бальга. Последние дни.

Die Flucht über das Haff im Winter 1945

В начале февраля 1945 года в деревне стояла полная тишина. Никто не верил о появлении здесь Красной Армии. Стояли суровые холода, на дорогах лежало много снега. Залив полностью замерз.

В середине января первые беженцы начали подходить к границе. Тогда разыгралась ужасная вьюга, и некоторые беженцы были вынуждены оставить своих лошадей и обозы. Люди рассказывали ужасные истории о приближении русских. Они задерживались на Бальге всего на несколько дней, их

кормили в общественной кухне у Пультке, а затем они уходили дальше по направлению Данцига. Первый беженец, юноша 14 лет, был похоронен в Бальге.

Stellkarte von Balga: - rette sich wer kann, die Flöße liegen bereit!
Generalmajor Lorenz, bei der Einschiffung - 28.02.1945

Вскоре стали встречаться первые солдаты, а затем на Бальгу из поселка Лётцен переехал полевой лазарет. Солдат разместили в церкви, в трактирах у Пультке, Шрёдера и на молодежной турбазе. Госпиталь развернули в школе. Врачей и санитаров размещали тайно. Поскольку медиков было слишком мало для многочисленных раненых, а помощь требовалась срочно, несколько женщин из деревни вызвались добровольцами в госпиталь. Молодежная турбаза стала

хирургическим отделением, сюда перевезли тяжелораненых. Позже перестало хватать и турбазы, поэтому в ризнице церкви была организована экстренная операционная.

Раненые, которые были в состоянии ходить, вынуждены были пешком добираться по замерзшему заливу до поселка Нерунг на Вислинкой косе. Оттуда их отправляли дальше. Тяжелораненых транспортировали в Хайлигенбайль-Розенберг.

На кладбище рядом с памятником погибшим воинам Первой мировой войны было с одной стороны было отведено место для захоронения умерших солдат, а с другой стороны – для погибших беженцев.

В конце января, когда линия фронта подошла ближе, стали встречаться первые группировки военных. Это были части 21-й восточно-прусской пехотной дивизии. Солдаты были в каждом доме и каждой квартире.

Ежедневно прибывало все больше беженцев. Они не могли здесь слишком надолго оставаться, поэтому через несколько часов отправлялись дальше. По приказу партии престарелые мужчины, жители Бальги, были призваны на строительство противотанковых рвов вблизи Бранденбурга. Однако все мужчины вернулись через несколько дней.

В начале февраля пришло известие об эвакуации жителей деревень на Бальге. Это стало тяжёлым испытанием. Никто из жителей не хотел покидать деревню, каждый верил, что все еще изменится. Бальгу еще не обстреливали. Русские солдаты подходили все ближе, и когда они подошли к городу Цинтен, жителей эвакуировали насильно. Женщины с детьми на машинах уезжали в город Дойч Банау, а оттуда по заливу добирались до Нерунга. Освобождение деревни и эвакуация жителей заняли несколько недель. Огонь фронта приближался. В начале марта в небе над Бальгой появились советские самолеты, началась бомбардировка и обстрел деревень на Бальге.

Бальга превратилась в огромный военный лагерь для бесчисленного количества техники и солдат. Начался артиллерийский обстрел. Первой жертвой обстрела стал сельский староста, работник фермы, Шульц, пострадал дом крестьянина Беренда, а конюшня семьи Дик была полностью уничтожена. Артиллерийские обстрелы теперь шли ежедневно. Так началось разрушение.

Жители спаслись бегством через Розенберг, а затем на пароме оттуда по лагуне в Нойтиф. В деревнях оставались лишь несколько пожилых и больных, которые так и не смогли выбраться. Последний житель покинул Бальгу 27 марта 1945 года. Лёд на заливе во многих местах растаял и пеший марш был прекращён. Но попытки переправиться через лагуну на косу продолжались, солдаты мастерили плоты из дверей и досок и плыли по заливу до Нерунга. В Нойтифе и Пиллау можно было встретить многих жителей Бальги, которые морем перебирались в Данию.

Весной 1945 года в районе Бальги скопилось большое количество войск 4-ой армии вермахта и беженцев. Советские войска бомбили вражеский опорный пункт и обстреливали руины замка из тяжёлой артиллерии. Беженцы из Бальги уходили по льду залива в Пиллау. Среди оборонявших Бальгу немцев был и младший офицер Рихард фон Вайцзеккер. Вайцзеккеру повезло. Он был ранен и его эвакуировали. Через сорок лет Рихард Вайцзеккер, ставший Президентом ФРГ, писал, что выжить на Бальге ему удалось чудом.

После войны на руинах замка устроили лесопилку. Однако это производство просуществовало недолго. Рассказывают, что в стволах деревьев было так много пуль и осколков, что пилы лесопилки часто ломались. В конце-концов от производства пиломатериалов местные власти вынуждены были отказаться.

Последний пассажирский поезд по расписанию «Кёнигсберг – Берлин» прошёл 22 января 1945 года. 23-го утром прошёл состав с танками «Тигр» к станции Бранёво. Советские танки вышли к железной дороге и перекрыли её. Солдаты вермахта пытались удержать натиск. Поезд №18 до Берлина не дошёл – на участке

Хайлигенбайль – Эльбинг шли бои. Поезд простоял четверо суток в –15С – 7 человек из числа пассажиров замёрзли.

Эвакуация началась в феврале 1945 года. С октября же 1944 года, с первой неудачной попытки Красной Армии перейти границу Восточной Пруссии Гумбиненским прорывом, по март 1945 года, боями Хайлигенбайльского котла, дорогой от Кёнигсберга на Берлин прошло 800 000 беженцев! Приказ на эвакуацию запоздал...

Покинуть провинцию без распоряжения было невозможно партийным функционерам, руководителям предприятий и членам их семей, дабы не создавать паники среди населения и тем самым демонстрировать уверенность в благополучном исходе войны.

Многие были уверены, что вернуться домой, прятали немудрёные бытовые предметы быта – одежду, обувь, посуду...

По договорённости бургомистра с командованием авиабазы, по воздуху перевозили 1600 женщин и детей. В день совершались по 4-5 вылетов.

Жители сельской местности должны были на каждую повозку повесить опознавательную бирку с именем и адресом хозяина. По льду залива ёлочками обозначали в лунках безопасный путь для беженцев. 6000 военнопленных и иностранных рабочих поддерживали этот путь. Силами этих людей строились причалы для судов на косе со стороны Балтийского моря. Корабли доставляли беженцев в порты Германии.

Зона предстоящих боевых действий в обязательном порядке предварительно освобождалась от гражданского населения. Обязательства эти вменялись партийным руководителям. Потоки беженцев создавали пробки для передислоцирующихся немецких военных частей.

В конце февраля на дорогах скопилось огромное количество людей. Кто шёл пешком, кто ехал на велосипеде, кто передвигался на повозках, женщины вели детские коляски... Пешком по льду люди добирались до Пиллау, оттуда на кораблях по кое Фрише нерунг выходили в Данцинг и далее в Германию. Тяжёлый и трагичный путь далеко не всем удалось преодолеть. Ледоколы разбили лёд залива для прохода 3-х торпедных катеров из Эльбинга в Пиллау. Многие, чтобы пробраться по воде, воспользовались подручными средствами и бросали большую часть имущества.

К 28 февраля поток беженцев увеличился – пока лёд был крепок надо было спешить. На глазах разворачивалась человеческая трагедия...

бомбардировок погибло и множество иностранных военнопленных, в том числе русских, французов и бельгийцев – около 1000 человек.

По официальным данным 18 марта эвакуация жителей была завершена. В реальности же оставались ещё люди и некоторые вернулись, не сумев попасть на корабли. В этот же день в ходе штурма города Хайлигенбайль произошла массированная бомбардировка. Во время систематических авианалётов,

Многих из тех, кто не успел укрыться в подвалах и развалинах расстреляли сами фашисты при подходе Красной Армии. Последние из персонала завода укрывались в бункере «Гамбург», приняли решение в сумерках бежать в сторону порта Розенберг (Пирса).

25 марта, когда 5-ая стрелковая дивизия вышла на берег залива, в плен были взяты 2 000 немцев. В марте при полиции была создана специальная команда, которая занималась сбором и захоронением погибших.

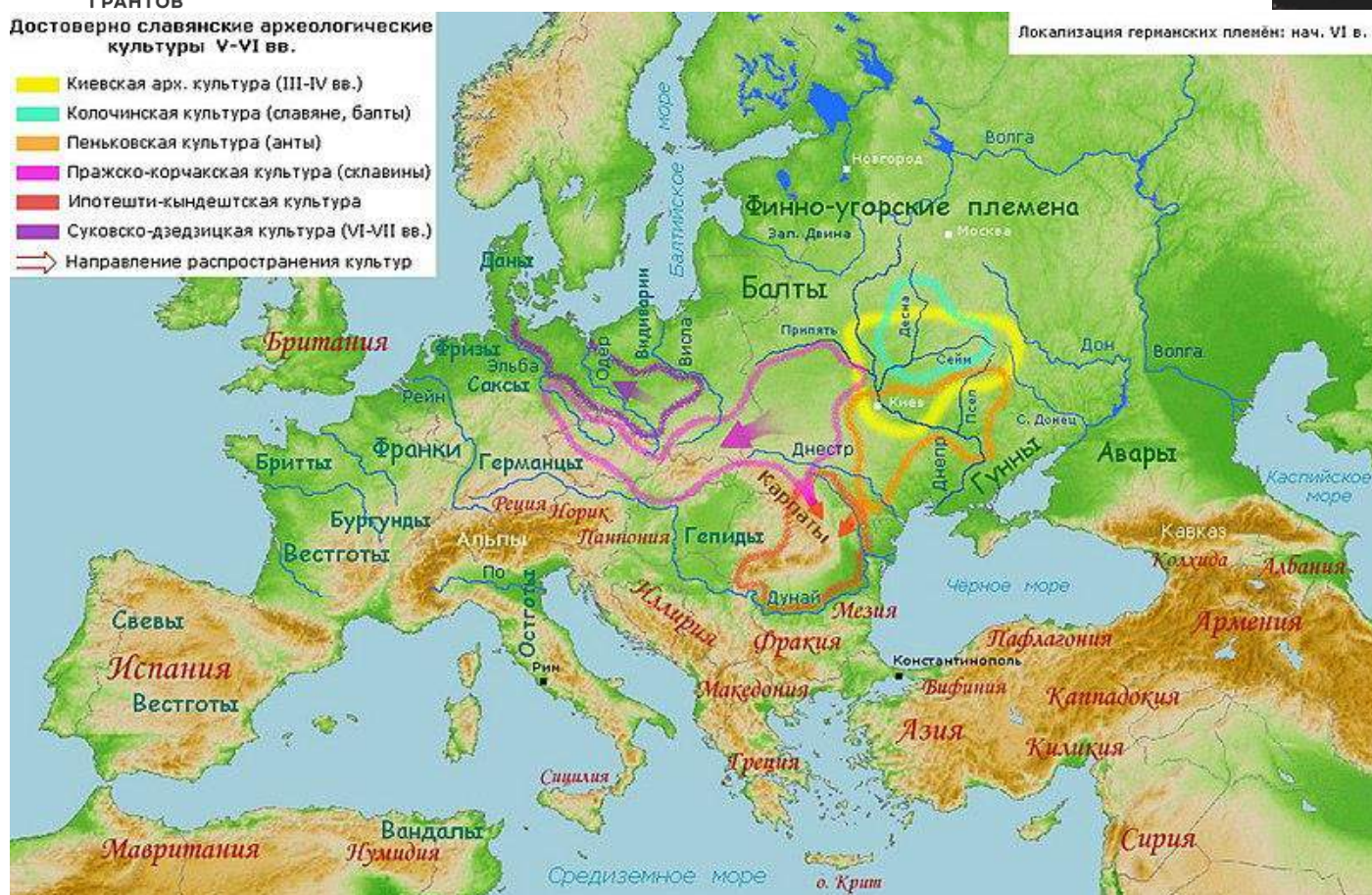
За несколько дней перед падением Хайлигенбайля бургомистр города и его сотрудники во время эвакуации через Пиллау попытались вывезти 14 ящиков ценных бумаг и крупную сумму денег в рейхсмарках. Но город был забит машинами, переполнен беженцами, порт

не справлялся с таким потоком, грузы не принимались – пришлось сжечь всё на местах.

На 9 февраля 1945 года в Восточной Пруссии, по сообщению Штаба генерала Эйзенхауэра, находилось 90 000 советских военнопленных и гражданских лиц, истощённых, больных воспалением лёгких, заражённых туберкулёзом, дизентерией, тифом, получивших увечия в результате несчастных случаев во время тяжёлых работ и действий палачей.

По материалам книги «Самый западный город России» Г. Н. Лебединцева 2012 года.

- Киевская арх. культура (III-IV вв.)
- Колочинская культура (славяне, балты)
- Пеньковская культура (анты)
- Правско-корчакская культура (склавины)
- Ипотешти-кындештская культура
- Суковско-дзедзицкая культура (VI-VII вв.)
- Направление распространения культур

Итак, вернёмся к началу нашего повествования, и попробуем определиться с ответом на вопрос, что же привлекало сюда, на маленький болотисто-холмистый «остров» на востоке Балтики, людей со всех концов Европы? В самые разные эпохи самые разные властители с разных концов Европы пытались пробиться на этот остров и утвердиться на нем – именно утвердиться на этой земле, а не просто контролировать торговлю янтарем. В древности янтарь во всей Европе считался наделенным магическими свойствами и, соответственно, народ, владевший такими огромными янтарными богатствами, не мог не иметь в глазах соседей особого статуса.

Эта земля, которую древние называли «волшебным островом» (Пифей и др.) и нередко ассоциировали с мифологической **Ultima Thule** (с лат. – «очень далеко», «край света», «крайний предел», предел некоего действия, терпения, перспектива – полумифическая островная страна, которую искал и якобы нашёл в самой северной части Европы древнегреческий путешественник и купец из Массалии (современный Марсель) Пифей (IV в. до н.э.), описавший её).

Оставим этот вопрос открытым. Поскольку ответ очевиден и многие его по-своему прочитывают.

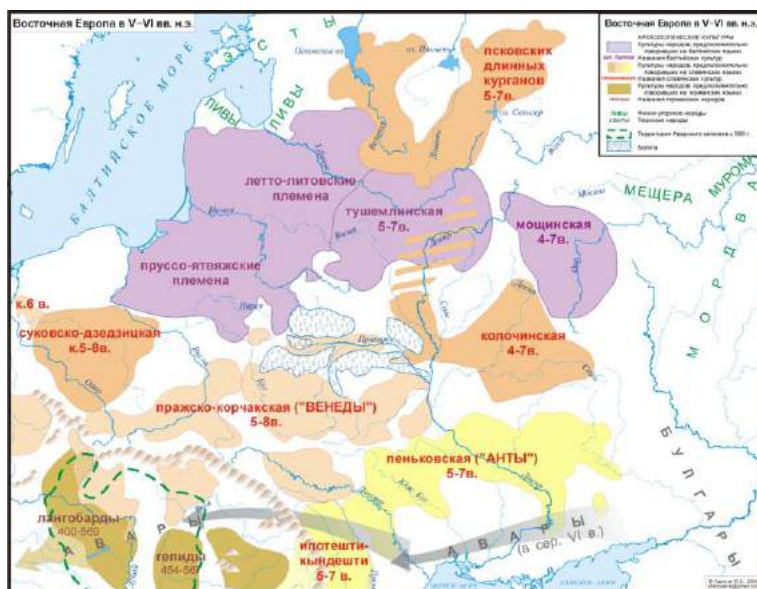
С дороги на Бальгу началась немецкая история с XIII века и здесь же она в XX веке завершилась...

В первой половине XX века фашистская Германия пыталась возродить древние языческие культы и магические практики. В Кёнигсберге размещается один из основных институтов знаменитой системы Ahnenerbe [нем. «наследие предков»], работавшей именно в этом направлении. Но интересен не сам этот факт, как таковой, а то, с каким упорством едва ли не до последних дней войны Германия пыталась удержаться на этом маленьком клочке суши. Уже давно шли бои в предместьях Берлина; Кёнигсберг, не имеющий к этому моменту никакого военного и стратегического значения, был полностью изолирован советскими войсками, но... Известен личный приказ фюрера, подписанный примерно в эти дни и адресованный командующему обороной Кёнигсберга генералу Отто Ляшу – приказ, предельно лаконичный по форме и абсолютно четкий по содержанию: «Город не сдавать».

«Землей правит тот, кто сидит в ее середине». Мабиногион, XIV век.

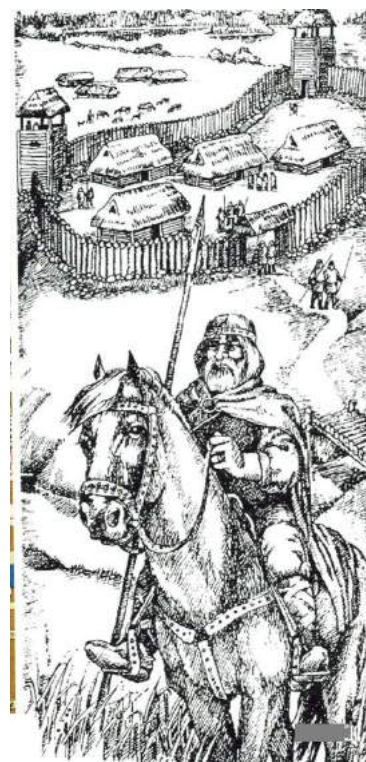
36. Зарождение прусского общества, культуры и религиозности.

Появление пруссов на исторической арене исследователи относят, как правило, к середине I тысячелетия н.э. До этого периода в Самбии и Натангии (нынешняя Калининградская область) была распространена т.н. культура эстиев – как считается, балтоязычного народа. Однако археология отмечает сильное кельтское влияние на местное население, послужившее чуть ли не

основой формирования указанной культуры. С III века на земли эстиев начинают проникать представители чужеродного для западнобалтского мира народа, несшие с собой собственные элементы культуры и традиции. По словам одного из ведущих специалистов по истории Пруссии, д.и.н. В.И. Кулакова, их *«приход... был позитивен для местного общества»* и *«именно эти события послужили причиной прекращения культуры эстиев и заложили основу культуры пруссов»*.

Возникновение таких явлений, как прусская дружина и прусское жречество также напрямую связано с появлением новых этнических элементов на Янтарном берегу.

Письменные источники дают нам ценные данные о периоде образования прусского общества и культуры.

«Прусская хроника», составленная в начале XVI в. монахом Симоном Грунау, опиравшимся на несохранившиеся рукописи первого прусского епископа Христиана (начало XIII в.), записавшего, в свою очередь, прусские исторические предания, сообщает нам следующее.

В начале VI в. н.э. готы, пришедшие из Испании в северную Италию и потерпевшие поражение в Ломбардии от войск империи, переехали оттуда в Вестфалию и затем в Данию. Датский король предложил им для проживания остров, находившийся «в его стране» и называвшийся Кимбрия. Готы вынудили проживавший в Кимбрии род во главе с королями Брутен и Видевут покинуть свои земли. *«Брутен и его брат Видевут с их родней сели на плоты и поплыли по Хроне (по Страбону – р.*

Неман), воде Хайлибо (Калининградский залив) ... и нашли в Ульмигании неведомый народ. У него сделали они остановку и строили там на свой лад замки и деревни, используя иногда силу, иногда – хитрость, а иногда – дружелюбие, с ними спознались, и прибывшие из Кимбрии скандиане стали править в Ульмигании и пользоваться их (местных жителей) услугами.

Брутен и его брат Видевут построили (замки) Хонеду, Пайлпайлло, Нангаст, Вустопнос и Галлонс и нашли они мед и делали из него напиток, ибо ранее они пили лишь молоко, и те, кто ранее находились в Ульмигании, стали вести жизнь по образу кимбров...

В 521 г. Брутен и Видевут созвали мудрых и спросили их, кому быть властителем. Все указали на старшего из братьев – на Брутена. Последний отказался от власти в пользу брата, желая служить богам. После коронации Видевут объявил Брутена высшим владыкой («второй после богов повелитель») – верховным жрецом с культовым именем Криве-Кривайто, которого все должны были слушаться как бога. В честь него страна была названа

Брутенией и богам принесены благодарственные жертвоприношения. Брутен соорудил богам Патолло, Патримпо и Перкуно особое строение».

Изваяния упомянутых богов, согласно хронике, Брутен и Видевут привезли с собой. Далее, в 523 году «брутенны со своим королем Видевутом и Брутенном, своим Криве-Кривайто, пришли в Хонеду (некоторые исследователи считают Хонеду древним наименованием замка Бальга), и там огласил Брутен волю своих богов, призывая жить (пруссков) единым образом, первое: никто, кроме Криве-Кривайто, не может обращаться к богам или приносить с чужбины на родину (инога) бога. Верховными богами являются Патолло, Патримпо, Перкуно, давшие нам землю и людей и дарующие еще (иное достояние). Второе: по их воле наши

Криве-Кривайто назван перед нами верховным правителем, и его последователи, когда они появятся, будут нашими любимыми богами и их вайделоты (младшие жрецы) в Рикойто (центральном святилище) будут находиться... Четвертое: все страны и люди, которые нашим богам принесут жертвы, должны быть нами любимы и почитаемы. Противящиеся этому должны быть убиты нами огнем и дубиной и мы обретем друзей. Пятое: ...верховные владыки передают (свои звания) по наследству, ...остальные должны находиться при них...».

К данным сведениям, конечно, можно и нужно относиться критически, что особенно касается деталей. Однако, очевидно, источник отражает бытовавшую на Янтарном берегу традицию, повествующую об истоках формирования пруссов. И возможно, будучи недостаточно точными в хронологии или некоторых деталях, приведенные свидетельства, в целом, вполне могут отражать верную картину переселения в рассматриваемый регион новых этнических элементов с запада, что подтверждается современными исследованиями.

Итак, по сведениям «Прусской хроники», около середины I тыс. н.э. в Ульмиганию-Пруссию во главе со своими королями прибыл народ с некоего острова под названием Кимбрия. Остров этот находился под властью датского правителя.

Вероятно, с этим и связано его название, фигурирующее в хронике, т.к. достаточно крупное племя кимбров в первой половине I тыс. н.э. населяло Ютландский полуостров и, возможно, имя сего народа могло в географических представлениях носителей прусских исторических преданий ассоциироваться с целым регионом.

Таким образом, зарождение прусского общества, культуры и религиозности связано с народом, пришедшим на Янтарный берег откуда-то с запада, из земель, близких к Ютландскому полуострову. Надо сказать, подобные миграции имели место и позже описанных в «Прусской хронике» событий.

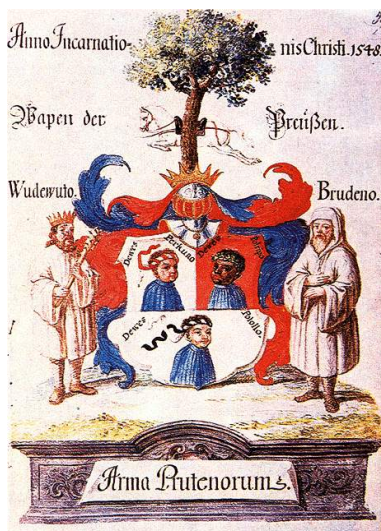
Так, Галл Аноним сообщает о переселении в Пруссию под давлением Карла Великого жителей Саксонии (которая имела историческое название «Вендланд» – земля вендов). Очевидно, это говорит о том, что данный путь миграции был типичным для древних жителей территорий современной Северной Германии и соседних земель, при этом мирный «приём» в Пруссии более поздних переселенцев указывает на их возможное родство.

Что же это был за этнос, строивший в Пруссии города и храмы, утвердивший законы и принципы организации общества, привнесший на Янтарный берег новые ритуальные культы и затем распространивший свое влияние далее на восток?

Письменные источники, археология, геральдика и прочее дают нам весьма любопытные и важные сведения,

позволяющие выстроить параллели, которые могут приблизить нас к ответу на этот вопрос. Весьма точные аналогии особенностям религиозно-культовой организации жизни, привнесенным на территорию Пруссии новым этносом, можно найти в западной части южнобалтийского побережья, а если точнее, на острове Рюген и близлежащем Поморье. Надо сказать, эти земли вполне соответствуют предполагаемой географической локализации родины легендарных Брутена и Видевута.

Итак, согласно «Прусской хронике», пришедший с запада народ утвердил на Янтарном берегу культ трех верховных богов: Патолло, Патримпо, Перкуно, для которых возводились «особые строения» (очевидно, храмы). По археологическим данным и письменным источникам мы знаем о традиции строительства в древности языческих храмов на территории современной Северной Германии. Самыми известными, пожалуй, были культовые центры на острове Рюген. Причем в одном из них, Коренице, обнаруживается аналогия прусскому «троебожию»: по сведениям Саксона Грамматика (XII в.), здесь находилось три храма, посвященных богам Ругевиту, Поревиту и Поренуту.

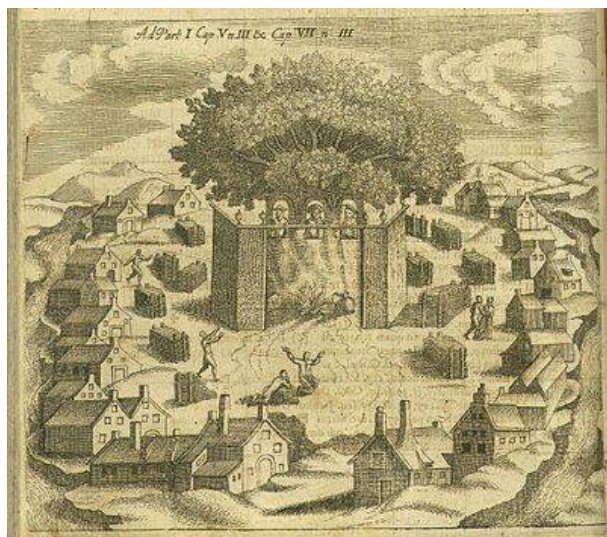

Имя последнего связано как с прусским Перкуно, так и с русским Перуном. Как рассуждал российский фольклорист, славяновед, один из крупнейших собирателей и исследователей былин, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук Александр Фёдорович Гильфердинг, – вполне вероятно, это был один и тот же культ. Помимо Рюгена, на южнобалтийском побережье он засвидетельствован также в Альденбурге. Наличие культа Пер(к)уна-Прона на поморье в районе острова Рюген подтверждает и топонимика.

Средневековый хронист монах-священник Гельмольд из Босау (XII в.) в «Славянской хронике» («Chronicon Slavorum»), написанной им на латыни, также свидетельствует о почитании этого бога в Альденбурге: *«...по дороге пришли мы в рощу, единственную в этом краю, которая целиком расположена на равнине. Здесь среди очень старых деревьев мы увидели священные дубы, посвященные богу этой земли, Прове. Их окружал дворик, обнесенный деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое ворот».*

Потомок российского дипломата и управляющего Государственным Архивом Министерства иностранных дел Российской империи Фёдора Ивановича Гильфердинга, Александр Фёдорович считал, что у Гельмольда имя читается двояко: Prove или Prone.

Показательно, что главное прусское святилище Рикойто (Ромува), известное по подробному описанию Симона Грунау, по принципу организации практически точно соответствует альденбургскому культовому центру: Ромува также находилась в роще под открытым небом, а центральным элементом тоже был дуб. Аналогично альденбургскому святилищу, в Ромуве была отгорожена центральная часть комплекса, и сделано это было с помощью растянутых полотнищ. Данная деталь полностью повторяет бытовавшие на острове

Рюген традиции. Так, по свидетельствам Саксона Грамматика, храм Свентовита в Арконе был окружен «двойною оградой: внешняя ограда состояла из толстой стены с красною кровлею; внутренняя — из четырех крепких колонн, которые, не соединяясь твердою стеною, увешаны были коврами, достигавшими до земли»; в Коренице основной храм также огораживался «пурпуровою тканью», – указывал в одном из своих трудов основоположник петербургской школы физиологов растений Фаминцын Андрей Сергеевич.

Есть мнение, что в Ромуве в качестве полотнищ для отделения священного пространства использовалось «знамя Видевута», изображавшее трех верховных прусских богов.

На острове Рюген и в близлежащих землях традиция знамен, посвященных богам, известна по многим источникам. Тот же Саксон Грамматик упоминает знамена Свентовита, хранившиеся в арконском святилище.

Немецкий хронист, епископ Титмар Мерзебургский (XI в.) указывает, что в храме города Радигоста (священный город Ретра)

находятся знамена, а также упоминает знамя с изображением Богини у велетов (к X веку становятся известны как лютичи). Конрад Бото в своей «Саксонской хронике» сообщает, что Проне «имел знамя», а Бруно Кверфуртский (X-XI вв.) в письме к императору Генриху III упоминает знамена Сварожича у велетов.

Еще одной важной параллелью между островом Рюген и Пруссией в части культовых особенностей является роль в обществе жречества. Так, Гельмольд пишет про руян/ругов (жителей о-ва Рюген), что «жреца они почитают больше, чем короля».

В Пруссии наблюдалась идентичная ситуация, нашедшая широкое отражение в источниках.

В частности, Петр Дусбургский (XIV в.) писал: *«Было... в Надровии одно место, называемое Ромов... в котором жил некто, по имени Криве, которого они (пруссы) почитали как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литовины и прочие народы земли Ливонской».*

Согласно «Прусской хронике» С. Грунау, высокий статус жреца был установлен именно правителями прибывшего с запада народа: «...Видевут объявил Брутена высшим владыкой («второй после богов повелитель») – верховным жрецом с культовым именем Криве-Кривайто, которого все должны были слушаться как бога».

Весьма существенно указание Петра Дусбургского на то, что влияние главного прусского святилища и его верховного жреца распространялось на земли восточной Прибалтики. Интересно, что в середине XIII в. прусский Криве-Кривайто, спасаясь от крестоносцев, ушел на восток, в Литву, где с этого времени стала располагаться жреческая резиденция.

По местным легендам, в том числе с ним связано основание города Вильно (Вильнюса), как утверждает ведущий советский и российский лингвист, составитель прусского словаря Владимир Николаевич Топоров – один из основоположников в 60-е — 70-е годы XX века Теории «основного мифа» совместно с В. В. Ивановым.

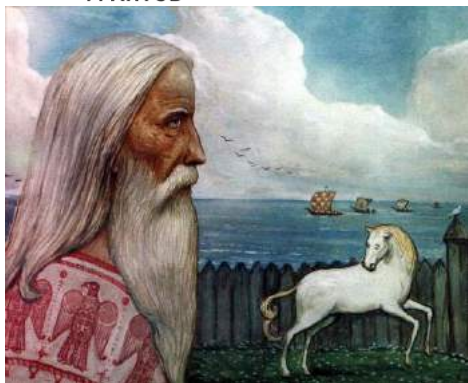
Именно выходцами из Пруссии, судя по всему, было учреждено и известное святилище Перкуна в Вильне.

На его месте сейчас один из древнейших христианских храмов в Вильне Кафедральный собор во имя Успения Пречистой Божией Матери Православной церкви над рекой Нерией). В этой связи крайне важен тот факт, что данный культовый центр по своему устройству практически точно повторяет храм Свентовита в Арконе.

Таким образом, очевидно, что зафиксированный на юго-восточном побережье Балтики культ Перкуна был привнесен сюда из Пруссии и, соответственно, восходит к религиозным представлениям народа, пришедшего на Янтарный берег с запада и заложившего основу прусского общества.

Важнейшим элементом прусской культуры являлся культ коня. Не случайно на легендарном прусском гербе (см. выше) наряду с изображениями верховных Богов и родоначальников присутствует фигура белой лошади в прыжке. Прусское почитание коня находит практически полные аналогии в традициях жителей острова Рюген и соседних с ним земель.

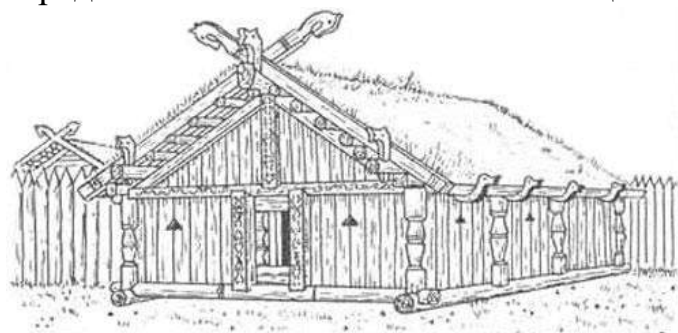

У пруссов бытовал обычай: *«никто в стране (пруссов) не мог ездить на белой лошади, но держали ее только для богов».*

Поразительное соответствие этому мы находим у Саксона Грамматика в описании культа Свентовита в Арконе: *«...при нем (Свентовите) был конь, совершенно белый... Только верховный жрец мог его кормить и на нем ездить, чтобы обыкновенная езда не унизила божественного животного. Верили, что на этом коне Святovit ведет войну против врагов своего святилища...».*

Герборд сообщает об идентичном обычае в Щецине, где конь был посвящен богу Триглаву: *«Имели также коня удивительной величины, тучного, вороной масти и весьма горячего. Он весь год отдыхал и был столь священен, что никто не смел на него сесть; имел также старательнейшего хранителя в лице одного из четырех жрецов храмов».* Почитание священного коня у ратарей в городе Радигост упоминал Титмар Мерзенбургский, и т.д.

В этой связи любопытно, что связанный с описанными обычаями обряд гадания с помощью коня является традиционным для средневекового Рюгена и близлежащего Поморья, встречается у жителей восточной Прибалтики, а также характерен для русских. Указанные регионы связывают и другие проявления культа коня, а именно использование лошадиных голов в оформлении верхней части домов, обрядовые ряжения и проч.

Помимо прусского герба, изображение коня встречается и в древнерусской геральдике. Причем, что характерно, на древнейших из сохранившихся городских печатях Новгорода и Пскова. Кстати, на гербе Нижней Саксонии – Вендланда – также присутствует белый конь.

Особое почитание коня, очевидно, находилось в тесной связи с особенностями устройства и быта общества. В частности, пруссы в значительной степени занимались коневодством. Это же занятие с древнейших времен было одним из главных для населения Мекленбурга (современная Северная Германия). Еще Ибрагим ибн Якуб (Хв.) указывал, что жители данного региона славились, в том числе, как коневоды. Интересно в этой связи, что купцы «из Ругии» Раффельштеттенского таможенного устава (Хв.) торговали, в частности, конями.

Исследователи связывали этих ругов и с придунайским Ругиландом (который был, судя по всему, основан ругами – выходцами с южнобалтийского побережья), и с Киевской Русью.

Известно также, что элита Янтарного берега – прусская дружина – представляла из себя общность воинов-всадников. Весьма любопытным был легендарный принцип формирования аристократии на заре зарождения прусского общества: знатным становился имеющий быструю лошадь, которая отличилась на скачках. Кстати, в этой связи вспоминаются упомянутые Саксоном Грамматиком триста всадников Свентовита на Рюгене:

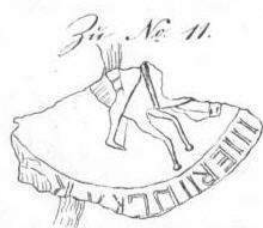
очевидно, кавалерия здесь также имела элитный статус.

Помимо этого, источники сообщают, что в Поморье *«...силе и могуществу знатных людей и военачальников мерилom принимается число коней. Силен, говорят, и богат, и могуществен тот, кто может содержать столько-то и столько-то коней, и, таким образом, услышав число коней, знают о числе дружинников, потому что на Поморье дружинник не имеет никогда более одного коня. А в этой стране лошади велики и крепки...»*.

Археологическим проявлением дружинных отношений и связанной с ними всаднической культуры в Пруссии являются захоронения воинов с конем, массовый характер которых прослеживается с середины I тыс.н.э. (т.е. приблизительного времени прибытия на Янтарный берег нового этноса). Данная особенность снова роднит Пруссию с восточной Прибалтикой и Русью, где

погребения с конем также были распространенным явлением. Причем в Литве этот обряд появляется сначала на побережье, откуда затем на рубеже I и II тыс.н.э. распространяется далее вглубь территории. А в источниках данный обычай связывается с **русами**. Так, в «Деяниях данов» Саксона Грамматика упоминается погребальный обряд рутенов (русов): усопшего хоронят с конем под курганом. О том, что русы сжигают с умершими коней, сообщают и восточные авторы.

Весьма интересным является связанный с описанными выше культурными особенностями мифологизированный образ всадника. Он широко представлен на княжеских печатях острова Рюген и близлежащих земель, а также Руси, где являлся древнейшим символом княжеской власти и со временем стал официальным гербом Московской Руси.

С этими изображениями непосредственно связан и более поздний "литовский" символ «Погоня».

Встречаются подобные изображения и на территории Пруссии, причем в достаточно ранних захоронениях. Данный образ также находим на древнейшем гербе Кенигсберга. ...и на гербе Ольденбургского герцогства, располагавшегося на территории исторического Вендланда – земли вендов.

Помимо этого, образ всадника, зачастую на белом коне, имеет широкое распространение в имеющем архаичные корни фольклоре острова Рюген и соседних с ним территорий.

К примеру, очень символично данное рюгенское придание: *«Некогда в окрестностях Гарца... стоял замок с великолепными домами и храмами, где жили язычники и поклонялись своим богам. Много веков назад замок был захвачен христианами, храмы разрушены, а идолы сожжены... Лишь иногда рассказывают, будто по ночам можно видеть призрак статного мужчины с золотой короной верхом на белом коне...»*. Распространены подобные образы также в обрядах, ряжениях и проч., зафиксированных у русских.

В связи с упоминаемым образом всадника вспоминаются указания источников о том, что в храмах на Рюгене и Поморье хранились принадлежащие Богам, по бытовавшим тогда представлениям, седла и конская упряжь.

Немаловажную роль фигура всадника играла и в мифологических представлениях Пруссии. Показательное свидетельство приводится в тексте Кишпорского договора 1249 г. «...родовые жрецы (пруссков) считают себя вправе присутствовать на похоронах умерших... восхваляют мертвых... подняв к небу глаза, они восклицают... что они видят предлежащего мертвеца, летящего среди

неба на коне, украшенного блестящим оружием, несущего в руке сокола, с большой свитой направлявшегося в другой мир...».

Очевидно, образ всадника находится в числе многочисленных параллелей, связывающих остров Рюген с близлежащим Поморьем, Пруссию, восточную Прибалтику и Русь.

Особый интерес в вышеприведенном описании прусских представлений о переходе усопшего в мир иной представляет упоминание сокола. Скорее всего, оно не случайно: Петр Дуйсбургский отмечает, что в Пруссии «с умершими нобилями сжигались оружие, кони, слуги и служанки, ... ловчие птицы и прочее, относящееся у них к военному делу». Очевидно, именно ловчая птица – сокол – играла немаловажную роль в мировоззрении пруссов. Судя по всему, она и была символом прусской дружины и, по словам В. И. Кулакова, считалась на Янтарном берегу «вестником богов и спутником войска». Изображения этой хищной птицы украшали ножны мечей прусских воинов, элементы конской упряжи и проч.

Широко представлены подобные элементы и в древнерусском археологическом материале.

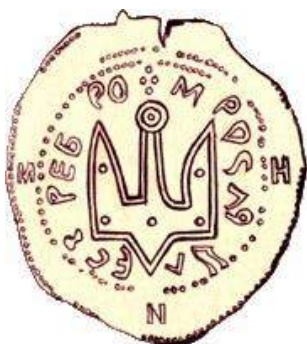
Более того, образ сокола занимает важнейшее место в русской традиции. Стилизованное изображение этой хищной птицы в виде «двузубцев» и «тризубцев» являлось, по всей видимости, ничем иным, как символом Рюриковичей и, шире, всего «рода русьскаго».

Весьма важным является и тот факт, что родовой герб Гедиминовичей, т.н. колюмны или столпы Гедимины, с одной стороны напрямую восходит к символу Рюриковичей, а с другой, по мнению В. И. Кулакова, тесно связан со «священной прусской эмблемой».

Не случайно, что в восточной Прибалтике обнаружено немало археологических находок с изображением "знака Рюриковичей".

Любопытно, что на найденных в указанном регионе наконечниках ножен стилизованный сокол ("двузубец") занимает место стандартного для Пруссии и Руси изображения птицы.

И, конечно, важнейшим является тот факт, что символ «рода русского» достаточно широко представлен в древностях пруссов, причем относящихся к Хв. При этом на конской налобной подвеске "тризубец" заменяет обычное для этого элемента изображение хищной птицы.

Вообще, Пруссия была связана интенсивными контактами с Русью, что подтверждается археологическими свидетельствами, данными ономастики и проч. В частности, в Великом Новгороде были обнаружены жезлы, имевшие у горожан сакральное значение и аналогичные таковым у прусского жречества. Известно, также, что в Новгороде была Прусская улица. Связи с Пруссией прослеживаются и в Поднепровье рубежа 1 и 2 тыс.н.э. По мнению В. И. Кулакова, прусские дружинники занимали «видное место в феодальной иерархии Руси».

Действительно, многие знатные русские рода вели свое происхождение «из Прус». Ряд источников, в том числе Степенная книга, выводит «от племени Пруссова» даже Рюрика.

Интересно, что одним из знатных русских родов, выводивших себя «из Прус», были Романовы. Как известно, на их родовом гербе был изображен грифон. Одновременно, образ грифона вновь тесным образом связывает остров Рюген с ближайшим Поморьем, восточную Прибалтику и Русь.

Касаемо восточной Прибалтики вообще крайне любопытная ситуация. Данный регион, с одной стороны, находился под интенсивным прусским влиянием, а с другой, был в зоне интересов Руси. Нам известно, что прусская элита принимала активное участие в становлении Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных.

Олег Вещий ведёт войска к стенам Царьграда.
Миниатюра из летописи (начало XIII века).

Одновременно русский язык был наиболее распространен в ВКЛР, он же являлся официальным (на нем велась вся документация); существенная часть знати и правящая верхушка была русской по происхождению.

Того же Миндова (Миндольфа) одни источники считают русским по происхождению, другие называют прусским королем.

В общем, имеется немалый материал, который может пролить свет на вопрос этнической природы пруссов и объяснить приведенные выше параллели. Помимо этого, существует еще целый ряд, быть может, не столь значимых, но от этого не менее интересных данных.

К примеру, любопытны наименование части прусских земель – Витланд и термин крестоносцев для обозначения прусской знати – «витинги». Данное слово – очевидный западноевропейский аналог русского «витязи». Показательна также и сама **основа «вит»**, широко представленная в ономастике земель в районе Рюгена, Литвы и Руси.

Интересно наименование, присвоенное прусскими дружинниками основанному ими поселению на Янтарном берегу – Варген (Варгенава). Невольно вспоминается указание Степенной книги о связи варягов с Пруссией, а также летописная локализация варягов: *«По сему же морю (Варяжскому, Балтийскому) сядять Варязи семо къ вьстоку до предела Симова (Волжская Булгария), по тому же*

морю сядять къ западу до земле Агнянски (область Ангельн на юге Ютландского полуострова (прародина англов) и до Волошьски».

Для осмысления приведенных данных, немаловажным представляется то, что и остров Рюген с близлежащим Поморьем, и Пруссия, и Восточная Прибалтика, судя по письменным источникам и топонимике, оказываются тесным образом связаны с русами. Которых, в свою очередь, на основании многочисленных научных данных можно отождествлять с народом ругов, а летописную "варяжскую русь" считать выходцами с южного побережья Балтийского моря и, в частности, с острова Рюген.

Итак, в заключение можно отметить следующее.

Зарождение прусского общества и культуры уверенно связывается с нашедшим отражение в письменных и археологических источниках фактом появления на Янтарном берегу в середине I тыс. н.э. чужеродного для местного населения народа, пришедшего с запада и привнесшего в рассматриваемый регион собственные принципы власти и организации общества, культурные и религиозные особенности. Многочисленные данные позволяют с изрядной долей вероятности считать прародиной сего этноса и присущих ему культурных черт и традиций земли современной Северной Германии, и, в частности, остров Рюген с близлежащим Поморьем.

Также прослеживается очевидная связь вышеуказанных регионов с Русью и юго-восточным побережьем Балтики. И, по всей видимости, основным связующим звеном между Рюгеном, Пруссией, Восточной Прибалтикой и Русью является именно «род русский».

Из статьи Сергея Анатольевича Колтырина «ПРУССЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗИ», опубликованной в журнале «Исторический формат» вып. 3 за 2015 год.

<https://oldrus.livejournal.com/209457.html>

Работа подготовлена
координатором Проекта «История. Люди. Память» – Эммой Басовой.